

К.Ш. 1058241

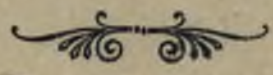
63,3(2)1
С 28
Кр.Ш. 1058241

127

Получено 1938 г.

ЗАПИСКИ

Северо-Двинского Общества
Изучения Местного Края.

ВЫПУСК IV.

г. Великий-Устюг 1927 г.

З А П И С К И

Северо-Двинского Общества

изучения местного края.

ВЫПУСК IV.

1927 года.

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДА ВЕЛИКОГО-УСТЮГА.

Школа в г. Устюге в XVIII веке.

I.

До XVIII века в губерниях Руси не было настоящего школьного образования. Первый указ о заведении школ по губерниям издан был 28 февраля 1714 года — о так называемых цыфирных школах. В этом указе говорится, что Петр Великий указал во всех губерниях дворянских и приказного чина дьячих и подьяческих детей, от десяти до пятнадцати лет (кроме однодворцев), учить цыфры и некоторую часть геометрии, и для того учения послать математических школ учеников по несколько человек в губернию, ко архиерею и в знатные монастыри, и в архиерейских домах и в монастырях отвести им школы, и во время того учения, тем учителем давать кормовых по три алтына по две деньги на день из губернских доходов, а с тех учеников им себе отнюдь ничего не иметь. А как ту науку те их ученики выучат совершенно, и в то время давать им свидетельствованные письма за свою рукою, и во время того отпуску, с тех учеников за то учение иметь им себе по рублю с человека; а без таких свидетельствованных писем жениться их не допускать, и вечных памятей не давать. В дополнение к этому указу состоялись указы 28 декабря 1715 года и 18 января 1716 года. Несмотря на эти указы, школы открывались медленно. Хотя в Устюге и были налицо условия, необходимые для открытия школы, так как был здесь и архиерейский дом, при каких домах обязательно должны были в то время открываться цыфирные школы, были и монастыри, среди которых Михайло-Архангельский м. мог быть, сравнительно с другими монастырями, назван „знатным“, тем не менее школы в Устюге открыто не было, для школьного же обучения принуждали высылать ребят в Вологду. В указе от 30 апреля 1720 года встречаем такое место: „А ныне явилось челобитье в Сенате от посадских людей, а

имянно: от Каргопольцов, Устюжан, Вологжан, Калужан и других городов, что де в помянутые школы принуждают их высылкою детей их из Каргополя в Новгород, а с Устюга на Вологду, а из Калуги к Москве, и в том держат из них многих в тюрьмах, и за караулом, а дети де их от десяти до пятнадцати лет обучаются купечеству и вступают в торговые промыслы, и сидят в рядах за товарами, и ныне де многие из них с отцами и с братьями, и с свойственниками, и с товарищами в отъездах для торгов в дальних городах. А с торговых де промыслов отцы их платят таможенные пошлины и всякие подати, и службы служат. И ежели де детей их купецких людей повелено будет брать в те школы, то они от торгов и от промыслов своих вовсе отстанут, и обучиться уже им впредь торговому промыслу будет не возможно. А вышеписанной де науки многие из детей их обучаются и собою. И чтоб великий государь пожаловал их, не велел в вышеобъявленные школы с посадку детей их имать, дабы от того в положенных на них податях и в сборах таможенных пошлин умаления не было, а им бы от того в раззорении не быть. И по его великого государя указу в Сенате определено... посадских людей детей к той науке высылкою их в неделю не понуждать, и в том отцам их и свойственникам убытков и утеснения не чинить, (как ныне челобитьем своим о том являют), потому что дети их в такие лета приходят в купеческое состояние, и чтоб от того, как в торгах и в промыслах их, так и в сборе с них таможенных и всяких государевых податей, не было повреждения, а принимать во учение из посадских детей таких, которые сами собою к той науке охоту воз'имеют". Хотя в г. Устюге в это время школы и не было, однако, запись в школы существовала, о чем свидетельствуют следующие дошедшие до нас резолюции Велико-Устюгского епископа Боголепа. На прошении архимандрита Гledenского монастыря Филарета с братиею, об определении в пономари к церкви в деревне Пухове монастырского их вкладчика Никиты Плотникова, читаем: „1720 году марта в 6 день пресвященный Боголеп, епископ Велико-Устюгский и Тотемский, сего челобитья слушав, указал по сему прошению оному Плотникову, аще выше пятнадцати лет и в школу не записан, у помянутой церкви быть в пономарях и о том дать новоявленную память и пошлины по указу взять и записать в приходную книгу“. Такая же резолюция от 7 марта 1720 года последовала на прошении об определении в пономари к Туглимской Благовещенской церкви (бывшего Яренского уезда) того же прихода Павла Бутина. И здесь в резолюции сказано, что „ежели он (Бутин) выше пятнадцати лет и в школу не записан, быть у помянутой церкви в пономарях“. Но в то время не только производилась запись в школы, но были попытки и самого сбора детей школьного возраста. Так, Яренские заказные судьи, иеромонах Иосиф, да преображенского собора священник Василий, писали преосвященному Боголепу, еп. Велико-Устюгскому и Тотемскому: „ныне, государь, требует от нас на словах Иван Петрович Матюшкин, чтоб нам собрав церковнаго чина детей и отдать ему к отсылке для школьнаго учения. А нам, государь, за дальностию мною разных церквей, того учинить не возможно. И о том, как ваше архипастырство благоволит“. Иван Петрович Матюшкин в 1720 и 1721 года был стольником и воеводой Устюгской провинции. В данном случае он сделал словесное распоряжение о сборе в школу детей со всего Яренского уезда, чем и поставил в затруднение Яренских заказных людей. Так как в Устюге в это время школы не было, то само собой понятно, что Матюшкин не для Устюга имел в виду собрать детей школьного возраста, равным образом не для Устюга же производилась в это время и запись в школы. С изданием Духовного Регламента (1721 г.) явился новый мотив к возникновению школ по гу-

берниям. Регламентом предписывалось в каждой епархии открыть школу обязательно и учить в надежду священства поповских и церковно-причетнических детей. Это уже были не цифирные школы, а так называемые архиерейские, без прохождения курса которых, „на убылые места в попы и во дьяконы, во священнический чин, поставлять епископам жестоко запрещено“ было Регламентом Духовным. Впрочем и эти школы не сразу появились по губерниям, так что на предложение правительствующего сената от 16 сентября 1723 года соединить цифирные школы с архиерейскими, от святейшего Синода было отвечено 17 октября 1723 года, что такого соединения, кроме Новгородской епархии, произвести не возможно, „понеже в протчих епархиях архиерейские школы еще неопределены“. Решительное распоряжение об устройстве школы в Устюге было сделано в конце 1723 года. В указе Синода от 18 октября 1723 года на имя Боголепа епископа Устюгского и Тотемского предписано: „поповских и дьяконских, и причетнических детей, к школьному учению годных, а именно от семи до 18 лет собрать всех и о учении в школах и о довольствовании их чинить по Духовному Регламенту не отложено. И преосвященному Боголепу о немедленном вышеповеленного исполнении и что чиниться будет о присылании тому всему обстоятельных в канцелярию святейшего Синода репортов велеть чинить по его императорского величества указу“. Согласно этому указу, в том же 1723 году и произведен был по епархии учет детей духовенства с великою строгостию, что ясно из следующего дошедшего до нас документа. „1723 года ноября в 1 день. По указу его величества императора и самодержца всероссийского, каков дан дому преосвященного Боголепа, епископа Велико Устюгского и Тотемского из казенного приказу приставу Петру Перевалову о переписи священниковых и причетниковых детей Яренска уезду. Ляльской гвети, Богоявленской церкви просвирня Анастасия Стефанова дочь Попова по святей евангельской заповеди Господни, еже ей, ей правду, ему Перевалову сказала: от рождения де ей просвирне штидесять лет, у нее просвирни в килье своей и в отъезде детей и свойственников и людей и подворников никого нет. А ежели она просвирня сказке своей что сказала ложно, или кого утаила, и за то, по взятии движимаго и недвижимаго ее имения, указал бы его императорское величество учинить ей просвирне смертную казнь“. Итак, за утайку детей была угроза конфискацией имущества и смертною казнию—это, конечно, нельзя не признать самой строгой мерой наказания. Кроме того, как скоро и просвирни были опрошены, то очевидно учет детей у духовенства произведен был поголовный.

Вслед за учетом детей школьного возраста должен был последовать и сбор их для школьного обучения, а, следовательно, и открытие самой школы. Все это должно было произойти „немедленно“, т. е. в ближайшее к полученному указу время и весьма возможно, что в конце того же самого 1723 года.

Школа эта могла открыться и существовать первоначально только в самом элементарном виде, по типу тех школ с первоначальным курсом, в которых обучали славянскому чтению и письму и изучали книжку Феофана Прокоповича „первое учение отроком,—или „букварь“. В указе святейшего синода, от 31 мая 1722 года, ясно определен курс такой школы и желательный образовательный ценз учителей. Прежде всего, принимать в школы определено было детей с семилетнего возраста, а не с десятилетнего, как это было в цифирных школах. Затем, предписывалось „к тому учению во оные школы коемуждо архиерею при своем доме определить умных и честных учителей, которые в книжном чтении были б остры и разумны, и правоглаголение добре произносить и ударение просодии и преписание строчное бес погрешно

соблюдать знали, и других научить были довольны (т. е. способны) и могли бы оных учить не только чисто, ясно и точно по книгам читать, но и разуметь; а наипаче тщались так им оные буквари в твердую память положить, дабы изустно читать могли; и как уже тех букварей совершенно они изучатся и писать понавыкнут, тогда начинать им во обучение славянскую грамматику, а по грамматическому обучению излишнее будет обучиться и арифметики и нужнейшей части геометрии“ (указ 1722 г.). Итак, первоначальный курс школы был научение чтению и письму и изучение наизусть буквара. Способные для таких школ учителя могли найтись на местах, что же касается до учителей, знавших и способных преподавать грамматическое учение, то таковые не везде могли встретиться.

Заботиться о повышении типа школы и принимать меры к введению в школах грамматического учения стали у нас с того же 1723 г.— 29 октября 1723 года вышел указ Синода: „ежели где не обретается учителей (способных обучать грамматике), то для обучения грамматического искусства, усмотря тамо из подьяков, или из поповских детей, остроумных и книжному чтению искусных от 15 до 20 лет, выбрав прислать в новгородскую епархию из каждой епархии по три человека, которых пропитанием довольствовать в новгородской епархии на счет оных архиерейских домов, и выуча тех присланных грамматике, отсылать для обучения ж тамошних священно служительских детей в те ж архиерейские дома, откуда кто прислан будет, и чтоб с того времени впредь никто неимуществом учителей от оного учения не отговаривался“ (указ 13 ноября 1723 года на имя еп. Боголепа. Согласно этому синодскому указу, от Устюжской епархии в 1724 г. и были присланы в Новгородскую школу, для грамматического обучения, два подьяка, которые и содержались в этой школе с 14 февраля 1724 г. по 29 апреля 1725 г. Один из них был Иван Прокопьев, а другой Даниил Протопопов, впоследствии протоиерей Мироносицкого собора в городе Устюге и ректор Устюжской семинарии в 1740-х годах. Довольно подробные сведения о присылке этих подьяков встречаем в следующей, дошедшей до нас промемории.

„Из канцелярии Устюжской синодальной команды дому преосвященного Боголепа, епископа Великоустюгского и Тотемского в казенный приказ.

Сего апреля 7 дня 725 году в присланной из Великоновгородского архиерейского розряду во оную канцелярию промемории написано. Марта 11 числа оного 725 году во оном Великоновгородском розряде Устюжской епархии подьяк, содержавшийся в доме Великоновгородской греко-словенской школы, ученик Иван Прокопьев предложил письменно заручное доношение, в котором объявил—в прошлом де 724 году, по указу от святаейшего правительствующего синода, выслан он во оную школу для обучения словенской грамматике, которой совершенно и обучился, и по свидетельству латынские школы учителя иеромонаха Георгия и греколатинские школы иподьякона Федора Максимова и певчего Варфоломея Федорова явился удостоен. И чтоб указом его преосвященства повелено было, ради отправления в дом ево, выдать на проезд денег показанное им при том доношении пополнительною сказкою число на наем от Новгорода до Вологды подвод на 600 верст и ему на корм всего 15 рублей. И по указу преосвященного архиепископа Новгородского и по предложенной при том ево прошении на сказке помете велено оное денег число ему просителю выдать из казны с роспискою и о всех тех расходах выписать обстоятельно, для возвращения от епархии в дом по указу требовать промеморию. А по справке с домовым чашником монахом Герасимом, колико и с которого времени на оных уче-

ников из дому его преосвященства питомственного и прочего по цене употреблено, тому при той промемории пообщен реэстр, и казенного приказы о вышеписанном ведать и о посылке в Великоновгородской архиерейской розряд приобщенной со одного присланного реэстра при сей промемории копия показанного числа денег учинить по указу бес продолжительного времени непременно“.

Любопытна и „копия с реэстру, колико по ведению домового чапника монаха Герасима оному Ивану и при нем товарищу его от дому употреблено в питомство 724 году февраля с 14 числа сего 725 году апреля по 1 число“. В реэстре этом значится: „муки, круп и солода и протчаго питомства 16 четвертей на 56 рублей; кормовых денег 23 руб. 28 коп.; соли 2 пуда на 74 коп.; дров 2 сажени на 2 рубля; свеч салных 1 пуд на 1 р. 40 коп., бумаги писчей 1 стопа на 1 р. 60 коп., букварей 6 на 2 р. 60 коп.; грамматик 2 на 90 коп., Блаженств 2 на 1 р. 40 коп., Ифики Иерополитины 2 на 1 р. 40 коп., итого на 91 р. 32 к., а с вышеозначенными, данными в напутствование 15 руб., в расходе 106 руб. 32 коп. Апреля 29 дня 1725 году. Подканцелярист Максим Князев“.

Итак, подьяк Иван Прокопьев, вместе со своим товарищем, в апреле 1725 г. окончил обучение свое в Новгородской школе и получил деньги на проезд в г. Устюг. Проф. П. Знаменский говорит, что „один из Устюжских подьяков в том же 1725 году открыл грамматическое обучение в Устюжской школе“ (Духовные школы в России, стр. 131). Так как эта школа, с грамматическим обучением, была школой уже повышенного типа, обычно же первоначально возникают школы с низшим курсом обучения и затем уже они развиваются в повышенные, то отсюда можно прийти к заключению, что до 1725 года в Устюге должна была существовать школа в самом первоначальном, простом ее виде, с данного же года она получила дальнейшее свое развитие открытием грамматического класса. Нельзя же в самом деле, начинать обучение детей прямо с грамматики, нужно предварительно обучить их искусству чтения, а на это нужно, конечно, время. Однако, школа с первоначальным курсом обучения до 1725 года могла существовать в Устюге очень непродолжительное время, т. е., как и сказано нами выше, могла быть открыта только в конце 1723 г.

О школе с повышенным курсом Н. И. Суворов, в статье своей „Несколько материалов для первоначальной истории Вологодской семинарии в XVIII столетии“ (Вол. Еп. Вед. 1865 г. № 9 стр. 299), приводит следующую выдержку из Ист. Росс. Иер. ч. I стр. 428 „В 1725 году учреждена школа в Великом-Устюге и собрано детей 15 чел., которые и были изучены букварям с толкованием“ и грамматике; а потом школа сия упразднилась за неимением учителя. В данной выдержке кроме определения времени открытия школы ценно указание на количество обучавшихся в этой школе детей, что же касается до отсутствия учителя для школы, как причины ее закрытия, то это сообщение нельзя принять на веру. Если почему либо не стало в Устюге Ивана Прокопьева, то Даниил Протопопов был в Устюге даже в 1740-х годах, следовательно, мог быть учителем в школе.

Сколько именно времени после 1725 года существовала рассматриваемая нами школа в г. Устюге, сведений не имеем. Несомненно, однако, что она действовала не 1 год. Указами 22 августа и 23 октября 1727 г. на имя еп. Лаврентия, синод требовал обстоятельных сведений о школе: „сколько учеников сначала было и ныне обретается и до каких наук произшли и в какое достоинство куда произведены“, на каких указах последовали резолюции епископа, 25 октября, „справясь подлинно, учиня обстоятельную ведомость, отослать в святейший синод немедленно“, и

22 декабря: „в святейший синод об отсылке оных ведомостей ответствовать обстоятельно“. Само собой понятно, что если бы в это время не было школы, то и никаких ведомостей отсылать о ней не пришлось бы. Затем, получен был в Устюге указ Синода от 29 октября 1733 г. о порядке пострижения в монашество школьных учителей, каким опять-таки дается намек на существование школы в городе.

В дальнейшем мы встречаемся уже с фактом нового возникновения школы в Устюге, с фактом открытия таковой школы в 1738 г. Устюжский Летописец, говоря о Луке Конашевиче, Устюжском епископе, который прибыл в Устюг 1738 года января в 1-й день и был на Устюжской епархии только 4 месяца и 10 дней, повествует: „Сей преосвященный, по прибытии своем в Устюжскую епархию, собрал детей церковнических и учредил латинские школы, при чем особенное имел старание до наук, а сам трудился в проповеди слова божия“ (Лет. Велико-Устюгская. А. А. Титов стр. 81). Летописец не знает о школе, существовавшей в Устюге около 1725 года, а говорит именно об учреждении латинской школы Лукой Конашевичем. Яснее об этом же самом сказано в ведомости Прокуратора школ, обретающихся при доме Устюжского преосвященного, Алексея Попова, поданной им в декабре 1739 г. Здесь говорится, что таких школ имеются: „две школы деревянные в одном месте, первая славенолатинская, другая славенороссийская. А вышеобъясненные школы строением и собрание учеников и положенному по указом хлебу сбор производиться начал с 738 году“ (Волог. Еп. Вед. 1887 г. № 16 стр. 286, 290), т. е. самое возникновение этих школ относится им именно к 1738 году, при чем завел указанные школы епископ Лука. Пред отбытием преосвященного Луки в Казань, прокуратор Алексей Попов, в мае 1738 г., подал ему всепокорнейшее доношение такого содержания: „С прибытия вашего преосвященства в Устюжскую епархию в новозаведенных ваших преосвященством школах имеется во обучении в славенолатинской и в славенороссийской учеников 94 человека, из которых человек с двадцать и больше, по указу вашего преосвященства, до собрания семинарского хлеба, пищею довольствовались из дому вашего преосвященства... А ныне, по указу ея императорского величества ваше преосвященство из Устюжской епархии отбываете в Казанскую епархию. А до прибытия в Устюг великого господина преосвященнейшего Гавриила архиепископа оных школ учеников на каком трактаменте (содержании) повелено будет содержать, требую вашего преосвященства милостивого определения, понеже из тех учеников многие, которые взяты из дальних мест, объявляют, что они препитания ныне себе ни от кого не имеют и от того претерпевают великую скудность, другие же из них питаются у родственников и у знакомцев своих.“ На это доношение преосвящ. Лука положил резолюцию: „которые ученики препитания не имеют, таковых кормить с сборного семинарского хлеба и одежду нужную исправлять с наличных сборных же денег, и что кому и за што исправится, в реэстр записывать“ (ibid. 284—285 стр.).

Еп. Лука жил в Устюге всего только $4\frac{1}{3}$ месяца и за это время успел собрать 94 учеников и организовать из них целых две школы, с двумя различными курсами, из которых если один был элементарный, то другой, для того времени, был весьма повышенный. Такой успех дела невольно заставляет обратиться мыслями к школе, существовавшей в Устюге до епископа Луки и в ней видеть причину успеха школы, заведенной Лукой. Прежде бывшая школа, надо полагать, дала и подготовила учеников для новой школы, почему эта последняя и была открыта сразу в широких размерах. Заслуживает внимания в данном случае сообщение штаб-лекаря Якова Фриза. В своей хронологической

таблице г. Устюга Великого он так говорит: „1737. Великоустюжская семинария епископом Лукой приведена в оном году в лучшее состояние“. По сообщению Фриза выходит, что и пред прибытием в Устюг еписк. Луки школа здесь, в той или иной форме, существовала и лишь Лукой приведена в лучшее состояние.

Числилась устюжская семинария состоящею при доме Великоустюжских епископов. Так в 1745 г. казначей Боголеп Кариллов писал, что дом архиерейский в г. Устюге против помещиков и государственных крестьян несет лишние налоги, „а имено: семинарию и принадлежащих в ней учителей с книгами содержит“... Здесь, конечно, имелись в виду заботы архиерейского дома о содержании семинарии и неизбежные при этом случайные расходы на нее. На самом же деле содержалась духовная школа в Устюге в XVIII веке (называемая за все это время семинарией) на сборный хлеб, каковой собирался со всех церквей и монастырей устюжской епархии, причем с церковей собиралась одна тридцатая часть, а с монастырей одна двадцатая часть с приполонного хлеба, т.-е. с родившегося сверх рассеянных семян. Духовенство епархии обязывалось собственноручными подписками представлять узаконенную часть хлеба на содержание семинарии. Для отобрания таких подписок в разные края епархии рассылались разные лица. Так, напр., в ноябре 1757 г. послан был пищик Михаил Усов с заготовленным листом, на котором было написано: „нижеписанных монастырей и пустынь управители, а церковей священники и старосты сею подпискою обовязуются, под неизбежным штрафом и жестоким на теле наказанием, в том, что для платежа на семинарию его преосвященства из урожая нынешнего 1757 году приполонного всякого хлеба от монастырей и пустынь двадцатой, а от церковей тридцатой долей являться в Казенный его преосвященства Приказ к семинарийским делам с вероятными и справедливыми ведомостями будущего 1758 году генваря в первых числах непременно, в том под сим и подписуются“. На этом листе и имеются собственноручные подписи властей, священников и старост от расположенных по р. Двине 29 церковей, 1 пустыни и 2 монастырей, начиная от Ягрышской, Николаевской ц. и до Шемогодской Николаевской ц. Сохранились и ведомости, представляемые духовенством о приполонном хлебе. От некоторых церковей получалось довольно значительное количество хлеба, напр. в 1763 г. от Яхренгской Богоявленской ц. поступило к платежу на семинарию ржи $5\frac{5}{8}$ четверика, ячмени $1\frac{1}{2}$ четверика, овса $8\frac{1}{4}$ четверика и пшеницы $\frac{1}{4}$ четверика; но были и совершенно мизерные по количеству с церковей сборы. Так, в том же 1763 г. при Цылибской Рождественской ц. Яренского уезда с урожая поступило на семинарию всего ржи $\frac{1}{4}$ четверика и ячмени $\frac{1}{8}$ четверика. Объявить и заплатить следующую с урожая часть хлеба старосты ездили сами в Устюг. Так, в 1751 году в январе месяце уехали с платежом хлеба старосты из Яренского уезда Оплапецкой Сретенской ц., Туглимской Благовещенской, Цылибской Рождественской; заплатить нужно было первому 4 четверика разного хлеба, второму $1\frac{2}{3}$ четверика и третьему $\frac{2}{3}$ четверика. Из ведомостей видно, что в то время молотба всюду происходила на открытом воздухе, почему и оказывалась, в иных случаях, „Хлеб с ноль снят, но за непостоянными нынешней осени погодами, не измолочен“ или, как напр. было в 1762 году в Среднепогостской Рождественской ц. „рожь и жито измолочено, а не извяино, ржи было три овина, ячмени два овина, а те по измолоте имеется на гумне в ворохах тому времени месяца два и чрез такое долгое время, а особливо ноябре и октябре месяцах от бывших теплын и от переменного воздуху согнивает и от птиц тратитца“. Хлеб в декабре измолачивался окончательно и в январе следующего года старосты отпра-

влялись в Устюг, в казенный приказ, к семинарским делам, с справедливою ведомостию и с причитающимся количеством хлеба в натуре, или же „не привозя в Устюг хлеба, но вместо того, по учиненной справке, по чему цена состоять будет, платить деньгами“. В случае, когда староста оказывался неаккуратным в доставлении на семинарию подлежащей части хлеба, делались строгие распоряжения принудить его к точному исполнению своей обязанности. Так, в указе 1752 года из Казенного его преосвященства Приказу, дому его преосвященства служителю Егору Шадрину пишется между прочим: „тебе ж посланному приказуется, по прибытии в Троицкий Телегов монастырь, отправить при себе из того монастыря нарочно посланного Сидоровы Едомы к Покровской церкви, которому приказать, чтоб, по прибытии на тот погост, сыскать церковного старосту и по сыску, не давая ему не малаго послабления, выслать в домовый его преосвященства Казенный Приказ с платежом на семинарию из урожая прошлого 751 году всякого хлеба тридцатой доли неотменно“.

В 1738 и 1739 г.г. на содержание семинарии собрано хлеба: ржи 464 четверти, ячменя 273 четверти, овса 241 четверть, пшеницы 10 четвертей, гороху 5 четвертей, конопляного семени 1 четверть, да деньгами за хлеб собрано 73 руб. 96 коп., от добротных дателей поступило 16 руб., штрафных с церковнослужителей за неисправность их 68 руб. 50 коп., итого деньгами 158 руб. 46 коп. В ведомости 1763 г. про собираемый хлеб отмечено, что на содержание семинарии и учеников собирается хлеба всякого по сортам годом по 534 четверти по 4½ четверика, „токмо оной сбор бывает не уравниательной, но по урожаю, годом болши и менши“. С 1765 года Устюжская семинария стала содержаться на 653 руб. 55 коп. жалованья в год, назначенного по штатному окладу, ассигнованному из доходов с отобранных в казну монастырских и церковных вотчин. С течением времени оклад этот был увеличен. Так, в 1786 году на содержание семинарии из Устюжского областного казначейства получено было 2000 рублей.

Если для грамматического класса требовались учителя с особым образованием и кандидатов в таковые посылали для обучения в Новгородскую школу, то тем более для заведенной в 1738 году словенно-латинской школы требовался учитель с особой квалификацией и на месте такового найти было, конечно, не возможно. Латинский язык в то время считался фундаментом всех знаний и поэтому о преподавателях его было особенное попечение. В 1738 году учителем славенно-латинской школы был некто Евстратий Баранович, выписанный в Устюг малороссом по происхождению Лукой Конашевичем. В сентябре 1738 г. Баранович обратился к преосвященному Гавриилу архиепископу Великоустюжскому и Тотемскому, с таким доношением: „Брат ваш, преосвященный Лука, бывший епископ Великоустюжский и Тотемский, а ныне Казанский и Свияжский архиепископ, при от'езде своем с Устюга в Казань, определил меня нижайшего быть мне учителем в словенно-латинской школе до прибытия вашего преосвященства, а по прибытии вашем оставляет для содержания мене на ваше рассмотрение, также и мне позволено, быть ли по прибытии вашем учителем в славенно-латинской школе, или нет, во мою охоту, которую я школу, по от'езде его преосвященства до прибытия вашего и обучал. А ныне прошу вашего ясне в богу преосвященства отпустить мене нижайшего от своего архипастырского дому с свободным абшидом (билетом) в освою отчизну. А буде ли вашему ясне в богу преосвященству мене надобно, прошу вашего преосвященства при своей архипастырской милости определить мне определение“ (Вол. Еп. Вед. 1887 г. № 23 стр. 393). Еп. Лука отбыл из Устюга 11 мая 1738 г., а архиепископ Гавриил прибыл 7 ав-

густа 1738 г. Учителемствовал ли Баранович в Устюге только в этот промежуток времени и сразу же после своего доношения отпущен был в свою отчизну, или же продолжал некоторое время учительствовать и после сентября месяца 1738 г.—об этом пока сведений не имеем; только в мае месяце 1739 года появился в Устюге новый учитель словено-латинской школы, с которым в июне месяце и заключен был следующий „контракт, учиненный преосвященным Гавриилом архиепископом Великоустюжским и Тотемским с студентом Московской Академии Симеоном Алексеевым“.

„1739 году июня дня на Устюге в доме преосвященного Гавриила, архиепископа Велико-Устюжского и Тотемского в домовую его преосвященства канцелярию Московских школ студент Симеон Алексеев дал сей контракт в такой силе. Обязуется он на Устюге в домовой его преосвященства словено-латинского диалекта школе быть учителем по тое время, доколе он пожелает; а когда больше не похочет, то дать ему свободной отпуск и с прииждвением его, которое он за свои труды получит. А в тую ево учителем бытность довольствоваться ему таковым его преосвященства домовым коштом, а имянно: денег в год 80 рублей, которые деньги выдавать ему, когда востребует, а вместо кушанья по-всядневно, как мясного, так и постного, дать ему 20 рублей, кроме помянутых 80 рублей, итого будет 100 рублей. Кроме еще сего выше-объявленного числа денег надлежит ему дать в год: пива варю, вина простого 5 ведер, водки 3 ведра. И к приуготовлению ево собственново кушанья определен бы был к нему повар особливой. Квартира и дрова домовые его преосвященства. В келии его потребная посуда: поддюжины блюд, поддюжины торелей, две скалертти, поддюжины салфеток, поддюжины ножей, един подсвещник, една кружка, на стол ковер. Домовые ж его преосвященства невозбранно б было дать лошадей, когда пожелает он прогуляться. Книги, имеющиеся в доме его преосвященства для чтения даваны б были ему под росписку. И за оной вышепомянутой его преосвященства кошт должен он Симеон Алексеев учеников, колико в тую школу определено будет, обучать славенолатинскому диалекту по регулам, каковые от его преосвященства объявлены будут. И во утверждение вышеписанного при сем подписуемся своеручно: Московской славяногреколатинской академии школы богословии слушатель Симеон Алексеев. На подлинном контракте вверху подписание преосвященного Гавриила, архиепископа Великоустюжского и Тотемского тако: записав в книгу, принять в повытье и чинить по сему. Игумен Прокл. С подлинным читал подканцелярист Афанасий Ключарев. Июня дня 1739 г.“.

Что все положенное по контракту учитель Семен Алексеев получал сполна, видно из следующего ответа на запрос архиерейской канцелярии, поданного 9 сентября 1740 года казначеем архиерейского дома: „По справке, помянутому учителю Семену Алексееву, по контракту ево в прошлом 739 году, по прибытии ево с мая того года по май ж сего 740 году, денги и прочее, что по оному контракту надлежало, кроме настольного килима¹⁾ (понеже в доме его преосвященства настольных килимов не имеется) выдано в надлежащее время все сполна, без удержания, а вместо пива вари брал он учитель по своей воли с казенного архиерейского погреба по полуведра на день, которого по исчислению

¹⁾ По контракту „ковра“ на стол.

будет и болши вари¹⁾). Да дому его преосвященства погребной монах Никодим об'явил: он же учитель самоволством своим, сверх контракта, брал с архиерейского погреба казенного архиерейского вареного меду по осмине ведра на каждой день, да с'естных харчевых припасов печеные хлебные ситние и пшеничные пироги, и соль, и крупу, и с'редка и масло, и сметану, и лук, сколько ему потребно. А з нынешнем 740 году он же учитель пиво и харчевые всякие припасы, кроме меду, когда и сколько чего ему понадобится, от него погребного чрез посланных своих служителей брал же, что и давано ему им погребным без'отказно, а ни в чем, по требованию ево, никакого удержания ему учителю ни от кого не было" (В. Е. В. 1887. № 22, стр. 369). Относительно помещения учителя тот же казначей архиерейского дома дал такой ответ: „У имеющагося в доме его преосвященства славянолатинской школы учителя Семена Алексеева палату (комнату), в которой он учитель живет, нагревали домовые архиерейские работники Матвей Малухин, Михайло Костылев, Петр Следников и другие, всегда без остановки; а от портных, которые близ тое палаты священные одежды и прочее портное отправляли, никакова беспокойствия и обид не происходило, ипотом оной учитель мне казначею никогда не об'являвал; а домашними всякими потребностями и посудю он учитель, кроме настольного килима, снабден был без оскудения, и по учиненному с ним контракту, что ему надлежало, выдано все сполна и в тое время, когда он чего требовал, о чем и в преждеподанном от меня казначея во оную его преосвященства канцелярию ведении об'явлено имянно (ibid 870 стр.).

Как видим, учитель этот особенно ценился и потому пользовался вполне обеспеченным и привольным житьем. Обеспеченность его содержания особенно ясно выступит пред нами, если припомним дешевизну на все продукты, какая существовала в то время в г. Устюге. До нас дошла от 1759 года книга, „учиненная в домовом преосвященного Варлаама, епископа Великоустюжского и Тотемского казенном приказе, в которую записывать имеющейся при доме его преосвященства семинарии денежной расход“. Вот какие цены существовали в то время в г. Великом Устюге. Сажень дров стоила 20 коп., пуд мяса — 20 коп., фунт масла скоромного — 3½ коп. Соответственно дешевизне жизненных продуктов дешев был и труд людской. Так, в книге встречаем записи: „работнику Василью Попову плачено за работу семинарского нового очага 2 копейки“, „кузнецу Афанасью Шишкину плачено за починку семинарских трех висячих замков денег три копейки“; „плачено работником двучеловеком от перекладывания в семинарской бани печных дуг и каменницы за работу 20 копеек“. Дешевы были и продукты труда, напр. „куплено в торгу в семинарию деревянной посуды, а имянно ушат, ведро, туес (бурак), за все плачено пять копеек“; „куплено в семинарию к варению мяса горшков глиняных, да к закрытию трубы вьюшка, да два ковшы деревянные водочерпные, всего по цене на семь копеек“. При такой дешевизне на предметы первой необходимости, сторублевый оклад содержания в год являлся более чем достаточным. Впрочем, таким большим окладом пользовался один старший учитель, преподававший латинский язык. Другие служащие в семина-

¹⁾ Варя—старинная промысловая податная единица. Вари были различны: пивная, медовая, винная и соляная. 1) Пивная варя. В одном указе 1746 года замечено: „В затор в каждую пивную варю хлеба кладется от 7 до 8 четвертей, смотря по доброты хлеба, а пива из каждой вари из чана, в том числе и дрожжами, снимается не более как до 120 ведр“ (Энциклопед. Словарь Ф. А. Брокгауз и И. М. Ефрон. Том V-а. стр. 569). Учитель Алексеев в течение года брал по полведра пива на день, следовательно, выбрал он в год ведер более 180, про которые казначей говорит, что „по исчислению будет и болши вари“. Так как разниця между 120 и 180 очень велика, то возможно, что в монастырской практике варя была и значительно больше указанной.

рии получали значительно меньше. Кроме славянолатинской школы, с 39 учениками, в Устюге в 1739 г. была славянороссийская школа, с 56 учениками, учитель в ней был один и жалованья получал только 20 руб. в год, да хлеба ржи 13 четвертей, ячменя и овса по 6 четвертей. Для надзора над школами и школьными зданиями состоял 1 прокуратор¹⁾, жалованья ему определено было денег 10 руб., да хлеба ржи 16 четвертей, ячмени и овса по 7 четвертей 4 четверика. При нем 1 подъячий, жалованья ему денег 4 рубля, да хлеба ржи и овса по 4 четверти. Были еще два провиантских целовальника, которые определены по выборам без жалованья от монастырей; дворник 1, содержания получал денег 4 руб. 20 коп., а пропитание имел от семинарского дома; истопник 1 и повар 1 получали каждый по 3 руб. денег, да хлеба ржи и овса по 3 четверти; хлебник 1, получал содержания денег 2 руб. и хлеба ржи и ячмени по 1 четверти 4 четверика каждого; у присмотру за учениками из отставных солдат 1, прокормление имел при школах с учениками.

Что касается до содержания школьников, то от 1738 года дошли до нас записи на поллисте бумаги, которые носят громкое название „книги“. В книге этой записан расход по месяцам на школьников в марте, апреле, мае, июне, июле и августе месяцах. Здесь встречаются дачи такого рода: „Выдано дворнику Григорью Зрелых на школьников гороху четверик“. „Симяни конопляного треть четверика“. „Выдано школьником толокна 1 четверик“ и т. д. В конце этой книги подведен итог. „И всего по сей книге Марта с 1 числа, до сентября по первое ж число в выдаче школьником всякого хлеба: толокна сеяного 2 четверти и 10 фунтов, гороху 1 четверть 1 четверик и 1 решето, симяни конопляного 2 четверика (без трети четверика); хлеба печеного по выдаче хлебодаров 204 ковриги“.

Из ведомости прокуратора Алексея Попова узнаем, что на школьников был и денежный расход. „Из тех денег в том же 738 году в росходе: На покупку про учеников книг-грамматик, глиняных чернилиц, чернил и перья, на книги и на теки²⁾ кож 8 р. 39 к. Учеником же обуви, на рубашки холста и на хлебные мешки и нитей, ножницы, щоты и сургучу 4 р. 86 к. Про учеников же мяса, рыбы, соли, масла коровья и посного, колачей, меду, уксусу 6 р. 65 к. От помолу и от печенья хлебов и от варенья квасов 82 коп. Свеч салных, дров, рогож, бочек лопат, метел, деревянной посуды и горшков—12 р. 78¹/₂ коп. На строение семинарии 57 р. 6 к. Учителем и прокуратору в жалованье 32 р. 58 к. итого в расходе 123 р. 15 к. (денег же поступило в 1739 году 158 р. 46 к.). (Вол. Е. В. 1887 г. № 16 стр. 289).

Более подробные сведения о содержании устюжских семинаристов имеем за 1759 год, так как от этого года дошла до нас „Книга, учиненная в домовом преосвященного Варлаама епископа Великоустюжского и Тотемского казенном Приказе, в которую записывать сего 1759 года генваря с 1 числа имеющейся при доме его преосвященства Семинарии денежной расход, с ведома казенного Приказу, в бытность целовальника Ивана Сухнева“. Здесь прежде всего видим, что содержались разных школ ученики, а именно риторики 14 учеников, пиитики 9, синтаксисы 6, грамматики 10, инфимы 11, фары 9, славенской 4. Выдача одежды и обуви ученикам приурочивалась к праздникам пасхи и рождества Христова. К празднику пасхи было: а) куплено на шитье семинарским ученикам зипунов сукна сермяжного 169³/₄ аршина ценой от 5¹/₄ до 7 коп. за аршин, всего на 10 руб. 20³/₄ коп.; б) куплена 51 пара

¹⁾ При переводе на наши понятия это был заведующий хозяйством.

²⁾ Тски—кожаные сумки для ношения книг и тетрадей.

чулков панских, от 10 до 11 коп. пара, на 5 р. 47 к.; в) чарков ¹⁾ 52 пары за 10 руб.; г) на покупку рубашек и портов роздано деньгами 52 человекам 11 р. 48 коп., от 20 коп. до 24 коп. каждому, д) за шитье зипунов сермяжных выдано по 6 коп. на человека 16 ученикам всего 96 коп.; е) выдано трем ученикам на покупку чулков деньгами по 5 до 7 коп. на человека, всего 17 коп. К празднику рождества Христова выдано ученикам: а) 60 шуб овчинных, от 90 до 95 коп. шуба, овчин 14 на 1 р. 50 к., сукна серого на шитье кафтанов 64¼ аршина по 6 коп. за аршин, чулков панских 68 пар, от 8 до 11 коп. пара и всего израсходовано 67 руб. 60½ коп.; б) куплено чарков больших, средних и малой руки 65 пар и заплачено за все 12 руб.; в) выдано на покупку рубашек с портами 63 человекам по 24 коп., а малым по 13¼ коп., всего 14 р. 48½ коп.

Пища семинаристов была обильна и довольно разнообразна. В 1759 году употреблено на питомство учеников муки ржаной 62¼ чет-верти, муки ячной 7 четвертей 7 четвериков, муки пшеничной 4 чет-верти 3½ четверика, гороху 4½ четверти, крупы овсяной 13 четвертей 2 четверика, крупы ячной 7 четвериков, толокна 24 четверти 2 четве-рика, солоду ячного 96 четвертей 7 четвериков. Солод употреблялся для приготовления кваса, для варенья которого было куплено каменья 25 возов на 1 руб. 75 коп., три метлы по 4 коп. каждая, 2 лопаты за 2 коп., ковш да лейка за 4 коп. Мяса говяжьего куплено 97 пуд. 9 фун., от 20 до 40 коп. за пуд., всего на 33 р. 4 к., масла коровьего куплено 14 пуд. 24 фун., от 1 р. 40 к. до 1 р. 50 к. за пуд., на 20 руб. 53 коп Трески сырой—29 пудов 13 фун., по 21 коп. за пуд, а с провозом от Архангельска до Устюга, всего на 7 р. 60 к.

При семинарии были два огорода, в которых выращивались ка-пуста и редька. К сажению их куплено было капустной рассады 10 арш. и семени ретечного на 7 коп. Капуста в прок готовилась в кислом виде и ее заготовилось не малое количество, так что в 1759 году вы-дано было „к делу кислой капусты на посыпку муки ржаной четыре четверика“. Соли в течении года куплено было 25 пудов по 50 копеек за пуд.

Для раздачи ученикам „ко обучению“ куплено было писчей бу-маги 17 стоп по 1 руб. 10 к. стопа, на 18 руб. 70 коп. За ставление чернил для учеников заплачено 80 коп. за весь год. Для освещения куплено сальных литых свеч по 1 р. 40 к. за пуд, всего 6 пуд. 30 ф. на 9 р. 45 к., кроме того куплено березовых дров, потребных на лу-чину 1¾ сажени по 25 коп. за сажень, всего на 41 коп. Для отопления семинарских помещений куплено дров сосновых и еловых по 20 коп. за сажень, всего 97¼ сажен, на 19 р. 42 коп. Серы горючей куплено за два раза всего на 4 коп., (очевидно для приготовления серных спичек). При семинарии была баня и для семинаристов куплено было веников 950 штук, по 5 коп. сотня, на 47¼ коп. Умывались семинаристы над деревянными лоханями и за купленный для них рукомошник заплачено было 2½ копейки. Ковши, ложки, поваренки покупались деревянные, чаша артельная тоже деревянная и куплена за 2 коп.; очевидно семи-наристы хлебали по несколько человек из одной чаши, которая и на-зывалась по этому артельной. Мясо варилось в глиняных горшках, цена которых была также очень не высока. Так, встречаемся с записью: „в семинарию, в стряпчую избу к варению мяса и протчаго горшков глиняных“ больших и малых (куплено) на 4 коп. Для сиденья семина-

¹⁾ Чарки—кожавая обувь, вроде глубоких бышмаков с толстыми подошвами и с суконною по верхнему краю опушкой, в которую продевался шнурок для прикрепления обуви к ногам.

ристов были устроены лавки. Прислуги при семинарии было: а) сторож, он получал жалованья в треть года $83\frac{1}{2}$ коп. и хлеба в полугодие 6 четвериков ржи и 4 четверика ячменя; б) хлебник и кашевар, который получал за печение хлебов и за варение про семинаристов в питомство артели (т. е. горячего кушанья) жалованья 6 руб. в год.; в) портомойница, которая получила в год ржи 6 четвертей и ячменя $1\frac{1}{2}$ четверти. Был копист семинарских дел, которому выдавалось жалованья в год деньгами 2 руб. и хлебом 4 четверти ржи. Был еще так называемый семинарский солдат, ему отмечены выдачи только на покупку башмаков деньгами 20 коп., да на рубашку с порты деньгами 24 коп.

В экстренных случаях к семинарскому столу подавалось лишнее блюдо. Так, по случаю постройки для семинарии нового деревянного здания „на обновление семинарских покоев“ 3 сентября 1768 года куплено было палтусины и теста пшеничного на 76 коп. В 1768 году три раза встречаются покупки молока. Так, 22 марта куплено было к празднику св. Пасхи молока кислого на 1 р. 7 к., затем кислое молоко (второг) покупалось еще 7 июня на 1 руб. 46 коп. и 6 июля на 65 к.

Книг покупалось очень мало. Напр. в 1768 г. куплено было всего 4 часослова за 1 руб. 40 коп., лексикон Целлариев за 90 коп. и симфония за 1 руб. Зато куплено было $11\frac{1}{2}$ стоп писчей бумаги. Очевидное дело ученики сами списывали свои учебники, как это и практиковалось в семинариях весьма долгое время. И свечи сальные покупались очевидно, для занятий учеников, в другое время для освещения употреблялась лучина.

Как при первоначальном основании семинарии ученики собраны были в нее распоряжением властной воли епископа, так и в последующее время сбор учеников в семинарию производился по приказу преосвященных, чрез так называемых закащиков, (т. е. благочинных прежних времен). Указами преосвященных или же семинарской конторы, предписывалось закащикам „имеющихся в их заказе священно и церковно служительских детей, от семилетнего возраста, не обходя ни единого, выслать к его преосвященству при доношении, без всякой утайки, под опасением штрафованья, для свидетельствования, к отсылке в семинарию во учение“. Также церковно служительских детей, отпущенных в дома их родителей на сроки, или же по болезни, предписывалось „не обходя ни единого выслать к его преосвященству, с приобщением реестра“ высылаемых учеников. В случаях не редких в то время побегов учеников из училища, предписывалось закащикам же их отыскивать и возвращать в Устюг. Так, 18 июля 1756 года из домового преосвященного Варлаама епископа Велико-Устюгского и Тотемского приказу послан был указ города Тотьмы заказному протопопу Иакову „о сыску и о присылке в дом его преосвященства, скована в железа бежавшаго из дому его преосвященства подьяка и Велико-Устюгских славянолатинских школ ученика, а города Тотьмы Воскресенской церкви священника Иоанна сына Варфоломея Попова при доношении, под караулом“. Насколько строго были исполняемы указы о требовании учеников, можем судить из того, что в случае даже самой крайней невозможности доставить ученика в школу, посылались об этом надлежащие удостоверения. Так в 1763 году, в октябре месяце „Устюжского уезду, Южской трети, Халезской волости, новопостроенной Гергиевской церкви священник Павел Иоаннов и церковной староста Клим Болшаков дали сию подписку той же церкви дьячку Федоту Кубасову в том, что у него дьячка имеется сын Антон, которой спросился по указу от вашего преосвященства в семинарию к требованию ради школы, а того ради ему дьячку тепере не возможно ради болезни имеющегося сына своего вести, что у него Антона болезнь имеется,

нога левая пополам переломлена, а мы священник и со старостой оную увеще досматривали, что итти ему Антону в дорогу нельзя, в том мы священник и со старостой ради верности ему дьячку сию и подписку дали“.

Как точно исполнялись указы заказчиками можем видеть, например, из следующего доношения, от 6 февраля 1763 года: „Преосвященного Феодосия, епископа Великоустюжского и Тотемского в Великоустюжскую учрежденную семинарийскую контору, из Яренского его преосвященства Заказного двора доношение. Сего февраля 1 дня по присланному ее императорского величества самодержицы всероссийские из оной Семинарской конторы указу велено, по приказанию его преосвященства отмеченных властною его преосвященства рукою на предложенном реэстре забрать во оную семинарию для обучения принадлежащего в надежду священства Заказу Яренского священно и церковно-служительских детей по приобретенному при том указе реэстру, да при томже и находящихся в Яренском училищном доме учеников всех по получении оного указа выслать при доношении во означенную семинарийскую контору в скорости. И по тому ее императорского величества указу из означенных, требуемых по реэстру учеников, а имянно Вожамской волости Троицкой церкви священника Дмитрия сын Евдоким, да Оплапецкой волости Сретенской церкви умершего священника Василия сын Алексей высланы при сем доношении дому его преосвященства со служителем Андреем Удачным. А подгородной Выемковской волости Георгиевской церкви священника Василия сын Петр не выслан за болезнь; а когда он от болезни свободится, то представлен будет в скорости. А прочие обретающиеся в Яренском училищном доме требуемые ученики, которые ныне, за неучением первой недели великого поста во близости отпущены в дома свои на время, и оные высланы будут при доношении с имянным реэстром в скорости. О сем доносит города Яренска, во отбытии Заказного, Яренского Преображенского собора протопоп Симеон. Февраля 6 дня 1763 году“.

Собранные в принудительном порядке ученики, случалось, самовольно оставляли школу и состояли в бегах. Таких беглецов, напр., в списке 1784 года показано 4 ученика. Вот один из случаев бегства ученика из училища.

28 сентября 1775 года из школы реторики, бывшей тогда последним классом училища, сбежал ученик, Лальского посада, Богоявленской ц., диакона Дмитрия сын Василий Микулин 18 лет от роду. Вместе с архиерейским певчим Антоном Каплиным, 20 лет от роду, они направились трактом на Нювчимский железный завод (б. Устьсысольского у.), принадлежавший Верхотурскому купцу Максиму Походящину. По словам Микулина, бежать на завод для работы, сговорил его певчий Каплин. По неимению себе пропитания и за неприсылкою денег от отца, Микулин бежать согласился. Бежали они 28 сентября, пред вечерним пением. В деревне Подволочье волосы у Микулина, завязанные в пучек, Каплин обрезал ножом и затем трактом. минуя ночью Лальск, они и отправились в Нювчимский завод. Ночлег имели в разных деревнях и у разных крестьян. Дорогой крестьянам говорили, что они крестьянские дети, идут на заработки, и благополучно добрались до завода 25 октября, т.-е. шли едва не целый месяц. Остановились у заводского жителя и Микулин на третий день явился к заводскому прикащику и был принят на работу, по 6 коп. за день; был он по словам Микулина „в поторженной работе“, то-есть ездил за дровами, сеном и углями. 16 декабря не сказавшись никому с завода Микулин отлучился (т. е. тоже сбежал) и 30 декабря пришел в Лальск ночью, к тетке своей просфорне Матрене Сапожниковой. Она на утро объявила о беглеце отцу его, а этот

последний в Лальское духовное правление, так как розыски были и отец был обязан сыскать и представить своего сына. Из Лальска, с десятием, Микулин и доставлен был в Устюжскую консисторию. По справке в семинарии оказалось, что он Микулин в семинарию взят 12 ноября 1768 г., обучается в школе риторике, во учении посредствен, а в семинарских журналах с 1772 года значится жития и состояния честного. Епископ приказал отослать его Микулина в семинарию для ученья по прежнему, а за побег, при собрании учеников, учинить ему жестокое наказание лозами. Префект семинарии Павел Соколов, и отапортовал, что указ об учинении Микулину жестокого при семинарии наказания им получен, по которому исполнение и сделано 14 января 1776 года.

В деле Микулина приведены сведения о начале Нювчимского завода. Остановить свое внимание на этом фанте считаем нужным в виду особенного значения, какое имели в данном случае устюгские купцы. Оказывается, Нювчимский завод возник благодаря предприимчивости устюгских купцов Андрея Александровича Плотникова да его „компанейщика“ Андрея Васильевича Панова, по прошению которых указом государственной берг коллегии 28 июля 1756 года, позволено было им построить „в Яренском уезде в дачах разных черносошных крестьян, в Нажгинской волости, на реке Нювчине, вододействуемой железной завод, одну домну да молотов действующих четыре, запасных два“. При этом, заводчикам дана была такая привилегия: „их Панова и Плотникова и их прикащиков, мастеровых и работных людей (кроме государственных и криминальных дел) быть им ведомым судом и расправою в Берг коллегии, а в других местах нигде их не ведать. А ежели до них Панова и Плотникова и прикащиков их в других где либо командах какие дела касаться будут, то о том иметь напредь надлежащее сношение с Берг коллегиею“.

По случаю приема на завод Микулина — беглеца и беспаспортного — Устюгская консистория предпринимала было шаги к привлечению заводоуправления к ответственности „по указам“, но в виду заводских привилегий ничего из этого не вышло. О Плотникове упоминалось у нас в 1 вып. Записок стр. 13.

В журнале Комі Му № 4—6 июнь—август 1924, на стр. 58—63 в статье „Кажимские горные заводы“, говорится, что первоначально был построен Нювчимский завод: официальное его открытие относится к 15 марта 1756 года. Построили завод Плотников и Панов. Владели им с 1756 до 1769 года, с 1769 по 1788—владел Верхотурский купец Максим Походяшин; с 1788 по 1808 год С.-Петербургский купец Архип Михайлович Грибанов; с 1808 до 1827 года гвардии штабс-капитанша Александра Ивановна Голохвастова и сын ее Курочкин и т. д. До 1808 г. Нювчимский завод существовал самостоятельно; „Голохвастовы, собственно Курочкин, купив Нювчимский завод, присоединили его к Кажимским заводам, к которым относились тогда также принадлежавшие Голохвастовым, помимо Кажимского и Нючпасского заводов, еще два также чугуноплавильных и железоделательных заводов—Песковский и Кирсинский (в Вятской губернии)“.

Что касается до владельца кажимских заводов в XVIII веке, то таковым был устюгский первой гильдии купец Иван Яковлевич Курочкин. О нем в устюгской городской обывательской книге 1790 года найдется такие сведения: „старожил женат на дочери бывшего купца Василия Дружкова Анне. В его семействе один сын, записанный в ревизию, Яков. Имеет каменный дом во 2 части города. У него ж каменный дом в 1 части города в 1 квартале, торгует Российскими и иностранными товарами, а особливо железом и выплавляемыми разными чугунными вещами, ибо имеет он в содержании своем железоводедей-

ствуемые заводы. Отправлял по общегражданским выборам следующие службы: 1767 г. февраля с 13-го 1772 мая по 10 число градским главою, 1775 г. в поморских местах у соляной продажи головой, да наивывал в теж поморские места двух писарей, 1778 октября с 5 числа 1780 сентября по 2 число в Великоустюжском провинциальном магистрате президентом и тогож 1780 сентября со 2-го 1783-го июля по 2-е число в Великоустюжском Губернском магистрате заседателем, 1787 годов генваря с 1-го числа по 1790 год генваря по 1-е число градским главою". Скончался он 11 марта 1800 года 76 лет от роду, „естественною смертию“, как сказано в метрической книге. Погребен в приделе Симеоновской церкви. Устюжский летописец под 1765 годом говорит о построении в Устюге каменной Семеновской церкви „иждивением содержателя железных заводов купца Ивана Яковлевича Курочкина“ (А. А. Титов. 94 стр.). В летописи Великоустюжской по Брагинскому списку также говорится, что Курочкин „на свои средства выстроил Семеновскую каменную церковь“ (стр. V). На самом деле нынешняя каменная Семеновская церковь начата была постройкой в 1725 г. когда И. Я. Курочкин был одолетним младенцем. 3 сентября 1728 г. нижний теплый храм был уже освящен, а к 1740 году и верхний храм был отстроен, так что И. Я. Курочкин строить Симеоновской церкви не мог, потому что в то время мал был. Впоследствии он мог частично устроить этот храм и следы такого устройства сохранились до ныне, напр., в наружной лестнице, ведущей в верхнюю предцерковную галерею, ступени представляют из себя цельные чугунные плиты, отлитые на заводах Курочкина. Из приведенных сведений городской обывательской книги видим, что широкую свою деятельность Курочкин развил во второй половине XVIII века, к этому времени относятся и распространение им своей предприимчивости в местность Устьсысольского уезда.

„На Нювчимском заводе Микулин получал за работу по 6 коп. в день. В 1768 году в Устюге были такие цены: четверик крупы 30 к., четверть ржи 1 р. 94 к., пуд соли 40 коп., пуд мяса говяжьего 30 коп., пуд трески сырой 55 коп., пуд толокна 30 коп. По этим ценам на 6 к. можно было купить в то время 1 ф. крупы, 1 ф. толокна, 1 ф. соли, 2 ф. мяса и 3 ф. муки, т. е. по нынешним ценам приобрести продуктов копеек на 80. Таким образом, плата Микулину назначена была не чрезмерно низкая и Микулин ушел с завода, по его словам „за опасность в том заводе более жить“.

Брат Микулина, Артемон Микулин, 16 лет, в 1784 г. находился в бегах из школы инфимы. В этом же году из школы инфимы состояли в бегах еще 2 ученика и 1 ученик из школы фары. И второй Микулин, за побег, потерпел жестокое наказание лозами. В то время практиковались и другие жестокие наказания. Напр., в приходорасходной книге встречаемся с таким расходом 17 мая 1786 года: куплено к ножным железам пять замков висячих, дано 30 коп. Очевидное дело, прибегали к заковыванию провинившихся учеников в ножные железки и это практиковалось иногда одновременно над несколькими учениками, так как желез имелось несколько пар.

Здания для Устюжской семинарии начаты были постройкой в 1738 году и в конце 1739 года строением они еще не были окончены. Прокуратор А. Попов сообщает, что были две школы деревянные в одном месте, при тех школах деревянных же: учительская одна светлица, столовая и для житья учеников одна светлица, два погреба с напогребницами. Все это находилось вне стен Архангельского монастыря, но рядом, за оградю, с западной стороны монастыря. Кроме того, семинарии принадлежал „магазин“ в Архангельском монастыре. Так как к

1763 году все семинарские постройки успели придти в ветхость, то можно думать, что они закончены были постройкой вскоре после 1739 года.

„В ведомости 1763 года показаны следующие семинарские строения.

„В первой стопе: напереди изба жилая, позади той за забором первая школа, в ней обучаются славенскому, длиною все на 6 саженьх 1 аршине, шириною на $6\frac{1}{2}$ саженьх.

Во второй стопе: вторая школа, в ней обучаются аналогии; позади той третья школа, в ней обучаются реторике, пиитике, синтаксисе, грамматике, инфиме; длиною обе на $11\frac{1}{2}$ саж., шириною на 5 саж. 2 арш.

Одна светлица учительская, в ней в сенях три чулана, длиною на 6 саж., шириною на 5 саж. с аршином.

Два погреба, над ними сушило, а в том сушиле содержится про семинарской расход молотой припас, длиною оные на 6 саженьх, шириною на 4 саж.

Одна столовая изба, при ней в сенях чулан, длиною на 5 саж. без полуаршина, шириною на 3 саж. 2 аршина.

Одна баня с сенми, длиною и шириною на 4 саженьх.

Одна квасоварня, длиною на 3 саж. 2 арш., шириною на 4 саж. 1 аршине.

Огородов, в которых садится овощи про учеников в питомство, два: первой позади школ, длиною на 30 саж., шириною на 9 саж., которой вилоть к ограде Архангельского монастыря, второй пред столовой избой, длиною на 12 саженьх, шириною на 6 саженьх.

Среди той семинарии колодец.

Кругом той всей семинарии и огородов огорожено деревянной оградой. А вышеписанное строение имеетя все ветхое.

При тех школах имеетя: учеников 160, учителей 3, надзиратель 1, пол'ячей 1, истопник 1, кашевар 1, портомойница 1“ (Вол. Еп. Вед. 1887 г. № 17 стр. 310—311).

После 1763 года перечисленные выше многие ветхие семинарские строения были заменены одним большим деревянным корпусом. Дом этот окончателно отстроен был в 1768 году, когда, в мае месяце, заплачено было трем каменщикам с товарищами за сделание в новопостроенных в семинарии покоях восьми печей, в том числе трех израсцовых и пяти простых кирпичных голландских, 20 руб., да к этим печам за сделание восьми железных заслонов, за связи и проволоку 4 руб. 18 коп., за росписные израсцы 82 коп., за 10 вьюшек 40 коп., за сделание в хлебопекарной избе печи 4 руб., в квасоварне очага 2 р. 50 к., за приставку к печному заслону полицы (полки) 36 коп., за возку глины 2 р. 30 к., в белению тех печей глины белой на 25 коп., за все израсходовано 34 р. 81 к.

В начале сентября этого года произведено было обновление семинарских покоев.

Только 3 года и 3 месяца просуществовал этот дом: „1772 г. генваря на 10-е число, ночью, учинился пожар в Устюжской духовной семинарии, стоящей на западной стороне Архангельского монастыря, близ святых ворот, и сгорел только оной улищной дом один, а прочее около его строение бог сохранил. Был он огромнаго строения, о два этажа, вокруг по кровле перилами обведенный“ (Летоп. Великоуст. изд. А. Трапезникова, стр. 104).

С пожаром Устюжская семинария не прекратила своего существования, а продолжала его без всякого перерыва. Ясное указание на беспрерывность существования семинарии после 1772 г. встречаем в формуляре протоиерея протоиерея Ивана Ильина Костямина, который

с 1772 года, прямо из учеников Устюжской семинарии, определен был в учительскую должность в ту же самую семинарию и год обучал нижний грамматический класс; будучи диаконом, обучал средний грамматический класс три года; высший грамматический класс обучал пять лет; будучи священником, обучал риторику, поэзию четыре года, потом богословию преподавал и ректорскую должность правил два года. Складывая все указанные годы и видим непрерывность существования семинарии с 1772 года по 1787 год включительно. Помещена была семинария в Архангельском монастыре¹⁾, в каменном корпусе, окнами выходящем на Архангельское озеро, т. е. в том, в котором впоследствии помещалось общежитие Устюжского духовного училища; корпус этот существует и ныне. Ректором семинарии был Архангельский архимандрит Мисаил (с 21 марта 1765 г. по 12 декабря 1775 г.). При нем 12 июля 1775 года в семинарии, помещавшейся уже в Архангельском монастыре совершенно было празднование Кучук-Кайнарджийского мира России с Турцией особым собранием, в присутствии кавалергарда привезшего в Устюг известие о мире. Во главе Устюжского общества, посетившего в это время семинарию, был тогдашний Устюжский епископ Иоанн. Ему, между прочим, сказаны были на торжестве стихи, из которых видим, что „малый устюжский ученый вертоград“ радовался в тот „час благословенный“, так как видел у себя владыку „гостем вожделенным“.

„Не так приятности цветы весенней ждали,
Как мы твое лицо, владыко, зреть желали.
Почти всегдашний был меж нами разговор;
Явит ли пастырь здесь когда свой кроткий взор“²⁾.

Собрания в семинарии бывали и в другое время. Будучи единственным в то время учебным заведением в городе Устюге, семинария являлась центром умственной жизни города.

Постепенное развитие Устюжской семинарии представляется в следующем виде. Открытая в 1738 г. в составе двух школ славянолатинской и славяноросийской, семинария в 1740-х годах имела в славянолатинской школе классы инфимический, синтаксический и пиитический и во главе ее стоял ректор—протоиерей Сретенского Мироносицкого собора Даниил Протопопов.

В 1755 году были классы (школы) русский, фара, инфима, синтаксима, пиитика и риторика. Против сороковых годов прибавилась риторика, которая долгое время и была последним классом семинарии. Русский класс был подготовительным к латинской школе. Прямо после славяноросийского класса ученики должны были вплотную присаживаться за изучение латинского языка. В фаре, или аналогии, учили только читать и писать по латыни, в инфиме начиналось грамматическое учение, приступали к изучению толстой латинской грамматики Альвара. В низшем грамматическом классе (инфиме) преподавались первоначальные этимологические правила Альваровой грамматики и ученики упражнялись в грамматическом разборе. В среднем грамматическом классе проходились почти все грамматические правила и часть синтаксических, имеющих более частое приложение в практике переводов. В высшем грамматическом классе, или синтаксисе, заканчивали грамматику с синтаксисом, упражнялись в переводах с латинского языка на русский и с русского на латинский, упражнялись в латинском разговоре в классе

¹⁾ П. Савватов. Описание Велико-Устюжского Архангельского монастыря СПб. 1348 г. стр. 32.

²⁾ Волог. Еп. Вед. 1870 года № 13, стр. 458. Приводим эти стихи, как образец виршей, в сочинении которых упражнялись в то время Устюжские семинаристы.

и дома. В пиитике изучались формы пиитической и риторской речи, упражнялись в искусстве плести вирши. Риторикой образование завершалось по 1777 год включительно и за это время риторика была высшей наукой в Устюгской семинарии. Учебники риторики были рукописные и составлялись на латинском языке. В риторике учились писать периоды, хрии, ораторские речи на разные случаи жизни; изучались риторические особенности в речах Цицерона.

В 1760-х годах были классы славяно-российский, аналогический, инфимический, грамматический, синтаксический, пиитический и риторический, классы эти распределены были между тремя учителями. При преосвященном Феодосии (1761—1767 г.г.), между прочим, учителями были: а) риторики и пиитики диакон Гавриил Поташнев, б) синтаксисы и грамматики Василий Попов, в) инфимы и аналогии (иначе фары) Михаил Куклин¹⁾. В составе указанных шести классов семинария продолжала существовать по 1777 год включительно. В 1778 году образован был класс философский из учеников риторики, бывших в 1777 году. В этом последнем году в риторике училось 35 учеников, из них 18 учеников переведено было в философию, 12 оставлено в том же риторическом классе и 5 учеников переведены в риторику из синтаксисы 1777 года, взамен пяти обучавшихся в 1777 году в риторике и выбывших совершенно из семинарии. Таким образом, к 1778 году и были образованы два старшие класса семинарии философия из 18 учеников и риторика из 17 учеников. В таком составе, с старшим классом философским, семинария существовала до 1784 года, в каком году в ней был открыт высший класс богословский и, таким образом, в этом только году семинария достигла полного своего развития.

От 1784 года дошла до нас ведомость, учиненная в Великоустюжской семинарии за прошедший 1784 год ученикам, „чему кто из них обучен, чему обучается, какого понятия и коликих лет, также и на каком содержится коште“. В ведомости перечисляются следующие школы (классы) семинарии: богословия, философия, риторика, поэзия, синтаксиса, грамматика, инфима, фара и российская школа, т.-е. было 9 отдельных школ, или классов. В них учились: в богословии 10 учеников, философии 15, риторике 20, поэзии 7, синтаксисе 16, школе грамматики 15, инфимы 33, фары 62 и российской школе 114, значит всего было 292 ученика, из них на стцовском содержании 261, на семинарском 26 и у 5 учеников школы риторики не отмечено на чьем содержании, а сказано, что они уволены в наместническое правление в приказной чин. Далее, из ведомости открывается замечательная малопредметность, практиковавшаяся в системе обучения в то время. Про учеников школы богословии сказано, что они обучены философии, а ныне обучаются богословии, школы философии обучены риторике и обучаются философии, и т. д. в каждой школе показан один предмет, которому ученики обучены и один же предмет которому обучаются „ныне“. Так, обучены синтаксисе, обучаются поэзии, обучены грамматике, обучаются синтаксисе, обучены инфиме, обучаются грамматике, обучены аналогии, обучаются инфиме, в школе фары обучены письму, обучаются аналогии. В школе российской порядок обучения был такой: сначала проходила азбука, затем часослов, псалтирь и обучали письму,

¹⁾ О размере получаемого ими содержания имеем сведения за 1768 год в приходо-расходной семинарской книге, по которой выдано за первую половину года жалованья: префекту диакону Гавриле Поташеву 25 р., Василию Попову и Михаилу Куклину по 12 р. 5 коп. каждому, еще провизору Ивану Нацветову 5 руб., итого 55 руб. За вторую половину 1768 г. выдано жалованья префекту диакону Гавриле Поташеву 30 р., иеродиакону Нифонту 12 р. 50 к., Михаилу Куклину 15 р., провизору Ивану Нацветову 5 руб., итого 62 р. 50 к.

при этом кто успевал изучить часослов переходил на псалтирь, дальше на письмо, а товарищи могли задержаться на часослове, или псалтири. Так в 1784 году 18 учеников обучались часослову, 77 псалтири и 19 письму. Азбука, очевидно, уже у всех у них была пройдена ранее. По возрасту ученики были в богословии от 22 до 25 лет, в философии от 18 до 21 года, риторике от 16 до 22 лет, поэзии от 14 до 21 года, синтаксисе от 14 до 18 лет, грамматике от 13 до 18 лет, инфиме от 10 до 18 лет, в фаре от 9 до 18 лет и кроме того здесь еще учились два ученика 22 лет, при чем один из них поступил в школу в декабре 1779 года и по успехам отмечен „не понятен“—пять лет обучался он и достиг только фары. Впрочем его же товарищи были поступившие в школу один в 1776 году и три в 1778 г., т. е. учившиеся 8 и 6 лет и тоже достигшие только фары. Другой 22 летний ученик фары и в школу поступил 1 марта 1784 года, значит, при приеме в классы, возрастом в то время не стеснялись, принимали в первый класс и двадцатидвухлетних учеников. Учивались в семинарии и более возрастные ученики. Так, в 1770 году в риторике Устюжской семинарии учился некто Прокопий Грибашин, имевший 29 лет от роду. Поступил он учиться 11 января 1756 г., следовательно, учился уже целых 15 лет. В российской школе были ученики от 8 до 16 лет. Обучали в 1784 году в семинарии и греческому языку, но это не был предмет, преподаваемый в каком либо из классов, напр., в богословском или философском, или в нескольких классах, как для всех учеников обязательный, а это был особый класс греческого языка и ему одновременно обучались 5 учеников из богословии, 8 из философии и 13 из риторики, значит это был класс для желающих. До 1784 года указанные ученики обучены были орфографии, в 1784 году обучались этимологии.

Из списка семинаристов видим, как трудно давалась наука тогдашним ученикам. Несмотря на усилия начальства всех решительно пропустить чрез школу, большинство учеников задерживались в первых же классах и только незначительное меньшинство достигало высших классов. Так, в 1784 году в первом классе училось 40%, всего количества учащихся в семинарии, в двух следующих 32% и в шести высших классах, во всех вместе, 28%: вот как трудно было достигать этих высших классов.

Учителями в 1784 году были: в богословии архимандрит Архангельского монастыря, а в семинарии ректор и богословии учитель Арсений. Сам он обучался в святотроицкой семинарии (т. е. в Сергиевском посаде), где учился латинскому, греческому, французскому и еврейскому языкам, философии и богословию; последнее слушал четыре года. В Устюжской семинарии преподавателем богословия он был с 1784 г. В Устюжский Михайло-Архангельский монастырь архим. Арсений определен 12 декабря 1775 года и состоял по 10 марта 1786 года. За все время пребывания в Устюге он и состоял ректором семинарии, при чем когда открылся в ней в 1778 году класс философии, он стал ее преподавателем. Хотя ему в 1784 году и было всего 46 лет, однако, в ведомости про него отмечена архиереем такая аттестация: „должность свою правит с великою трудностью в рассуждении частных его болезней“.

Префектом семинарии и учителем философии и греческого языка был диакон Семен Кринов, 24 лет. Он обучался сначала в Устюжской семинарии риторике, а после посылаем был в Московскую славяно-греко-латинскую академию, где обучался философии и богословии, языкам греческому, еврейскому и французскому. По приезде из Москвы 1780 года определен был учителем риторики, которую и преподавал два года; с 1782 года определен в должность префекта и учителя фило-

фии. По аттестации епископа он должность свою исправляет не лениво и состояния доброго.

Остальные учителя образование получили только в Устюжской семинарии. Учителем оратории и поэзии был священник Иоанн Костямин, 34 лет. С 1772 г. прямо из учеников семинарии определен в учительскую должность и последовательно обучал аналогию, инфиму, синтаксису и грамматику, а с 1782 года ораторию и поэзию.

Учителем синтаксиса и грамматики с 1782 года был священник Стефан Пономарев, 33 лет; до синтаксиса он в течение 5 лет обучал инфиму.

Учитель инфимы диакон Василий Чурин, 30 лет. С 1779 года, прямо из учеников, определен учителем аналогии, которую и обучал 3 года, учителем инфимы с 1782 г.

Учитель аналогии диакон Яков Барашков, 25 лет, учителем с 1782 года.

Против Костямина, Пономарева, Чурина и Барашкова аттестация епископа: „состояния доброго должности свои исправляют прилежно и к вышним послушаниям способны“.

Относительно философии и богословия в Устюжском летописце находится такое сообщение. „1783 г. ноября 5 дня в Устюжской духовной семинарии прибавлено вновь две школы: богословия и философия, которые прежде сего не преподавались в здешней семинарии, а только по риторике обучали, коя и была последнею“. Сообщение это не точно в том отношении, что философия началась в семинарии гораздо раньше 1783 г., а богословия немного позднее, с следующего года. Показания Устюжской летописи нередко оказываются не точными. К таким не совсем точным показаниям можно отнести и следующее, помещенное под 1787 годом сообщение. „Уничтожена Устюжская духовная семинария и книги, имеющиеся в ней, привезены в Вологодскую; туда и ученики, кои пожелали доучиться, переведены“.

Закрытие Устюжской семинарии стоит в связи с закрытием Великоустюжской епархии. Последним епископом Великоустюжским был Иоанн (Никитин), переведенный в Устюг из викариев Новгородских. На епархии Устюжской он был 19 лет и 9 дней и по желанию и по просьбе его, „за старостию и болезнями“, был уволен на покой в Устюжский Михайло-Архангельский монастырь, который и отдан ему был в полное правление. В монастырь этот переселился он 1 ноября 1786 г., прежний же настоятель монастыря, архим. Арсений, переведен был в Можайский Лужецкий монастырь. За уходом архим. Арсения, исправление ректорской должности поручено было Прокопьевского собора иерею Иоанну Костямину, который и получил наименование вице-ректора.

1788 года января 26 предписано было Вологодскому еп. Иринею навсегда соединить Устюжскую епархию с Вологодскою, а Устюжских семинаристов причислить к Вологодской семинарии, в которую принять и книги семинарские. Таким образом, уничтожение Устюжской семинарии последовало не в 1787, а в 1788 году. В этом последнем году преосвящ. Ириней об'явил Устюжским семинаристам, что если кто из них желает продолжать семинарское учение, для занятия священнических и диаконских мест, то тот должен явиться в Вологодскую семинарию. И тогда именно Велико-Устюжская семинария была закрыта, книги, а равно и ученики, которые пожелали доучиться, приняты в Вологодскую семинарию, иные определены в церковнослужители, многие ушли в военную службу, в рекрутский набор, бывший на духовных в 1788 г. Верхние покои в каменном корпусе Архангельского монастыря, кото-

рые до того времени заняты были Устюжской семинарией остались пусты.

Вслед за уничтожением семинарии в г. Устюге, перед духовенством города, а равным образом и ближайших к Устюгу уездов, встал вопрос об обучении их детей. Тогда семь человек из Устюжских градских и уездных священно церковнослужителей обратились к преосвященному Иринею с прошением „о оставлении в Устюге четырех нижних семинарских классов на их коште квартиры и отопления“, „на что и все почти сельское священноцерковнослужители, имеющие детей в семинарии, согласны, потому что, по дальнему расстоянию от Вологды и дороговизне содержания, в Вологодскую семинарию детей своих представить они не в силах“. На это прошение преосвященный разрешил в Устюжской школе иметь не только четыре нижние класса, но и риторический класс, „буде священноцерковнослужители, коих дети в оной станут обучаться, пожелают — как классы, так и учителей содержать на своем коште“. Просители отозвались, „что они всех тех классов и учителей на своем коште содержать не в силах“. С разрешения еп. Ириней в Устюге открыта была 1789 года, взамен семинарии, школа до поэзии, с причислением обучающихся в ней к комплекту учеников Вологодской семинарии. Учителем был избран вице-ректор бывшей Устюжской семинарии священник Прокопьевского собора Иоанн Костямин с тем, чтобы обучать ему детей в собственном его доме, за квартиру же и обучение платить ему 30 руб. в год. Но так как плата определена была по 3 руб. с ученика, то, очевидно, во вновь открытую школу поступило 10 платных учеников.

Костямин был опытный учитель и под его руководством Устюжская школа постепенно развивалась, так что 15 сентября 1793 года, согласно прошению Устюжских градских священно церковнослужителей, в школе этой еп. Иринеем дозволено было обучать детей поэзии и риторике. 23 ноября 1795 года, вследствие представления учителя Костямина, что четыре ученика кончили риторическое учение, дозволено было им в церквях изустно говорить проповеди своего сочинения.

До 1799 года Костямин был единственным учителем школы. В этом же году 14 мая он вошел с докладом к преосвященному Арсению, еп. Вологодскому, о том, что хотя в Устюжской семинарии находится и не большое количество учеников, но как они разделяются на разные классы, то одному всех обучать не беззатруднительно, и потому просил для вспоможения определить в учительскую должность священника Успенского собора Стефана Семенова, как человека ученого. А какое ему за труды получать вознаграждение — просил резолюции. По получении последней, Костямин входил с новым рапортом: что хотя договор им со священноцерковнослужителями и учинен, дабы за обучение детей их в собственном его доме получать от них по 3 рубля с каждого в год, однако некоторые из них с трудностью платеж производят, не говоря уже о тех, которые по бедности своей, не имея отцов, а иные ни отцов, ни матерей, платить не в состоянии. Вследствие этого рапорта еп. Арсением велено: „Протопопу со священником Стефаном труды школьные разделить, а по мере тех трудов и награждение получать по введенному обыкновению“.

Число учеников в Устюжской школе в 1803 году дошло до 75, а именно в риторическом классе было 6 учеников, в высшем грамматическом 11; в среднем грамматическом 22 и в низшем грамматическом 36. Обучались ученики в собственных домах учителей: протоиерей Костямин обучал риторический класс, а прочие классы обучал он же со священником Семеновым вместе. За труды и квартиру с учеников получали по 3 рубля в год с человека, кроме тех учеников, которые, не имея

отцов, платить были не в состоянии (а таких было 16 человек), и кроме еще некоторых, отцы которых не вносили полностью трех рублей по своей бедности. Так как оба учителя обучали всех учеников и от учителя к учителю ученики не переводились, то экзаменов им никаких не делалось, если же кто из учеников заявлял намерение выйти из училища, то такие, по их желанию, в разные времена и из разных классов выпускались с аттестатами. На запрос Вологодской духовной консистории, кто из учителей, какой класс и в какие часы обучает, протоиерей Костямин сообщил, что он со священником Семеновым обучает учеников вместе, не разделяя между собою классы учеников, причем свящ. Семенов обучает нижние классы, а протопоп поэзию и риторiku, а в случае его протопопа несвободности, дозволяет тому священнику и высшие классы обучать. Обучают же по утру и после обеда, не назначая особливо ни часов, ни дней, а когда свободное время имеется, так как оба они состоят при церкви и при других должностях. Получив такие сведения, Вологодский еп. Феофилакт нашел, что „учение в Устюжской школе производится непорядочно“, а потому и ученики являются при экзаменах здесь им чинимых (т.-е. в Вологодской семинарии), малоуспешными в учебных предметах. А так как от семинарского правления послано уже в Устюжскую школу расписание предметов по часам и классам, как их проходить следует, то еп. Феофилакт 28 мая 1804 года предписал „дабы и там (т.-е. в Устюжской школе) таким же порядком и всем предметам, как и в сей семинарии (т.-е. Вологодской) преподаваемо было учение. Духовному же правлению от консистории предписать, с приложением такового ж росписания, дабы оно о точном по тому росписанию учении имело над учителями наблюдение, а при том велеть ежегодно пред вакациями при окончании июня или в начале июля, делать ученикам экзамен, к коему и назначить Духовному Правлению из ученых священников, или диаконов, экзаменаторов,—и коих учеников те экзаменаторы признают успевающими и перевода в высшие классы достойными, об оных подавали бы в Духовное Правление ведомости, с коих Духовное Правление сняв копии—одну отдавать учителям и велеть по оным учеников в высшие классы перевести, а другой присылать для ведома и справок в Семинарское Правление. Училище Устюжское—не семинарию,—но как при учреждении оною преосвященным Иринеем наименовано—езде писать и называть школою“. Во исполнение этого предписания и были назначены два экзаменатора-священника, но они ни в июне, ни в июле месяцах экзаменов произвести не могли, по причине отпуска учеников в дома их родителей. Указом от 1 сентября 1804 г. Консистория вновь предписала, чтобы экзамены были произведены и только 3-го октября экзаменаторы репортовали, что „приступили они к экзамену Устюжской школы, но от учителя оной протоиерея Иоанна Ильина (Костямина) получили сведения и реэстр из коих сведение писано не одной рукой протопопа и не основательно, да и не подписано им, а некоторые речи и похирены“. На это замечено было Духовному Правлению, что сведения никем не подписанного принимать от экзаменаторов и присылать в консисторию не должно было и вновь приказано, чтобы указанное поведение от 29 мая 1804 года выполняли во всем.

Упорядочилось ли производство учения в Устюжской школе с 1804—1805 учебного года и было ли введено в практику присланное Семинарским Правлением расписание „что в каком классе читать и как распределять на что часы“—сведений не имеем. Встречаемся уже с преобразованием в 1806 году Устюжской школы в Устюжское духовное училище, в какое училище она и вошла всем составом своих учеников.

II.

Незадолго до закрытия Устюжской семинарии возникло в Устюге светское учебное заведение, которое за весь XVIII век и было единственным такого рода заведением в городе. Это именно малое народное училище, открытое 28 января 1787 года.

О курсе малых народных училищ Н. Отто ¹⁾ говорит, что он едва ограничивался элементарными познаниями. Только в одном Устюжском училище, против желания жителей, заведен был исторический класс и потом уже открыто преподавание латинского языка, несмотря на сильное сопротивление жителей. Указываемое отношение жителей к расширению курса открытого у них училища объясняется тем обстоятельством, что содержание малых народных училищ лежало на обязанности местных обывателей, почему последние и относились к своей школе недружелюбно, считая ее не благодеянием, а тягостью для себя, хотя в официальных бумагах к начальству и называли свое училище „домом открытия наук“. Кроме жертв местных обывателей, на содержание народных училищ определен был и другой источник. Согласно 147 статьи Городового Положения „в городах, где питейная продажа присвоена в казну императорского величества, на основании устава о вине, с прибыльной суммы питейного дохода определяется городу один процент“. Эти деньги и должны были идти на содержание училища. С 21 апреля 1785 г. по январь 1786 г. таких денег поступило в Устюжскую Думу 154 р. 3¼ коп., которые, за неимением в то время в городе училища, и были употреблены Думой на жалованье магистратским приказным служителям. После открытия народного училища и предложено было Устюжской Думе, как указанные 154 р. 3¼ коп. возвратить в пользу училища, так и все такие деньги, которые имели поступать на будущее время, употреблять на училище же.

Инициатива открытия народных училищ исходила от правительства. В 1787 году открыты были малые народные училища в Великом Устюге, Грязовце, Лальске и Сольвычегодске, в январе 1788 г. в Тотьме. В Устюг для открытия училища приезжал Вологодский губернатор Мезенцов, вследствие личного побуждения которого, а также побуждения Устюжского коменданта Монастырева и было открыто училище. После открытия училища Устюжское общество пошло ему навстречу, что ясно из пожертвований, сделанных горожанами в пользу этого училища. 1 марта 1787 года Велико-Устюжской Городской Общей Думе докладывано было о записании внесенных из усердия устюжским именным купечеством и мещанским обществом на открытое здесь народное училище 1000 руб., равно и прибыльной с винного капитала суммы, как за прошлый 1785 год 154 р. 3¼ к., так и за минувший 1786 год. Последнюю сумму постановлено было истребовать из уездного казначейства и внести в книгу к остальным суммам. Всю сумму обратить в проценты и по окончании каждой трети года из процентов выдавать учителю, к числу получаемого им жалования, по 9 руб. всего 27 руб. в год. Из тех же процентов расходовать на освещение и отопление училищного дома и на прочие издержки. Указанную выше сумму 1000 р. постановлено было собрать с купечества пропорционально объявленных купцами капиталов, а с мещанства и с цеховых с положенного по душам оклада. Как собранная по разверстке со всех без исключения купцов, мещан и цеховых 1000 руб. не совсем правильно объявлена была внесенною из усердия. Очень многими она, конечно, внесена была по необходимости, как оклад и налог.

¹⁾ В книге своей „Вологодская Дирекция училищ до 1850 года“.

Кроме указанных взносов, устюжское дворянство тогда же пожертвовало в пользу училища 235 руб., и в том же 1787 году комендант Монастырев препроводил в Городскую Управу еще 8 р. 50 к., внесенных к нему добродетельными дателями на содержание училища. Обе эти суммы также обращены были в проценты.

И в последствии времени пожертвования в пользу училища продолжали поступать, иногда небольшими же суммами. Напр. в 1791 году комендант Монастырев прислал денег 6 р. 35 коп. пожертвованных в пользу училища. Равным образом, получавшиеся Городской Думой из уездного казначейства с винной прибыльной суммы деньги присоединялись к общей училищной капитальной сумме. Таких денег, по сообщению от 14 июля 1805 года, получалось по 65 р. 66½ коп. в треть года, а всего 198 руб. в год. Таким образом, к 1805 году училищной суммы и скопилось 5012 руб., с какой суммы ¼% в количестве 350 р. 84 к. и расходовались на жалованье учителю и содержание училища.

Малые народные училища состояли из двух классов, с двумя учителями, по одному для каждого класса. Предметы преподавания были: в 1 классе чтение и письмо, знание цифр церковных и римских чисел сокращенный катихизис и священная история, первоначальные правила русской грамматики; во 2 классе—пространный катихизис, без доказательств из св. писания, чтение книги о должностях человека и гражданина, арифметика (обе части), повторение священной истории и первоначальных правил русской грамматики чистописание и рисование. Устюжский летописец под 1787 годом говорит: „Того же года, открыто в граде сем новое народное училище, в котором словесному, писать, арифметике и другим обучают наукам; ученики находятся купеческие, мещанские, солдатские и крестьянские дети; учителей определено двое и над ними директор из военных офицеров, для смотрения о успехах и благочестии их. С того времени запрещено в домах училища иметь“ (А. А. Титов 113 стр.). В хронике Великого Устюга, напечатанной в Вологодских Губ. Ведом. 1840 г. № 30, говорится: „В 1787 г. Вологодский губернатор генерал поручик и кавалер Петр Федорович Мезенцов открыл в бытность свою в Устюге среднее народное училище, из двух классов состоящее, после в 1805 году преобразованное в уездное. Смотрение над ним вверено Губернского магистрата первого департамента председателю Дмитрею Анненкову“ Относительно высшего начальствования над училищем Н. Отто также говорит, что наблюдение за успехами уездных школ было поручено смотрителям из местных уездных властей, которые не сознавали всей важности такого поручения. В Сольвычегодске и Тотьме такими смотрителями были городничие а в Устюге уездный судья и все трое из немцев Это указание Н. Отто едва ли точно по отношению к устюжскому училищу, так как в июле 1787 г. Велико-Устюжского губернского магистрата председатель и смотритель народного училища был Дмитрий Николаевич Анненков — едва ли немец по происхождению. Из процентных денег с училищного капитала им в 1787 году употреблено было 87 р. 34 к. на начальное школьное обзаведение.

Об учителях народного училища встречены нами указания под 1795 г. об учителе Алексее Вологдине, в 1797 г. учителе Протопопове, который очень долго служил в училище и стоял во главе его; в 1805 г. он называется правящий должность смотрителя Велико-Устюжского уездного училища титулярный советник Василий Протопопов. В 1802 году в I класс училища определен был учителем учительский сын Федор Протопопов, очевидно сын предыдущего.

11 мая 1803 года, в уважение отдаленности Устюга от губернского города Вологды, в нем, по распоряжению училищной комиссии, открыт

был III класс, в котором приучали писать под диктовку, повторяли арифметику и преподавали пространный катихизис с доказательствами из св. писания, из'яснение воскресных и праздничных евангелий, всеобщую и русскую историю, всеобщую и русскую географию и русскую грамматику. Учителем этого класса был губернский секретарь Алексей Мудров.

С 23 июня 1804 года введено было преподавание латинского языка. По этому поводу третьеклассный учитель Алексей Мудров обратился в Велико-Устюгскую городскую думу с об'явлением, что „имеет быть открыт в здешнем училище сего июня 23 класс латинского языка, о чем означенной думе сим об'является, дабы почтенные оные и городского магистрата члены благоволили назначенного 23 числа в 12 часу по полуночи посетить сие училище“. Со 2 апреля 1805 года малое народное училище преобразовано было в уездное и снова стало иметь только два класса.

По случаю открытия 11 мая 1803 года третьего класса в Устюжском народном училище купечество г. Устюга внесло „в пользу оного общепользнего заведения единовременно нижеследующую сумму: городской голова Буддаков 100 руб., Анна Курочкина 200 р., Петр Буддаков 100 руб., Иван Шилов и Иван Ямщиков по 50 руб., Прокопий Басин и Яков Гусев по 25 руб., а всего 550 руб.“ Деньги эти по решению Вологодского губернатора, внесены были в Велико-Устюжский городской сиротский суд для отдачи в узаконенные проценты чтобы получаемыми с них процентами исправлять случающиеся по тому классу надобности.

Содержать на свои средства третий класс устюжане не соглашались, поэтому губернатор велел открыть его на счет приказа общественного призрения, с назначением 250 руб., жалованья учителю (в год), а думе предложил отвести для того класса и учителя квартиру и снабдить его дровами и свечами. Хотя классов в училище стало 3, но учителей в нем в 1803 году было всего два и расходы по училищу в этом году были следующие: учителю третьего класса 250 р., учителю двух низших классов 180 руб. содержание училища 105 руб., всего 555 р.

В училище в каждое полугодие производились открытые испытания учеников, на которые и приглашались члены думы и почетные граждане. В 1804 году такие испытания произведены были 1 июля и 29 декабря.

Спустя два года после введения латинского языка в училище, на открытом испытании публика с удивлением увидела уже плоды от нового преподавания „Это была латинская речь, сказанная к собранию одним из учеников училища.“

Устюжское училище было малолюдным училищем. В начале в нем было всего 56 мальчиков, в 1804 году только 38. После преобразования в уездное училище в первые пять лет было от 55 до 66 учеников, а затем в 1819 и 1820 г.г. было только по 20 учеников, а в 1821 и 1822 годах по 19 учеников. В 1820 году дирекция народных училищ потребовала от штатного смотрителя об'яснения причин уменьшения числа учеников в Устюжских школах и Протопопов, начавший свою службу в малом народном училище, а затем, со дня преобразования этого училища, в уездном исправлявший должность смотрителя училища, а потому знакомый с жизнью училищ за все время их существования, так последовательно изложил эти причины. „С самого основания здесь в 1787 году малого народного училища, при личном побуждении губернатора Мезенцева и коменданта Монастырева, граждане ввели в оное только 56 мальчиков, а большее число других отказались следо-

вать первым, под разными отговорками. По преобразовании же в 1805 г. малого народного училища в уездное, когда последнее начало штатного от казны суммою довольствоваться, то дума перестала доставлять нужное пособие, кроме 375 руб. из интересов скопившейся благотворительной училищной суммы ¹⁾ Когда затем визитаторы стали склонять граждан к пособию, то последние начали отклоняться, в надежде, что они не могут быть к тому принуждаемы. Напоследок по убеждению моему, в 1810 году городской голова Буддаков согласил общество назначить на содержание приходских училищ по 300 руб. ассигнациями в год из общественных расходных сумм, и сам пожертвовал 100 руб., чему при открытии училищ и другие посетители, которые мною были угощаемы, следуя, внесли 212 руб.; а всего 312 руб. ассигн., а после того всякие пожертвования пресеклись. Когда же в том 1810 году открытые два сельские училища, Пятницкое и Шемогодское, по непринятию оных прихожанами на свое содержание, повелено было закрыть, то это возбудило в гражданах мнение о возможности отбывать от училищ, в каком-то предположении и начали уже редкие вводить детей своих для обучения не только в уездное, но и в приходские училища, и несколько еще придерживаются только бедные, имеющие нужду, сверх обучения без платы, и во всех учебных пособиях. Сверх сего многие в уездном училище, поучившиеся чистописанию, правописанию, грамматике и арифметике, выходят из оного преждевременно, поставляя на вид, что для них довольно и тех познаний, а имеют больше нужды в приобретении себе пропитания от торгу или ремесла; да и из приходских училищ выходят некоторые, научившись только читать и писать. А как нет правил ни понуждать граждан ко введению детей в училище, ни удерживать учеников в оных доле; хотя бы на год, или на два, против воли родителей, то от того число учеников, время от времени, уменьшается“.

При преобразовании малых народных училищ в уездные имелось в виду, что окончившие в них курс будут, для продолжения своего образования, поступать в Вологодскую гимназию, преобразованную в 1804 году из главного приходского училища. Так как курс уездных училищ был значительно повышен, сравнительно с малыми народными училищами, то должны были открыться приходские училища, для приготовления учеников в уездные. Открытие приходских училищ поставлено было в зависимость от обществ, долженствовавших содержать эти училища, при нежалании же последних жертвовать свои суммы на содержание училищ, произошло значительное замедление в открытии приходских училищ и крайние неудобства, какие терпели уездные училища, из за отсутствия приходских. Штатный смотритель Тотемского уездного училища писал директору училищ: „пока при уездном училище не будет приходского класса, до тех пор и самое уездное училище не будет соответствовать цели, потому что поступают дети ничему еще не научившиеся, следовательно, учителя должны терять сперва много времени в обучении поступающих буквам, складам, чтению и письму“. Смотритель Тотемского училища так сильно чувствовал необходимость приходского училища, что открыл его на свой счет и ассигновал на содержание его из своих средств по 100 руб. ежегодно. Такая же острая нужда в приходских училищах ощущалась, конечно, и в Устюге. Среди дел Устюгской городской думы было дело 1806 года „по сообщению смотрителя устюгских училищ Протопопова об отпуске на содержание вновь открытых двух приходских училищ достаточного

¹⁾ Т. е. кроме процентов, получавшихся с капиталов, пожертвованных в разное время в пользу училища и потому принадлежавших именно училищу.

содержания". Из этого заголовка можем заключить, что без достаточного содержания училища открыты были еще в 1806 году, с достаточным же содержанием они в действительности открыты были только 13 марта 1810 года—это именно первоначальное и вторичное училища¹⁾, которые и существовали непрерывно до 1919 года.

21 ноября 1810 года в Устюге было открыто третье приходское училище—Пятницкое—при Пятницкой церкви, с назначением учителем в нем священника той церкви Алексея Иванова, который не только принял на себя безвозмездное исправление должности, но и помещение для училища дал в своем доме бесплатно и на свой счет покрывал все расходы по училищу. При открытии училища поступило в него 16 учеников, в 1811 г. было 23 ученика и 2 ученицы, в 1812 г. 22 ученика и 2 ученицы, в 1813 г. 12 учеников и 1 ученица, в 1814 г. 12 учеников, а девочек уже не было. 20 февраля 1814 года училище это было закрыто, за неимением средств поддерживать его.

1 января 1810 г. при Николаевской Шемогодской ц., вблизи гор Устюга, священником Тимофеем Мощенским открыто было и содержалось в его доме и на его счет училище для бесплатного обучения детей. В первый год в нем обучалось 14 мальчиков, в 1811 г. 16 м. и 2 дев., в 1812 г. 10 м. и 2 д., в 1813 г. 7 м. и 2 д., в 1814 г. 9 м. С 1814 г. ученье остановилось и 20 февраля 1816 года, по распоряжению училищного комитета Московского университета, училище закрыто. На судьбе Пятницкого и Шемогодского училищ видим отношение к училищам местного общества. Пока священники содержали училища на свои средства—училища существовали; но священники имели в виду, в конце концов, передать их приходам, а прихожане не приняли их на свое содержание и училища закрылись. А это, как указывает Протопопов, и в устюжанах возбудило надежду избавиться от своих училищ первоначального и вторичного, по примеру Пятницкого и Шемогодского.

При своем открытии Устюжское малое народное училище помещено было в здании Устюжского Михайло-Архангельского монастыря, стоявшем при полуденной стене монастырской ограды, против Введенской церкви. В настоящее время нет и следов этого здания, на месте же его стоит, построенный в 1884—1887 годах, двухэтажный каменный корпус, в котором помещались классы духовного училища, а ныне помещается школа семилетка (на Меллоративной улице). В 1750 году на этом месте стоял одноэтажный каменный монастырский корпус, длиной 30 сажен без четверти аршина, шириной 5 сажен 2 арш. Помещались в нем две монастырские поварни, да три погреба. В 1779 году здание это, на счет государственной казны, было перестроено для помещения в нем присутственных мест, открытых в Устюге в 1780 году. Через шесть лет, присутственные места переведены были в бывший архиерейский дом и, таким образом, помещение их освободилось. Это то свободное помещение и занято было малым народным училищем. В начале только два „покоя“, т. е. две комнаты, были удобны к первоначальному помещению в них в 1787 году малого народного училища. В 1802 году отделан был третий покой (третья комната) для помещения в нем третьего класса. В 1805 году для уездного училища и четвертый покой, вовсе уже от времени развалившийся, поправлен весь снова в стенах, подволоке, полу, печи, и во всем прочем. Все эти поправки, производившиеся почти ежегодно, делались от городской думы. Так как первоначально это были погреба, а в погреба ход бывает прямо с улицы, то и после приспособления их под присутственные места и училище, „покои“ эти оказались так построенными, что в каждый из них

¹⁾ Названные так по расположению их в первой и второй частях города.

был отдельный вход с улицы, при чем перед дверями не было ни сеней, ни коридора, а двери из комнаты прямо отворялись на улицу. Помещение, приспособленное из старинного ветхого здания было и само по себе ветхим. Обозревавший в 1809 году Устюжские школы профессор Снегирев, отзываясь об этом помещении, заявил, что училищный дом найден им преклонным к падению, по совершенной обветшалости крыш и стен, кои очевидно покосились и расперлись. Несмотря на такое состояние здания, когда в 1810 году открыто было в Устюге первоначальное приходское училище—оно помещено было в этом же самом корпусе, вместе с уездным училищем.

В 1808 году Вологодской консисторией возбужден был вопрос перед директором училищ о передаче этого помещения духовному ведомству, по принадлежности. Директор отнесся к Вологодскому губернатору, а этот последний 2 ноября 1808 года сдал предложение Устюжской Градской Думе отвести для уездного училища удобную квартиру, или же завести особый дом. Переписка тянулась до 1817 года, когда уже по настойчивому предложению губернатора уездное училище, вместе с первоначальным приходским, и были выведены из монастырского дома в деревянный дом, принадлежавший городскому обществу, состоявший в первой же части города, близ Архангельского монастыря, за озером, в котором доме, по заявлению думы, были 4 чистых покоя и две избы, а также и потребные службы все в исправности. Хотя городская дума и отзывалась одобрительно об этом своем помещении, но в действительности оно было, можно сказать, решительно плохо. В 1830 году, отвечая на запрос дирекции о причинах малолюдности устюжских училищ, смотритель Раков писал, что причиной тому, прежде всего, дом училища, отведенный градским обществом с 1817 года и неспособный по ветхости, и темный, и удаленный от центра города. Полицеймейстер подтвердил, что действительно дом так ветх, что родители, может быть из опасения, боятся посылать туда детей своих.

В 1844 году училище приобрело покупкой каменный двухэтажный дом, на б. Успенской улице, принадлежавший Булдаковым (ныне по Советскому проспекту дом № 74). В верхнем этаже, после приспособления его, помещено было уездное училище, а внизу из кладовых устроен был покой, в котором и помещено первоначальное приходское училище. Ныне в этом доме помещается школа семилетка.

В. П. Шляпин.

Коряжемская кедровая роща.

Случалось ли кому ехать на пароходе вниз по р. Вычегде, то не доезжая 35 километров до впадения Вычегды в Северную-Двину внимание его будет приковано к открывающемуся виду Коряжемского монастыря. Быстрые струи темноводной Вычегды устремляются прямо к высокому берегу, упираясь в него, и дальше им нет выхода, но вот вправо из-за кучи сосновой „присыпи“ замечен поворот и Вычегда делает зигзаг к Сольвычегодску в направлении на запад. В этой излучине на высоком берегу раскинулся Коряжемский (бывший) монастырь, ныне детская колония. Незатейливой архитектуры две церкви, окруженные монастырским корпусом и службами, выгодно белеют на темнозеленом фоне строго-задумчивой стены леса, который густой синеющей массой стоит вокруг и позади монастыря, черными пятнами выглядывает между зданиями, одиноко грустными кронами-шапками приютился в косогоре высокого крутого берега. Это Коряжемская кедровая роща.

Когда затем, выйдя на берег, подниметесь в гору и оглянетесь на растлающуюся к северу Вычегду, то очарованный невольно залюбуетесь открывшейся вашему взору роскошной картиной широкой поймы, окаймленной всюду синеющими лесами.

Маленькими группами раскинулись деревни, окруженные зелеными полями, и среди этого простора к ногам зрителя движется величавая Вычегда и, теряясь из виду, сливается с горизонтом. При этом вам невольно вспоминается картина Левитана „Над вечным покоем“.

Такой сюжет мог вдохновить не одного художника.

Тишина кругом, чуткая-сторожкая тишина, только слегка эту спокойную задумчивую тишину нарушает необычайный для вашего слуха легкий шум. Невольно вглядываясь, вы замечаете, что незнакомый до этого вашему слуху шум исходит от кедровой рощи: хвоя гигантов кедров, колеблемая ветром, издает особый, свойственный только кедру, шум...

Основатель монастыря инок Лонгин был, несомненно, художник в душе. Широкий простор поймы, ширь бисто текущей реки, шум леса на высоком берегу привлекли внимание человека, ищущего уединения и он остановился здесь, чтобы положить начало основания монастырю. Это было в 1535 г.

Местность находится в 15 километрах от г. Сольвычегодска, в то время крупного торгового пункта на Сибирском пути, во времена проживавших здесь бояр Строгановых.

Если в наши дни это вообще-то малонаселенный край, то четыре века тому назад—это была непроходимая глушь и монахам пришлось перенести не мало лишений, ведя трудовую жизнь, полную невзгод. О крайней материальной нужде и жизни полной труда, свидетельствует краткая история монастыря.

Столь сильно интересующая всякого путешественника и краеведа кедровая роща расположена с южной стороны монастыря в 2-х участках: один (большой с ю.-з.) площадью 1,89 гектара расположен вне стен монастыря и окружен, с одной стороны, проселочной дорогой, пролегающей между рощей и монастырем, с прочих сторон полями ближайших деревень, при чем к западу часть рощи находится на усадьбе крестьянина (0,07 гект.), следовательно, общая площадь этого участка составляет 1,96 гект. и второй участок внутри монастырской ограды (ю.-в. часть) площадью 0,6 гект. Кроме того, в косогоре, у подошвы высокого и крутого берега есть две группы отдельно стоящих кедров, начинающих подаваться разрушению.

Из технического описания, произведенного по поручению Глав-музея лесничим Сухановым, видно, что участки, насажденные кедром (*Pinus Sembra*) сравнительно разновозрастны в своем верхнем ярусе, возраст их колеблется между 200—250 годами, при чем имеются экземпляры, достигающие возраста 300 слишком лет. Возраст удалось определить по пням, срубленных засохших кедров. Данному насаждению, как парковому, трудно дать точное определение полноты, но если придерживаться лесоводственного метода, по степени сомкнутости крон—участки можно отнести к средней полноте, а густоту древостоя характеризуют приведенные ниже сведения о количестве деревьев на участках. Высота верхнего яруса достигает 28—30 метров. Вопрос о состоянии кедровника необходимо рассматривать с двух сторон: кедровник, как памятник природы и как объект „хозяйства на орех“. Как памятник природы—это типичный парковый участок, с большим числом кедров, уродливо утолщенных, с буйно-развитыми „венценосными“ (как называет их С. Нат) кронами, т.-е. со всеми признаками деревьев, получивших развитие при достаточном освещении и хороших почвенных условиях. Среди кедров

наблюдаются массовые случаи механических повреждений коры—это следы удара колотушек, наносимых во время хищнически-воровского сбора шишек окрестным населением.

Кроме того, в участке первом пасутся телята и лошади, от чего повреждаются корни, на которых затем появляется гниль и грибы; там же отмечен случай заражения грибом, породу которого можно определить после исследования. Совсем в иных условиях находится второй участок, расположенный в ограде монастыря: здесь нетронутый почвенный покров, нет механических повреждений коры и корней, в тени кедров разросся малинник и травы, придающие участку вид художественно залущенной целостности природы. Среди этой группы кедров был обнаружен кедр с признаками поражения грибом *Lophodermium Pinastri* Cher, хотя это требует проверки специалиста миколога; пожелтевшая хвоя начинает опадать (1922 г.).

Было бы целесообразно подобные зараженные деревья убрать, чтобы зараза не распространялась и на остальные, между тем не хочется трогать усыхающие гиганты и нарушать гармонию естественного и постепенного умирания ветеранов, видевших беглого казака Ермака, отправляющегося на покорение Сибири.

Что же касается хозяйственной стороны вопроса, то она все свое значение начинает терять, т. к. по сведениям, полученным от заведывающего Коряжемским племхозом, со всего кедровника средний сбор в годы урожая достигает 410 килогр. шишек из которых получается до 114 килограммов чистых орехов, что при существующих ценах на орехи по 50 коп. за килогр. дает доход 57 рублей, а при семеношении через 3—5 лет, дает ежегодного дохода 14 рублей или, в среднем, на один кедр 4—5 коп., между тем, как их собратья на Печере в урожайные годы дают чистых орехов на сумму от 4 до 5 рублей.¹⁾

Только что приведенные цифры говорят о сильном понижении производительности кедровника и роща, как объект хозяйства, потеряла свое значение.

Под пологом старых великанов в качестве редкого подроста разбросаны молодые кедры.

Их возраст трудно определить, но считаясь с тем, что они, безусловно, испытывают на себе последствия угнетения господствующего полога материнских кедров, им необходимо дать лет 50 — 70. Распределен подрост равномерно отдельными кедриками уродливой формы и бедными охвоением; средняя высота их от 7 до 10 метров.

Всходов в участке первом нет, в участке втором есть 3 кедра 5—8 лет, хорошего качества.

Там, где человек со своим ближайшим помощником — домашним животным вносит свою культуру, девственным красотам нетронутой природы наступает конец. Два участка кедровника, одинаковые по возрасту и запасу древостоя, различны по почвенному покрову. В обоих участках на суглинистой свежей почве, достаточно глубокой и влажной, почвенный покров весьма разнообразен по своей мощности. В участке первом на сильно уплотненной почве покров травянистый и сильно задернелый настолько, что упавшие орехи если дадут всходы, то дерн не даст им возможности укрепиться корнями в почве.

Из покрова здесь встречаются: метла, щавель, гусиная лапка, клевер, ромашка, вереск, ягоды—голубика, черника и даже земляника.

На втором участке почва менее задернена, покров почти из тех же трав и ягод, но редкий, кроме того, встречается малина. Почва менее уплотнена. Разница в почвенном покрове (здернелость) объясняется

¹⁾ С. Нат. „Леса и воды Печерского края“.

тем, что первый участок более открыт воздуху и свету, что благодаря пастьбе скота, более нежные и мягкие породы уничтожались, а задержанность все больше и больше усиливалась. Нижеприведенная таблица дает понятие о количестве всех кедров, с распределением их по ступеням толщины:

Диаметр на высоте груди сант.	Участок I	Участок II	Примечание
10	29	3	Толще 75 сант. имеют наплывы у пня или уродливо толсты, с сильно развитыми сучьями, короткими стволами.
15	21	7	
20	22	7	
25	12	9	
30	33	18	
35	21	13	
40	41	11	
45	14	5	
50	7	1	
55	4	—	
60	1	1	
65	6	1	
70	6	—	
75 и толще	10	4	
Итого .	227	80	

Кроме этих старых кедровников среди монастырской ограды посажена аллея из кедров числом 20, в возрасте 60—80 лет, средняя высота их 14 метров, все они с хорошо развитыми кронами, прямыми стволами, без повреждений.

В косогоре высокого и крутого берега у подошвы стоят старые одинокие кедровники, числом 5.

Налицо признаки начинающегося разрушения

Возраст можно дать только приблизительно, но во всяком случае не менее 300 лет.

После краткого описания хочется разобраться в трудно разрешимом вопросе: происхождение кедровой рощи.

Если принять во внимание, что кедр ныне в диком состоянии, как отдельными экземплярами, так и насаждениями, начинает встречаться в верхнем течении р. Вычегды (Область Коми), то становится понятным, что об естественном происхождении Коряжемской кедровой рощи, находящейся на расстоянии 200 километров от свободно растущих кедров, не может быть речи.

Но все таки хочется привести и взвесить доводы, говорящие за то, что роща есть остаток когда-то бывших здесь кедровых насаждений, постепенно, под влиянием вмешательства человека в жизнь леса, а быть может в силу установленного теперь „закона вековой смены древесных пород“ — отступающих в направлении с запада на восток, подобно тому, как ель, сосна и лиственница по немногу подвигаются на запад. ¹⁾

¹⁾ Керн. „Основы лесоводства“.

Если взять средний прирост кедров в толщину 2 сант. в 10 лет, то кедры толщиной 75 сант. на высоте груди должны иметь возраст 340—370 лет, т. е. появление их на свет совпадает с основанием монастыря и началом его развития. Трудно предположить, чтобы в начале XVI века монахи, работающие не покладая рук для насущного куска хлеба, могли иметь время на то, чтоб позволить себе такую роскошь, как разводить кедровники. О культурах (посадках) не только в то время, но значительно позднее на Руси имели мало представления.

Проф. Арнольд определяет западную границу распространения кедра в Сольвычегодском уезде, отсюда идет к Глазовскому уезду Вятской губернии, т. е. делает зигзаг к среднему течению р. Камы; от Сольвычегодского уезда к северу дугою к р. Печере до 65° с. ш Следовательно, то возвышение, куда своим верховьем близко подходят Кама, Вычегда и приток Печеры—Ижма является центром распространения кедра в восточной Европе.

Напрашивается предположение: не служили ли в данном случае реки Вычегда, Ижма и Кама рассадниками сибирского кедра, перенося его орехи и даже целые шишки во время весенних разливов к своим низовьям. Кроме Коряжемского кедровника по р. Вычегде встречаются отдельные кедр в Сольвычегодском уезде: в Сойге, Княжице, г. Сольвычегодске и по Сеп. Двине в с. Черевкове. Все они весьма почтенного возраста (лет за 300), но здесь характерно то обстоятельство, что все они растут в оврагах и низинах, куда при высоком подеме весеннего разлива могла достигнуть вода (в Сольвычегодске и Княжице вода доходит в обыкновенные весенние разливы и теперь).

Точно также и отдельные кедр в Коряжме (в косогоре) свободно могли быть омываемы во время половодья.

Если предположим, что кедр в только что указанных мною пунктах посажены руками человека, жившего 350—400 лет тому назад, то надо отдать ему справедливость, он обладал не заурядными познаниями в области биологических свойств кедра, потому что приурочил посадку его в места наилучше дренированных или вообще с почвой достаточно влажной, т. е. почвой, на которой кедр наилучше всего произрастает в естественном состоянии¹⁾. Между тем в позднейшее время и в наши дни при создании садов и парков часто совершают насилие над лесоводственными особенностями сажаемых пород.

Монахи видели, что кругом природа под влиянием вмешательства человека изменяется. Они взяли под свое покровительство небольшой участок сохранившихся кедров и не допускали к ним местных жителей, т. е. 300 лет тому назад в Европе сделали то, что в наши дни рекомендует сделать в Сибири Барышевцев: сохранить „присельные кедровники“²⁾ и что теперь предпринял НКЗ, издав распоряжение о приятли мер к сохранению кедровых насаждений³⁾.

Позднее монахи поняли, что сохраняемые ими кедр не долговечны, подрост не надежен, что вследствие угнетения, он вряд ли сменит материнские кедр, когда для последних придет время разрушения и смерти. Вот почему мы видим в участке втором, внутри монастырской ограды, т. е. в участке бесспорно принадлежавшем монастырю, есть кедр более молодые (около 100—150 лет), видимо посаженные искусственно, т. к. здесь уже наблюдается желание придать подсаживаемым кедрам прямолинейность расположения среди старых, есть стремление создать аллею, между тем, как старые кедр, как в первом, так и во вто-

¹⁾ С. Нат. „Леса и воды Печерского края“.

²⁾ Барышевцев „Кедровники—плодовые сады“ Лесн. журн. № 1—3, 1917 г.

³⁾ „Лесовод“ № 2—3, 1924 г.

ром участке расположены без системы, естественно, как только может это сделать природа. Да, наконец, зачем было монахам рассаживать кедры над кручей берега, где их могло смыть весенней водой, уничтожить оползнями берега.

Еще позднее лет за 70—80 до наших дней, у них возникла мысль от „святых ворот“ создать аллею из кедров. Посажено более 20 кедров. Посадочного материала было достаточно, молодых кедров всходов в старых рощах было много и не будучи выставлены на простор, они погибли бы, как гибнут от угнетения в естественных условиях на Печере¹⁾.

Наличие значительного запаса молодняка 50—80 лет тому назад подтверждается тем обстоятельством, что в окрестных деревнях в крестьянских усадьбах есть насаженные кедры в возрасте 30, 40, 50 лет. Но распространению кедров среди крестьян, как плодового дерева, мешало существовавшее среди населения поверье, что кедры, посаженные близ дома или в усадьбе, приносят несчастье: смерть хозяину или близкому человеку.

Ясна абсурдность такого поверья среди темного народа, но свою роль, как заглушителя культурных проявлений, это поверье, как и иные формы косности, безусловно, сыграло, так как население и теперь неохотно сажит кедры при своих домах.

Монахи не многим отличались от простого народа. Они, как более религиозные, были более подвержены суевериям, а потому вряд ли стали бы разводить кедры, если бы они не произрастали естественно, как „божий дар“.

Мне зададут вопрос, чем объяснить поголовное, абсолютное исчезновение кедра на пространстве до области Коми и на таком небольшом промежутке времени для столь огромного переворота. Выше я говорил, что вмешательство человека в жизнь природы—главная и основная причина ее изменений. „Лик земли—говорит проф. Бородин—подвержен непрерывным изменениям. В современную географическую эпоху наиболее могущественным фактором, вызывающим эти изменения, бесспорно, является человек с его культурой. Под влиянием последней первобытная природа тает, как воск от лица огня. Девственные леса и степи отходят в область преданий. Вместе с ними исчезает ряд живых существ, животных и растений, не мирящихся с новыми условиями жизни“.

Кто из нас не читал описания степи у Гоголя? „Чорт вас возьми степи, как вы *были* хороши при Гоголе“—можно только изменить его классическое восклицание.

Ныне, видел ли кто подлинную степь? Ее нет—она исчезает. В данном случае монахам принадлежит роль охранителей осколка, художественного кусочка природы (Naturdenkmäler), как образца, когда-то бывших кедровников на территории Сольвычегодского уезда.

Теперь посмотрим: что можно сказать в пользу другого предположения, а именно: что Коряжемская роща—не остаток естественно растущих кедров, а лет 300 слишком назад руками монахов разведенный кедровник. В пользу такого предположения говорит одно наблюдение, что везде и всюду кедры сохранились около церквей, монастырей, т.-е. там, где жили более развитые, грамотные люди того времени, понимавшие выгоды такого разведения (орехи) и сажившие кедр, потому что в условиях севера иных плодовых и фруктовых деревьев разводить нельзя.

Тем не менее, чтобы это ни было: искусственный или естественный кедровник, но он есть для нас памятник природы. Наш долг при-

¹⁾ С. Нат. „Леса и воды Печерского края“.

нять все меры к его сохранению и не только сохранить, но улучшить обстановку, создать условия дальнейшего произрастания на столько благоприятными, чтобы кедровник сохранился от разрушения на долгие долгие годы.

Главмузей признал рощу памятником природы и передал под контроль и наблюдение ближайшего лесничего. Пока что — это все. Между тем меры к сохранению необходимо принять срочные и вполне целесообразные, в полном согласовании с биологическими свойствами кедр.

Так, например: по одному из участков кедровника проходит осушительная канава. Вредное влияние такой хозяйственной меры налицо, т. е. кедр в естественном состоянии произрастает на увлажненных почвах (Нат, Барышевец). Канаву необходимо заравнять, совершенно воспретить пастбу животных, прогулки по роще и прочее. Это сохранит в неприкосновенности почвенный покров и спасет корни от повреждений.

Никем не нарушаемая почва скоро обогатится подстилкой, которая и удобряет и улучшает физические свойства почвы — говорит проф. Морозов. Кроме того, надо безотлагательно ввести подлесок. „Введение подлеска в какое нибудь насаждение, — пишет проф. Морозов, — является мерой, способствующей сохранению производительных сил почвы“. В таких случаях проф. Морозов рекомендует можжевельник и ель или пихту, при чем садить и сеять подлесок неправильными группами.

Соединение кедр с еловым подростом в „Чугре“ (на Печере) С. Нат. называет „симбиозом“, когда произрастая в сообществе кедр „низкостеляющимися по поверхности почвы сучьями, начинающимися от самого основания ствола, ель дает отенение корням кедр“.

Перечисленные меры, выполняемые умело и с знанием дела, создадут условия близкие к естественным. Стоит ли напоминать о том что надо огородить рощу, установить охрану, лесоведам производить систематические осмотры и микологам вести наблюдения над распространением грибов, т. е. ввести „санитарный надзор“.

Все эти меры обезопасят, застрахуют от надвигающегося разрушения замечательный для нашего края уголок природы. Сохранить его необходимо и должно.

„Растерять эти остатки было бы преступлением“ — пишет проф. Бородин по поводу сохранения памятников природы. — „Это такие же уники, как картины, например, Рафаэля — уничтожить их легко, но воссоздать нет возможности“.

В. А. Суханов.

Бюджет рабочих Северо-Двинской губернии.

До начала 1927 года в условиях С.-Двинской губернии изучения бюджета рабочего никем не велось, хотя потребность изучения бюджета рабочего чувствовалась постоянно. Отсутствие материалов, характеризующих бюджет рабочего губернии, особенно давало чувствовать профсоюзным организациям и планирующим органам губернии при их практической работе. Чтобы выполнить такой серьезный пробел в обосновании тех или иных практических мероприятий, проводимых в среде рабочих и промышленных предприятиях губернии, по почину планирующих органов губернии в январе 1927 года для изучения бюджета рабочих в течение месяца было произведено обследование 68 рабочих семей и одиночек. По производствам данное обследование охватило

35 семей и одиночек текстильщиков Красавинской льнопрядильной и ткацкой фабрики, имеющей 2999 рабочих, 17 семей и одиночек писчебумажников Лальской писчебумажной фабрики, насчитывающей до 538 рабочих и 16 семей и одиночек щетинщиков В.-Устюжских щетинных фабрик Госторга, численный рабочий состав коих определяется в 472 человека.

По материалам обследования в составе 68 рабочих семей и одиночек находилось 188 человек, из которых мужчин 40,4 проц. и женщин 59,6 проц. Средний состав семьи обследованных группы рабочих 2,8 человека, в частности у текстильщиков—2,2 человека, у писчебумажников 3,2 человека и у щетинщиков 3,7 человека.

Половой состав семей рабочих указанных производств различный, но во всех случаях в составе семьи преобладают женщины. Наибольший процент женщин в составе семьи щетинщика, который имеет женщины 62,7% от общего количества едоков семьи. Несколько меньший процент женщин в составе семьи текстищика. Здесь имеется женщин 58,7 проц. Писчебумажники имеют женщин 57,4 проц.

Культурный уровень рабочих семей, определяя этот уровень простой грамотностью, весьма различный и определяется в свою очередь совокупностью ряда условий, в которых живут рабочие.

Обследованием установлено, что во всех трех производствах наибольший процент неграмотных падает на женщин и, наоборот, наименьший процент на мужчин. На каждые 100 женщин в семьях рабочих имеется неграмотных 29,2 женщины. Тогда как тоже количество мужчин имеют в своем составе неграмотных только 12,6 человека.

Вполне понятно, что по отдельным производствам процент неграмотных мужчин и женщин различный. Наименьший процент неграмотных падает на семьи текстильщиков, где неграмотных мужчин совершенно нет, а неграмотные женщины составляют всего лишь 7,7% всех женщин. Наивысший процент неграмотных обнаруживается среди семей щетинщиков, которые в своем составе имеют неграмотных мужчин 35,3%, а женщины 71,1%. Культурный уровень семей писчебумажников значительно выше щетинщиков, но относительно ниже уровня текстильщиков. В семьях писчебумажников неграмотные составляют 6,7% для мужчин и 16,7% для женщин.

Весьма низкий культурный уровень семей рабочих щетинщиков находит себе объяснение в том, что преобладающее количество щетинщиков относятся к крестьянам.

Весьма интересную картину вскрывает произведенное обследование в отношении обеспечения рабочих семей жилищем.

Материалы обследования позволяют установить, что 41,2% всех обследованных семей живут в собственных домах, 33,8% размещаются в квартирах частных лиц, 23,5% квартируют в общежитиях при фабрике и только 1,5%—живут в домах жилищного товарищества. При чем для 27,9% всех семей рабочих помещением для квартиры служит часть комнаты и для 4,4%—койка в общежитии, что определенно свидетельствует о крайней ненормальности тех условий, в которых живут 32,3% всех семей рабочих. Еще более значительный процент семей рабочих, живущих в ненормальных квартирных условиях, падает на текстильщиков. Здесь этот процент повышается до 42,9.

Средняя норма жилой площади на одного члена семьи рабочего по всем производствам определяется в 7,19 кв. метра (14,1 кв. аршина). Наименьшая норма жилой площади занимает семья текстищика, а именно—5,2 кв. метра (10,2 кв. аршина). Семья писчебумажника пользуется жилой площадью в 8,93 кв. метра (17,5 кв. арш.), а семья щетинщика—в 7,93 кв. метра (15,5 кв. арш.).

Ежемесячный доход рабочей семьи по всем производствам в среднем определяется в 57 р. 37 к. По отдельным же производствам сумма дохода весьма различна: у писчебумажников 78 р. 14 к., у щетинщиков 66 р. 06 к. и у текстильщиков 49 р. 81 к.

По отдельным статьям ежемесячный доход рабочей семьи складывается из 72,2⁰/₀ от зарплаты, 10,8⁰/₀ от продажи и поступлений продуктов собственного производства и 17⁰/₀ от разных поступлений. При чем доля зарплаты в общем месячном доходе семьи текстильщика занимает 76,4⁰/₀, семьи писчебумажника 75,6⁰/₀ и семьи щетинщика 61,4⁰/₀.

При среднем месячном бюджете рабочего в 57 р. 37 к. расходуется 53 р. 96 к. Наибольшая сумма средств—24 р. 12 к. или 44,7⁰/₀ всего расхода—тратится рабочей семьей на питание. На втором месте по величине занимают расходы на одежду и туалет, на что потребляется 11 р. 20 к. или 20,7⁰/₀ всех месячных расходов.

По роду производств расходы на одежду имеют различное выражение, а именно: для текстильщика эти расходы составляют 27,6⁰/₀, а для щетинщика—только 11,9⁰/₀.

На третьем месте стоят расходы—квартирная плата, отопление и освещение. На наем квартиры и на оплату отопления и освещения рабочей семьей расходуется 5 р. 02 к. или 9,3⁰/₀ всех расходуемых средств.

Следующее место по относительной величине занимают расходы на собственное производственное хозяйство рабочих семей. При среднем расходе на собственное производственное хозяйство в 8⁰/₀ всех расходуемых средств семьей щетинщика тратится на эту цель 17,4⁰/₀, семьей текстильщика—3,9⁰/₀ и семьей писчебумажника—всего лишь 2,8⁰/₀.

Весьма и весьма скромный размер занимают расходы на удовлетворение культурно-просветительных потребностей семьи рабочего.

Если для семьи рабочего писчебумажного производства на культурно-просветительные нужды расходуется 2⁰/₀, то для семьи текстильщика эти расходы составляют 6,6⁰/₀, а для семьи щетинщика 14 копеек, составляющих менее 0,1⁰/₀ общего расхода.

Но, к сожалению, расходы на спиртные напитки и табак имеют более повышенное выражение, чем расходы на культурно-просветительные нужды. Можно сказать, что данного вида расходы обратно пропорциональны культурности семей рабочих. В общем же на табак и спиртные напитки тратится семьей щетинщика 4,1⁰/₀, семьей текстильщика—2,9⁰/₀ и семьей писчебумажника—1,5⁰/₀ всех расходуемых средств.

Произведенное обследование бюджета рабочих губернии вскрывает весьма интересное явление и в отношении источников приобретения семьей рабочего продуктов питания.

Основным источником приобретения семьей рабочего продуктов питания является кооперация, от которой рабочий приобретает продуктов на 68⁰/₀ от стоимости всех поступлений. Роль частного определяется всего лишь в 13,3⁰/₀. Остальные продукты питания в размере 2,8⁰/₀ всех поступлений приобретаются у госторговли и в размере 15,9⁰/₀ берутся из своего хозяйства.

В большинстве случаев продукты питания приобретаются рабочими губернии за наличные. Так семьи писчебумажников покупают за наличные на 76,3⁰/₀ общей стоимости, семьи текстильщиков на 72,2⁰/₀ и семьи щетинщиков 63,8⁰/₀. Покупка же в кредит составляет 8,8⁰/₀ к общей стоимости всех поступлений продуктов для первых и 21,7⁰/₀ для вторых. Щетинщики к кредиту не прибегают.

Рассматривая суточные нормы питания рабочего, приходится сказать, что рабочий обследованных производств в общем питается удо-

влетворительно. Взрослым едоком в среднем потребляется разных продуктов след. количество: хлебных продуктов 0,964 кг. (2,35 фунта), овощей 0,668 кг. (1,63 фунта), прочих растительных продуктов 0,048 кг. (0,11 ф.), мяса и рыбы 0,291 кг. (0,71 ф.), прочих животных продуктов 0,156 кг. (0,38 ф.) и соли 0,029 кг. (0,7 ф.).

Что же касается годовых норм потребления мануфактуры для одежды и туалета взрослого едока семей рабочих, то они весьма различны. Для взрослого едока семьи текстильщика эта норма определяется в 19,9 метра. Значительно меньше норма потребления в семье писчебумажника—всего лишь 10,7 метра. На взрослого же едока в семье щетинщика приобретается той же материи за год 11,6 метра.

Приведенное выше в кратких чертах обследование бюджета рабочих основных и наиболее крупных предприятий губернии вскрывает два основных факта, которые свидетельствуют о ненормальных условиях существования семей рабочих. Первый факт заключается в крайне плохих квартирных условиях для всех рабочих, а второй факт—в низком культурном уровне рабочих и их семей (особенно это относится к семьям щетинщиков, а отчасти и к семьям писчебумажников).

Отсюда становится вполне очевидной необходимость осуществления целого ряда практических мероприятий по рабочему жилищному строительству, по рабочему просвещению и по борьбе с пьянством, которое стало весьма заметно прививаться рабочим губернии.

Осуществление этих мероприятий должно составлять очередную и неотложную задачу не столько самих хозорганов, сколько самих рабочих и их профессиональных организаций.

А. Н. Бачурихин.

Сельское хозяйство С.-Двинской губернии на рубеже 1926 года.

Анализ отдельных элементов с.-х. производства нашей губернии за период 1916 — 25 год позволяет нам твердо установить, во-первых, что количество скота и посевов достигло довоенного уровня, во-вторых, что в 1925 году все основные отрасли крестьянского хозяйства перешагнули довоенный уровень своего развития и, в третьих, что с 1924 — 25 года в с.-хоз. производстве отмечается реконструктивный процесс.

Чтобы не быть голословным, на минуту остановимся на ряде цифр. Полевая посевная площадь губернии в 1916 году определялась в 248359 десятин еще в 1920 году посевная площадь была наименьшей из ряда революционных лет и выражалась в 164074 дес. или 66,1 проц. За истекший же 1924/25 с.-х. год мы имеем 251.566 дес. посева или 101,3% к площади 1916 года.

Приведенная динамика роста посевной площади разворачивается гораздо медленнее, чем динамика роста населения губернии. Так, если обеспеченность сельского населения посевами в 1913 году была 41,6 дес. на 100 душ населения, то в 1925 году эта обеспеченность выражалась в 37,6 дес. Отсюда видно, что современная обеспеченность населения посевами при увеличении сельского населения губернии на 9,3 проц. отстала от довоенной на 9,7 проц.

Но, с другой стороны, наше полеводство вне всякого сомнения подверглось значительной интенсификации, которая подтверждается рядом статистических цифр и объективных фактов.

Прежде всего, площадь под кормовыми растениями (травами) в 1925 году по сравнению с 1917 годом возросла от 1852 дес. до 8302 д. или на 348 проц., при чем появление травосеяния и рост посевной площади отмечается во всех районах губернии.

Дальше. Промышленное льноводство губернии в 1925 году занимает 12342,4 дес. или 83 проц. всей площади 1917 года, т. е. на 17 проц. или 1079,9 дес. меньше, чем в 1917 году. Тогда как еще в 1921 году под льном было занято 3056,4 дес. или 22,7 проц. от площади льна 1917 года.

Рост посева льна далеко опережается движением площади посевов картофеля и пшеницы. По сравнению с данными 1917 года здесь мы имеем увеличение площади посева картофеля на 267,4 проц., а пшеницы—на 92,1 проц.

Обратная картина наблюдается в динамике посевов ржи. Посевная площадь ржи за период 1917—25 годы сократилась на 14,3 проц.

Показателем интенсивности сельского хозяйства за 1925 год служит переход на многополье 92 селений с 1960 хозяйствами. Тогда как по данным агрономических отчетов за 1912 год хозяйств с многопольным севооборотом по всей губернии насчитывалось только в 9 селениях.

Еще сравнительно наибольшему качественному и количественному изменению подверглось за 1925 год наше животноводство. Если в 1916 году числилось в крестьянском стаде 354522 головы крупного скота, или 100 проц., то в 1925 году мы имеем 422337 голов или 119,1 проц. По сравнению же с обеспеченностью крупным скотом 100 душ населения за 1917 год в текущем 1925 году мы имеем увеличение с 56,1 головы или 100 проц. до 63,2 головы или 112,7 проц. По сравнению же с движением посевной площади за последние три года численный рост скота происходит почти в три раза быстрее точно 38,9:14.

В частности за период 1916—25 г. г. количество рабочих лошадей с 98820 голов возросло до 109532 или на 10,9 проц., а количество коров с 191040 голов поднялось до 217500 или на 13,9 проц. Подобное изменение в росте скотоводства привело последнее к тому, что вместо пользовательного и повозного животноводство постепенно приобретает характер продуктивного.

Последнее подтверждается организацией 14 кооперативных маслодельных заводов, которых еще в 1923 году не было ни одного, а также теми изменениями в соотношении отдельных групп молодняка, которые определенно свидетельствуют о развитии в губернии молочного скотоводства.

Нельзя не отметить, как прогрессивного явления, и роста плугов в крестьянском хозяйстве при все более и более сокращающемся количестве сох. Так по истечении только 2-х лет в 1925 году плугов стало больше в крестьянских хозяйствах на 30,1 проц., а по истечении только одного последнего года сох стало меньше на 23,1 проц.

Значительные изменения произошли и в рыночных связях трудового крестьянского населения губернии, а именно: натуральный товарообмен в общей продаже изжит на 83,8 проц., составляя в купленном полученное в обмен только 12,1 проц., рыночный оборот крестьянских хозяйств с 49 р. 82 к. по продаже продуктов сельского хозяйства и с 47 р. 78 к. по покупке за 1923/24 год возрос до 76 р. 63 к. по продаже и до 51 руб. 63 коп. по покупке за 1924/25 год. Емкость же крестьянского рынка на промтовары по сравнению с довоенной с 11,4 проц. за 1922/23 год увеличилась до 33,8 проц. за 1924/25 год.

Еще больший рост устанавливается в денежном балансе крестьянских хозяйств. Если за 1923/24 год денежный баланс определялся по

приходу в размере 71 р. 99 к., а по расходу — в 66 руб. 11 коп. то за 1924/25 год этот баланс увеличился до 144 р. 21 коп. по приходам и до 138 р. 65 коп. по расходам. В образовании же дохода продукция сельского хозяйства стоит на первом месте и составляет 37,7 проц. за 1923/24 год и 44,5 проц. за 1924/25 год.

А. Н. Бачурихин.

Наемный труд в крестьянских хозяйствах Северо-Двинской губернии.

Применение наемного труда в крестьянских хозяйствах Северо-Двинской губернии не занимает устойчивого состояния, а имеет тенденцию к непрерывному, из года в год все увеличивающемуся росту или изменению. Так, если еще в 1920 году было 1,4% всех хозяйств с наймом срочных рабочих, то в 1925 году и 1926 году этих хозяйств было 3,5 и 3,6%. Этому росту не могут не способствовать происходящие в деревне хозяйственные процессы, заключающиеся в развитии сельского хозяйства в сторону его интенсификации и товарности, в накоплении капиталов, в росте зажиточных слоев крестьянского населения с одновременным выделением пролетарских и полупролетарских элементов деревни.

Кроме того, на применение наемного труда в деревне влияла и сама трудовая структура крестьянских хозяйств губернии. Если мы обратимся к данным обследования труда в крестьянских хозяйствах губернии за 1926 год, то увидим, что 11,45% всех хозяйств работников не имеют, 63,58% хозяйств имеют только одного работника, 19,1% хозяйств—двух работников, 4,83% хозяйств—трех работников и 1,04% четырех и более работников.

При средней землеобеспеченности крестьянского хозяйства губернии 3,1 гектара (2,84 дес.) пашни, 2,73 гектара (2,51 дес.) сенокоса, 15,25 гект. (13,99 дес.) прочей удобной земли, а всего 21,08 гектара (19,34 дес.) сплошь да рядом в бедняцких и середняцких хозяйствах на летние работы рабочих рук не хватает. Почему эти группы хозяйств в силу своей необеспеченности трудом в полной потребности вынуждены прибегать к наемному труду. Но наряду с этим устанавливается и тот факт, что к усиленному найму прибегают и крайние правые группы крестьянства. Здесь применение наемного труда имеет целью накопление и расширение своих хозяйств.

Социальная сущность крестьянских хозяйств, прибегающих к наемному труду, вскрывается следующими сравнительными данными за 1920 и 1926 г.г. по группировке хозяйств по посеву (в процентах)

	% хоз-в, занимающих срочных рабочих		Группировка хозяйств по посеву		Кoeffициент при делении наемн. труда	
	1920 г.	1926 г.	1920 г.	1926 г.	1920 г.	1926 г.
Без посева	—	1,6	4,2	0,8	—	2,0
С посевом до 1 дес.	1,6	5,09	45,1	29,2	0,36	1,7
От 1 дес. до 2 дес.	1,4	3,5	37,3	31,3	0,04	0,11
„ 2 „ „ 3 „	1,6	2,6	10,4	19,0	0,15	0,14
„ 3 „ „ 4 „	2,1	2,5	2,5	10,7	0,84	0,23
Свыше 4 десятин	2,9	2,7	0,5	9,0	5,8	0,3

Из анализа приведенной таблицы видно, что основная масса хозяйств применяющих наемный труд, падает на крайние левые группы (беспосевные и малопосевные). При чем по коэффициентам применения наемного труда в тех или иных посевных группах можно судить о том, что в беспосевных и малопосевных (до 2 дес.) группах применение наемного труда увеличивается, а в среднепосевных и многопосевных группах, наоборот, сокращается. Но т. к. среднепосевные и многопосевные группы крестьянских хозяйств за период с 1920 до 1926 года относительно возросли—с посевом от 2 до 3 дес. в 1,8 раза, с посевом от 3 до 4 дес. в 4,3 раза с посевом от 4 дес. и выше в 18,0 раза, то отсюда становится очевидным весьма значительное по абсолютным данным применение наемного труда и в последних посевных группах крестьянских хозяйств губернии.

Наемный труд в крестьянских хозяйствах губернии, как мы говорили выше имеет тенденцию ежегодного увеличения. Такой вывод подтверждается следующими данными: процент рабочего времени наемных рабочих в общем годовом запасе рабочего времени крестьянских хозяйств по их бюджетам определялся для 1922/23 года в 0,5%, для 1923/24 года в 0,7% и для 1924/25 года в 1,7%.

Следовательно, за период времени 1922—1925 годы в бюджете рабочего времени крестьянских хозяйств наемный труд увеличился в 3,4 раза.

Основным источником пополнения наемной силы в крестьянских хозяйствах губернии служат батраки, вышедшие из беспосевных, бесскотных и безлошадных хозяйств. Динамика роста этих батраков губернии, по данным союза сельхозлесрабочих, такова: в 1924 г. 1328 ч. или 100%, в 1925 году 2576 человек или 194% и в 1926 году 2773 ч. или 208%.

Основную массу батраков, по данным за 1926 г., составляют с.-х. рабочие (55 проц. к общему количеству батраков) и няни (30,7 проц.). Пастухов и подпасков 10 проц. Еще меньше промысловых работников, а именно 1,4 проц. всех батраков. Остальные 2,9 проц. батраков составляют группу сторожей и др. Если эти данные сравнить с аналогичными показателями за 1925 год, то приходится отметить относительный рост за год с.-х. рабочих на 11 проц. и нянь на 3 проц. при сокращении пастухов на 8,4 проц., а остальных групп батраков на 5,6 проц. Процент промысловых батраков остается без изменения.

Условия найма батраков оставляют желать много лучшего. С целью характеристики этих условий приводим следующие данные обработки трудовых договоров, охватывающих до 83 проц. всех батраков губернии. Месячная зарплата основных категорий батраков такова:

	За 1925 г.	За 1926 г.
С.-х. рабочие	9 р. 82 к.	14 р. 40 к.
Пастухи	12 р. 16 к.	18 р.
Няни	7 р. 80 к.	9 р.

Хотя месячная зарплата батраков за 1925/26 год увеличилась для с.-х. рабочих на 46 проц., для пастухов на 48 проц. и для нянь на 16 проц., но она еще далека от средней месячной зарплаты рабочего в промышленности губ., составляющей за 1925/26 год в 25 р. 41 коп.

Преобладающее количество батраков губернии—78 проц. нанимается на готовых хозяйских харчах и одежде, значительно меньше—19 проц. нанимается на хозяйских харчах при своей одежде и только 2,8 проц. всех батраков нанимаются на своих харчах и при своей одежде. Отсюда становится ясным, что большинство батраков живет в одинаковых с нанимателем условиях,

Сроки найма батрачества губернии различны. Но преобладающим сроком найма батраков является срок от 3 до 6 месяцев, на каковой срок нанималось в 1925 году 60,4 проц. всех батраков и в 1926 году 54 проц. На срок от одного до трех месяцев нанимается 22,6 и 18,4 проц. и на срок свыше 6 месяцев нанималось 17 и 27,6 проц.

Таким образом, преобладающее количество батраков нанимается в крестьянских хозяйствах на период полевых работ, продолжающийся в условиях нашей губернии с мая по октябрь.

Продолжительность рабочего дня батраков в крестьянском хозяйстве, хотя и регламентировалась трудовыми договорами и составляла в среднем для 3 проц. батраков менее 8 часов, для 89,5 проц. от 8 до 10 часов, для 0,47 проц. от 10 до 12 часов и для 6,9 проц. неопределенное время, но фактически превышает установленные нормы.

Изжитию приведенных ненормальностей в условиях применения наемного труда в крестьянских хозяйствах губ. способствует сравнительно широко развернувшаяся работа союза с. х. и лесных рабочих, который деревенской сетью союзных органов в количестве 101 с каждым годом охватывает все большее и большее количество батраков губернии.

А. Н. Бачурихин.

Обзор состояния сельского хозяйства С.-Двинской губернии.

(В современных границах).

При самом беглом знакомстве с естественно-историческими, климатическими и экономическими условиями С.-Двинской губернии можно прийти к основному и вполне правильному заключению, что по характеру главного промысла населения она относится к земледельческой. Этот вывод подкрепляется и тем положением, что 98,61% населения занимается сельским хозяйством, 96,3 проц. населения живет исключительно в сельских местностях, 4,08 проц. всей территории губернии распахано и до 14,83 проц. всей площади угодий используется преимущественно для нужд с.-х. производства в губернии.

Полеводство.

Хотя С.-Двинская губерния имеет более значительную площадь занятую лесами, каковое условие могло бы определять наличие в губернии развитой деревообрабатывающей или лесной промышленности, но, к сожалению, приходится констатировать, что в силу целого ряда объективных причин эта промышленность развита крайне слабо. Поэтому, становится вполне понятно, что при современных, пока что не изменившихся экономических условиях, сельское хозяйство в губернии является основным занятием, которое при большой затрате труда оплачивает труд сельского хозяина несоответственно его трудовым затратам.

Объяснение низкой оплате труда в земледелии нельзя видеть только в свойствах или характере климата и почв губернии. Кроме этих двух общих постоянно действующих, но легко парализуемых причин, имеется еще целый ряд причин, влияющих на успех земледелия, а именно: неправильная организация самого крестьянского хозяйства в целом, низкая и крайне несовершенная техника обработки почвы, удобрения,

посева, ухода за растениями в поле и их уборка, крайне нерациональные формы землепользования и т. д.

Сельское хозяйство не осталось без влияния этих причин на свое развитие в период империалистической и гражданской войны, а, следовательно, и на результаты хозяйственной деятельности крестьянского населения губернии.

Задача настоящего обзора и заключается в том, чтобы уловить эти изменения и отметить их положительные и отрицательные стороны в развитии сельского хозяйства.

Вполне понятно, что империалистическая и гражданская войны, вызвавшие общую экономическую разруху и изменение социально-политической структуры народного хозяйства, оказали свое влияние на состояние и развитие сельского хозяйства нашей губернии. Это влияние выразилось в общем упадке местного сельского хозяйства, которое достигло своего наибольшего выражения в 1919—20 с.-х. году.

По данным с.-х. переписей Губстатбюро, общее состояние сельского хозяйства губернии к периоду его наибольшего упадка в 1920 г., по сравнению с 1917 годом, определяется следующими величинами:

	1917 год	1920 год	Изменение в %/о
Общая площадь посева	248359,3	163657	37,7
Из общего количества было занято:			
Рожью	101795,5	67385	33,8
Пшеницей	4884,1	2929	39,2
Ячменем	41327,7	29483	27,3
Овсом	71576,8	56897	20,4
Картофелем	2681	1317	51,0
Льном	13422,3	3315	75,3
Горохом	4275,5	1740	59,3
Травами	1859,7	504	73,0
Количество скота:			
Лошадей	119333	110117	7,6
Крупного рогатого скота	285462	212300	25,8
Овец	219288	131696	40,0
Свиней	83725	41172	50,0

Таким образом, наибольшее изменение основных элементов сельского хозяйства к 1920 году выразалось в сокращении—общей площади посева на 37,7 проц., лошадей на 7,6 проц., крупного рогатого скота на 25,8 проц., овец на 40 проц. и свиней на 50 проц.

Обратный же процесс восстановления всех указанных основных элементов сельского хозяйства в губернии наметился с 1921 года и, как мы увидим ниже, достиг выражения 1917 года только в 1923—24 с.-х. году.

В общем процессе восстановления сельского хозяйства в условиях С.-Двинской губернии имелись двоякого рода факторы, которые или способствовали этому восстановительному процессу или, наоборот, задерживали и мешали дальнейшему поступательному ходу восстановления и развития отдельных основных элементов с.-х. производства.

К первой категории факторов или положительных условий мы относим земельную и Налоговую политику Советской власти, а ко второй категории факторов — стихийные бедствия 1920/21 и 1922/23 с.-х. годов в виде засухи и массовых с.-х. вредителей, оторванность губернии от экономических и торговых центров СССР, и тяжелое международное и внутреннее положение республики.

Но все же несмотря на наличие отрицательных факторов восстановления и развития сельского хозяйства губернии, последнее вступило в полосу нормального восстановления и развития с 1923 года, когда особенно отмечаются определенные достижения на с.-хоз. фронте губернии.

Настоящее состояние общей посевной площади губ. и посевной площади отдельных с.-х. культур, по сравнению с данными за период с 1917 г. до 1924 года, м. б. охарактеризовано следующими данными.

За какой год	Общая посевная площ.	Из общей посевной площади занято:									
		Рожью	Пшеницей	Ячменем	Овсом	Горохом	Картофелем	Дьном	Конопля	Травами	Прочими
1916	248359.3	97080.9	6214.9	43829	71025.5	4914.6	5298.4	19170.8	134.8	688.5	2.0
1917	242051	101795.5	4884.1	41327.7	71576.8	4275.5	2681.0	13422.3	228.5	1859.7	—
1920	163657	67371	2929	29483	56897	1740	1317	3315	101	504	—
1921	166962.2	67593.85	3176	31854.98	57927.13	1925.01	1320.83	3056.38	—	—	—
1922	185823	81850	1502	44167	50852	1918	2419	3032	34	49	—
1923	167345.25	64108.9	5467.37	38532.3	45888.94	3835.51	3221.3	4933.6	211.89	1083.44	62
1924	223127.45	82783.1	7039.95	41156.88	69851.85	4793.42	5883.25	7164.0	153.9	4191.9	109.2

Рассматривая количественное выражение общей посевной площади губернии по отдельным годам и в сравнении с данными за 1916 года мы убеждаемся в факте из года в год повторяющегося сокращения этой площади до 1920 с.-х. года включительно. Как мы уже отмечали, 1920—21 с.-х. год являлся годом переломным, когда сокращение посевной площади не только приостановилось, но когда посевная площадь постепенно начала восстанавливаться. Процесс этого восстановления был нарушен стихийными бедствиями 1922—23 с.-х. года, которые понизили посевную площадь почти до уровня 1921 года. После же неблагоприятного для сельского хозяйства губернии 1922—23 с.-х. года посевная площадь быстро пошла на восстановление.

Вот такова общая картина сокращения и восстановления посевной площади губернии за время с 1916 до 1924—25 с.-х. года. Принимая же посевную площадь 1916 года за 100, процесс сокращения и восстановления посевной площади выразится следующими данными: в 1917 году посевная площадь сократилась на 2,5%, в 1920 году — на 34,1%, в 1921 г. на 33,8%, в 1922 г. — на 25,2%, в 1923 году на 32,7% и в 1924 г. — на 10,2%. По сравнению же с данными 1917 г. восстановление посевной площади 1924 года достигло до 92,2%.

Отсюда видно, что общая посевная площадь по губернии почти восстановлена.

Изменения же площадей посевов отдельных с.-х. культур за отдельные годы периода с 1916 по 1924 годы и по сравнению с данными за 1916 год представляются в следующем виде:

Площадь занимаемая культурой ржи, увеличившись в 1917 году на 4814,6 дес. или 4,9%, сократилась по губернии в 1920 г. на 29709,9 д. или 30,6%,

- в 1921 г. на 29487.05 дес. или 30.4%,
 в 1922 г. на 15230.9 дес. или 15.7%,
 в 1923 г. на 32972.0 дес. или 33.9% и
 в 1924 г. на 14297.8 дес. или 14.7%.

Таким образом, наибольшее сокращение площади посева ржи в губ. было в 1923 году, когда это сокращение выразилось в 33.9%, и наименьшее в 1924 году с уменьшением посевной площади на 14.7%. Устойчивость площади посева ржи отмечается в 1920 и 1921 годах, когда сокращение посевов ржи определялось 30.6—30.4%.

Процентные изменения в посевной площади пшеницы, ячменя, овса и гороха выражается следующими данными: посевная площадь сократилась (—) или увеличилась (+) в сравнении с данными 1916 года.

	Пшеница	Ячмень	Овес	Горох
	В процентах			
В 1917 г. на	— 21,4	— 5,7	+ 0,8	— 13,1
В 1920 г. на	— 53,0	— 32,4	— 19,9	— 64,7
В 1921 г. на	— 49,0	— 27,2	— 18,4	— 61,0
В 1922 г. на	— 72,8	+ 0,8	— 28,3	— 61,2
В 1923 г. на	— 12,1	— 12,0	— 35,4	— 22,0
В 1924 г. на	+ 13,3	— 6,1	— 1,7	— 2,7

Из приведенных данных можно усмотреть, во-первых, наибольшее сокращение посевной площади пшеницы на 72,8%, в 1922 г. и полное восстановление этой площади с расширением на 13,3% в 1924 году, во-вторых, наибольшее уменьшение посевов ячменя на 32,4% в 1920 г., полное восстановление в 1922 году, а затем вновь сокращение, выражающееся для 1923 года 12% и для 1924 г. 6,1%, в-третьих, наибольшее сокращение площади посевов овса в 1923 году на 35,4% и наименьшее в 1924 году на 1,7% и, в-четвертых, наибольшее сокращение посевов гороха в 1920, 1921 и 1922 годах, когда это сокращение выразилось от 61 до 64,7% и, в-пятых, процесс сокращения посевной площади отдельных культур в период с 1916 до 1924 года коснулся, главным образом, ценных культур, сначала пшеницы и гороха, далее ячменя и, наконец, овса.

Следовательно, более устойчивой площадью посевов являлись посевы пищевых и фуражных с.-хоз. растений, а именно: овса, ячменя и ржи.

Характерными являются и изменения посевной площади губернии, так называемых пропашных, маслянично-прядильных и кормовых растений, которые дают представление об интенсификации сельского хозяйства С.-Двинской губернии.

Общая картина этих изменений представляется в следующем виде

За какой год	Сокращение (—) или увеличение (+) посевной площади			
	Льна	Конопли	Картофеля	Трав
	На следующее количество процентов			
1917 г.	— 29,9	+ 70,4	— 49,4	+ 169,9
1920 г.	— 82,9	— 24,8	— 75,1	— 12,4
1921 г.	— 83,9	—	— 75,0	—
1922 г.	— 84,1	— 74,0	— 54,3	— 92,8
1923 г.	— 74,2	+ 57,0	— 39,2	+ 57,4
1924 г.	— 62,5	+ 14,1	+ 11,0	+ 363,8

Из анализа этой таблицы видно, что посевы льна в губернии, несмотря на восстановление этой культуры с 1923 года, значительно сократились. Наибольшее сокращение льна в посевах губернии отмечается в 1922 году, когда это сокращение произошло на 84,1%. С 1923 года сокращение посевов льна приостанавливается и далее идет сравнительно медленное восстановление этой культуры, которая в 1924 году занимает на крестьянских полях еще только 37,5% от аналогичной же площади посева в 1916 году.

Изменение в посевах конопли, как это видно из таблицы, несколько иного характера. Обнаруживая в этой культуре быстрое сокращение площади посева, в то же время мы должны констатировать быстрое восстановление и значительное расширение этой площади. Если в 1922 г. площадь посева конопли еще сокращалась на 74%, то в последующий 1923 год площадь этой культуры выражалась на 57% больше, чем в 1916 году.

Для нас кажется несколько странным процесс изменения посевной площади картофеля, который должен был играть видную роль в питании сельского населения в годы продовольственной разрухи. Прежде всего абсолютная площадь посева этой культуры крайне низка не только в период с 1917 по 1924 годы, но и для 1916 года. Как видно из таблицы, в 1916 году эта площадь не превышала 6000 дес. посева. Дальше отмечается значительное сокращение посевной площади, которое выражалось в 1920 и 1921 годах в размере 75% к посевной площади 1916 г. И только в 1924 году, когда отмечается быстрый подъем в восстановлении и развитии сельского хозяйства, а также заметные прогрессивные явления в земледелии, посевная площадь картофеля увеличилась на 11%, что в условиях С.-Двинской губ. является все же далеко недостаточным.

Крайне интересны изменения и в посевной площади однолетних и многолетних кормовых растений (трав). До 1917 года площадь кормовых растений неизменно увеличивалась и в 1917 году она доходила до 1859,7 дес., дав таким образом увеличение только за один год на 169,9%. После 1917 года посев трав стал заметно сокращаться. В 1922 г. это сокращение доходило до 92,8%. И только общий восстановительный процесс сельского хозяйства губернии привел к тому положению, что в 1923 году посевная площадь кормовых растений превысила таковую же 1916 года на 57,4%, а 1924 году — на 363,8%. Таким образом к началу 1924/25 с.-х. года по посевной площади трав С.-Двинская губерния

встала на путь рационализации и интенсификации, на который с каждым годом выступают все большие и большие массы крестьянского населения губернии.

Еще наиболее яркую и интересную картину изменений, как в общей посевной площади в сравнении с обеспеченностью 100 душ населения полевыми посевами, так равно и в соотношении посевных площадей в период 1916—24 годов, дают следующие данные состояния сельского хозяйства губернии.

Годы обследования	Средний состав семьи	Площадь полевого посева на 100 душ населения	Процент к общей площади полевого посева						
			Р ж и	Пшеницы	Ячменя	Овса	Картофеля	Льна	Трав
1916 год	5.11	45.71	39.1	2.6	17.64	28.59	2.13	7.7	0.3
1917 "	—	—	42.1	2.2	16.9	29.9	1.11	5.5	0.6
1920 "	5.57	26.03	41.75	1.76	17.99	34.64	0.76	2.0	0.3
1921 "	5.38	26.52	41.25	1.9	19.1	34.69	0.79	1.8	—
1922 "	4.82	25.67	41.02	2.16	19.23	33.49	0.79	1.6	0.03
1923 "	5.16	26.18	38.91	3.27	23.03	27.42	1.93	2.8	0.7
1924 "	5.11	34.17	37.02	3.26	17.07	32.09	2.6	3.2	1.9

Анализ приведенной таблицы убеждает нас в следующих явлениях или фактах: 1) после 1920 года отмечается уменьшение среднего состава крестьянской семьи, что мы склонны приписать исключительно тенденции населения к семейным разделам, дававшим несомненные и реальные выгоды при выполнении всякого рода натуральных и денежных повинностей и налогов; 2) обеспеченность населения посевами была крайне недостаточной в период 1917—1923 г.г., когда эта обеспеченность по отдельным годам в процентах и по сравнению с данными за 1916 год, принятой за 100, определялась: для 1920 г. 56.6, для 1921 г. 57.7, для 1922 г. 55.8, для 1923 г. 56.9 и для 1924 года 74.2; при нормальном стимулировании развития сельского хозяйства со стороны советской власти и при общем восстановлении земледельческого производства в губернии указанная обеспеченность посевами 100 душ населения достигает $\frac{3}{4}$ аналогичной площади 1916 года; 3) в периоды продовольственных затруднений и установления продразверстки и продналога, за время с 1917 до 1923 г.г. соотношение посевных культур изменилось в сторону преобладания в посевах ржи, овса и ячменя за счет посевов пшеницы, картофеля, льна и трав; 4) отмеченная ненормальность стала изживаться с 1923—1924 годов, когда в первые отмечается относительное сокращение посевов ржи и ячменя и на оборот—увеличение посевов пшеницы, овса, картофеля, льна и трав, т. е. тех с.-х. культур, которые характеризуют собою несомненную интенсификацию сельского хозяйства и подъем экономического благосостояния крестьянского хозяйства.

Наряду с сокращением общей посевной площади по губернии, выразившимся в 1920 году, по сравнению с данными за 1917 год, в размере 37.7 проц., отмечается не менее серьезное явление—понижение урожайности с.-х. растений, борьба с которым составляет весьма серьезную задачу рабоче-крестьянского правительства, эго агрономической организации и самодеятельности самого крестьянского населения губернии.

Понижение урожайности главнейших с.-х. растений характеризуется следующими статистическими данными Губстатбюро и Губфо:

За какой год или период	Урожай с одной десятины в пудах							
	Р ж и	Пшеница	Ячмень	О в с а	Гороха	Картофеля	Л ь н а	
							Семли	Волокна
1916 год.	50.2	34.5	48	43.7	33.9	505.3	8.6	9.6
1917 "	44.3	32.5	46.6	41.5	41.7	583.2	13.4	10.1
1920 "	42.8	35.1	37.3	38.1	31.0	355	13.6	—
1921 "	44.2	36.4	42.8	39.8	47.9	667	17.3	—
1922 "	35.3	41.8	51.7	52.2	42.4	387	18.3	9.21
1923 "	32.3	32.2	33.9	41.3	28.4	494	11.4	11.2
1924 "	42.3	35.6	41.1	40.1	43.3	383	15.5	17.0
Сведений за 1905-1914 гг.	43.2	43.9	46.5	45.7	44.2	387.3	13.2	15.3
" " 1917-1920 "	40.2	31.2	38.9	37.5	29.1	478.3	12.8	—
" " 1921-1924 "	38.5	36.5	42.4	43.5	40.5	483.0	15.6	12.47

Из приведенной таблицы урожайности с.-х. растений видно, что в период с 1917 до 1921 г.г. урожай отдельных с.-х. растений, сравнительно со средними данными за период 1905—1914 г.г., понизились: для ржи на 3 пуда или 6.9%, для пшеницы на 7.5 пуда или 17%, для ячменя на 4.1 пуда или 8.9%, для овса на 2.2 пуда или 4.8%, для гороха на 15.1 пуда или 34.2%, и для льна на 0.4 пуда или 3%, а для картофеля наоборот—увеличилась на 91 пуд. или 23.5%.

В период времени с 1921 до 1924 г.г. и сравнительно с первым отмеченным периодом наблюдается: а) повышение урожайности пшеницы на 17%, ячменя на 9%, овса на 16%, гороха на 39.8%, картофеля на 1% и льна на 21.9% и б) понижение урожаев ржи на 4.3%.

Если средние урожаи периода 1921—1924 годов сравнить с довоенным периодом, то получим, что урожаи будут составлять 89,1% для ржи, 83,2% для пшеницы, 91,2% для ячменя, 95,2% для овса, 91,6% для гороха, 12,5% для картофеля, 118,1% для льносемена и 81,6% для льноволокна.

Отсюда видно, что, несмотря на благоприятные условия восстановления и развития сельского хозяйства, средняя урожайность сел.-хоз. растений последних 4 лет достигла довоенного времени только в отношении картофеля и льносемена.

Где же основные причины двух отмеченных выше диаметрально противоположных явлений в урожайности сел.-хоз. растений? К основным причинам падения урожайности в период с 1917 до 1920 года и с 1921 до 1924 г. включительно мы относим прежде всего недостаток навозного удобрения и появление сел.-хоз. вредителей, потом ухудшившуюся обработку земли, посев и уход за растениями в поле, дальше неблагоприятное влияние на рост и развитие сел.-хоз. растений метеорологических элементов и, наконец, стимулирующее влияние на рационализацию и интенсификацию сельского хозяйства земельной и налоговой политики Советской власти.

Недостаток навозного удобрения был постоянным фактором, влияющим на урожайность сел.-хоз. растений, этот фактор в свою очередь

зависел от количественного состояния животноводства губернии, которые в различные годы рассматриваемых сел.-хоз. периодов определялись следующими данными в переводе на крупный рогатый скот:

в 1917 г.	357475	на	242051	дес. посева или на	1 дес. посева	1.47	головы
в 1920 г.	304942	на	163657	"	"	1.8	"
в 1922 г.	268213	на	185823	"	"	1.44	"
в 1923 г.	404811	на	167345	"	"	2.4	"
в 1924 г.	386982	на	223127	"	"	1.8	"

Анализ этих данных вполне объясняет, как увеличение урожайности в период с 1921 до 1924 г., так равно понижение урожайности в период с 1917 до 1921 г., в первом случае — фактом увеличения крупного рогатого скота на одну десятину пашни, а во втором — фактом его сокращения.

Влияние вредителей на урожайность сел.-хоз. растений в 1921/22 сел.-хоз. году, а в частности в 1917—1921 годах в период их размножения — общеизвестно, почему этот фактор на вред ли нуждается в какой-либо защите или подкреплении.

Отрицать азбучные агрономические истины о значении обработки почвы, посева и ухода за растениями вообще, а особенно в годы гражданской и империалистической войны, когда наиболее сильные и лучшие работники деревни покидали родные поля и оставляли их обработку своим женам, престарелым отцам или слабосильным братьям и сыновьям, не приходится.

Крайне неблагоприятные климатические условия для роста и развития сел.-хоз. растений были в 1920/21 и 1922/23 сел.-хоз. годах, когда засухе со значительным недородом хлебов подверглись два больших сел.-хоз. района — Вохомский и Югский.

Нельзя отрицать чрезвычайно огромного значения в деле общего восстановления и развития сельского хозяйства и законодательства об едином сел.-хоз. налоге, которое с момента своего применения положило твердую грань между периодом упадочного состояния сельского хозяйства губернии, с одной стороны, и между периодом быстрого восстановления и развития крестьянского хозяйства в нашей губернии, с другой.

И так, нами отмечены серьезные достижения в восстановлении, как общей посевной площади, так равно и в поднятии урожаев всех главных сел.-хоз. культур нашей губернии. Результаты этих достижений мы изобразили обильно приводимыми статистическими цифрами, которые в своей общей совокупности находят себе подтверждение в итогах сбора зерна сел.-хоз. растений по губернии.

К сожалению, мы не располагаем данными об этих итогах по губернии за довоенное время, и поэтому не можем провести их сравнений с революционными годами.

Но и того, чем мы располагаем и что приводим ниже, является достаточным для вполне убедительного подтверждения несомненного процесса восстановления посевной площади и урожаев в губернии.

За 1917, 1922/23 и 1923/24 сел.-хоз. годы, валовой сбор зерна с.-х. растений по губернии выражается следующими данными:

Название культур	1917 г.	1922— 23 с.-х. год	1923— 24 с.-х. год	Плюс или минус по сравнению					
				1917 и 1923 г.		1917 и 1924 г.		1924 и 23 г.	
				В пудах	в 0/00/0	В пудах	в 0/00/0	В пудах	в 0/00/0
Рожь . . .	4878362	2020069	3172371	-2858293	-58.5	- 1705991	-34.8	+1162302	+57.0
	пуд	пуд	пуд						
Пшеница . .	148293	160850	257280	+12557	+8.5	+108987	+72.9	+96430	+59.9
Ячмень . . .	1965104	1322804	2051235	-642300	-32.6	+86131	+4.4	+728431	+55.1
Овес	2988359	2051235	2876595	-937124	-31.3	-111764	-3.4	+824360	+45.6
Горох	154400	—	188658	—	—	+34258	+22.2	—	—
Лен-волокно	132473	66110	91182	-66363	-50.2	-41291	-31.0	+25072	+37.9
Картофель .	1443540	2285700	2048284	+842160	+58.3	+604744	+41.8	-237416	-10.14

Из обзора этой таблицы видно, во-первых, что в 1923 г. общий валовой сбор ржи не достиг 58,5% сбора 1917 года, ячменя 32,6%, овса 31,3 и льноволокна 50,2%, тогда как сбор пшеницы и картофеля увеличился в сравнении с продукцией 1917 года первой на 8,5%, а второй на 58,3%, во-вторых, что в сравнении с 1917 годом валовой сбор в 1924 году увеличился в отношении пшеницы на 72,9%, ячменя на 4,4%, гороха на 22,2% и картофеля на 41,8, а в отношении ржи, овса и льноволокна уменьшился для ржи на 34,8, для овса на 3,7% и для льноволокна на 31,0%.

Сравнивая же валовой сбор зерна 1923/24 года с таким же сбором за 1922/23 с.-х. год, нетрудно убедиться в общем увеличении зерновой продукции полеводства, а именно: ржи на 57 проц., пшеницы на 59,9 проц., ячменя на 55,1 проц., овса на 45,6 и льноволокна на 37,9 проц. Только продукция картофеля в 1924 году понизилась на 10,4 проц., что объясняется неблагоприятными климатическими условиями для роста и развития данной культуры.

Следующим основным элементом, который д. б. рассмотрен нами в настоящем обзоре, с точки зрения влияния на восстановление или развитие его общих хозяйственных, социальных и политических условий, является мертвый с.-х. инвентарь.

По данным с.-х. переписей, обеспеченность хозяйствующего населения губернии основным или необходимым с.-х. инвентарем по отдельным годам выражается следующими данными:

НАЗВАНИЕ ИНВЕНТАРЯ	1917 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Плугов однолемешных	44157	38780	35688	34606	57664	62103
Сох и косуль	—	37176	35693	—	44687	49979
Борон с деревян. зубьями	—	30358	—	—	40335	—
Борон с железн. зубьями и железных	—	53151	—	47692	64034	110829

Из анализа этой таблицы весьма нетрудно убедиться, что обеспеченность крестьянских хозяйств основными видами с. х. инвентаря неизменно уменьшалась вплоть до 1922 года, после которого наступил процесс быстрого восстановления с. х. инвентаря не только в количественном, но и в качественном отношении.

Если количество отдельных видов с.-х. орудий, имевшихся в 1920 г., примем за 100, то процесс сокращения или восстановления крестьянского инвентаря выразится:

	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Для плугов	91,6	88,7	147,8	159,0
„ сох и косуль	96,5	—	120,8	135,1
„ борон с железными зубьями и железных	—	90,0	120,8	—
„ борон деревянных	—	—	134,4	131,9

Данные за 1924 год убеждают нас в экономическом укреплении крестьянских хозяйств, позволяющем не только восстанавливать основные капиталы в сельском хозяйстве, но и расширять их до норм, при которых возможна рационализация и интенсификация земледелия.

Приведенные выше данные движения с.-х. инвентаря по отдельным годам еще не дают особенно ясной картины обеспечения крестьянского хозяйства инвентарем. Почему мы считаем не лишним привести данные, характеризующие обеспеченность плугами, сохами, косулями и боронами хозяйств и пашни губернии. Эти данные следующие:

НА ОДНО С.-Х. ОРУДИЕ ПРИХОДИТСЯ	Х о з я й с т в		Десятин пашни	
	в 1920 г.	в 1924 г.	в 1920 г.	в 1924 г.
На один плуг	2,96	1,9	6,33	6,01
На одну соху или косулю	3,11	2,4	6,64	7,5
„ борону с дерев. зубьями	3,78	1,06	8,08	3,4
„ борону с железн. зубьями и железную	2,17	—	4,64	—

Эти цифры свидетельствуют, что обеспеченность хозяйств губернии в 1924 году плугами, сохами и косулями вполне достаточна (на одно пахотное орудие приходится 1,15 хозяйства), тоже самое приходится сказать и в отношении борон (на одну борону приходится 10,6 хозяйства), которые работают с нагрузкой 3,4 дес. пашни на одну борону. Средняя же нагрузка на одно пахотное орудие, имеющееся в крестьянских хозяйствах губернии, определяется 3,61 десятины, в частности на плуг 6,01 десятины. При рациональном использовании имеющихся плугов вполне достаточно. Но принимая во внимание, что большинство сельских хозяев живут обособленными хозяйствами, имеющегося количества плугов, сох и косуль недостаточно. С целью полного удовлетворения плугами всех отдельных крестьянских хозяйств необходимо будет приобрести плугов почти столько же, сколько имеется этих плугов у населения в настоящее время.

Животноводство.

Естественно-исторические условия С.-Двинской губернии определяют развитие в ней животноводства как одной из основных и преобладающих отраслей местного с.-х. производства.

Для доказательства этого положения обратимся к краткому обзору естественно-исторических условий.

В губернии имеется огромная площадь сенокосных угодий в размере 332969 дес., которые составляют 3,55% ко всей площади угодий губ. Чтобы судить о значении этой площади сенокосных угодий, как об общем кормовом фонде губернии, достаточно привести след. данные о характере сенокосов и их урожайности.

Общая площадь сенокосных угодий состоит из сенокосов—заливных на площади 71666,17 дес., осочных 11855,44 дес., полевых 60083,16 д., лесных 33812,29 дес., болотных 22349,05 дес., суходольных 128069,52 д., овражных 1137,67 дес. и др. 3968,27 дес.

Урожайность указанных видов сенокосов губ. определяется: получено сена с одной десятины в пудах:

	Средний за 1905—14 г.	1916 г.	1917 г.	1922 г.
Для заливных	109,64	109,3	91,3	101,7
„ осочных	67,22	89,6	62,2	74,6
„ полевых	79,10	77,3	71,6	83,6
„ лесных	41,65	58,6	58,6	106,0
„ болотных	41,65	47,3	37,6	48,3
„ суходольных	43,10	—	—	72,3
„ овражных	—	—	—	52,0
„ пустошных	30,26	—	—	—

Нахождение заливных сенокосов в долинах пойм сравнительного большого количества рек и речек губ., при ежегодной затопляемости этих пойм во время весеннего половодья, которое оставляет на поверхности заливных сенокосов значительное количество плодородного ила, и умеренно-теплый климат с вполне достаточным количеством выпадающих атмосферных осадков во время роста и развития растений создают весьма благоприятные условия для роста лугового травянистого покрова, а, следовательно, для летнего содержания животных и для получения чрезвычайно большого количества кормов на период стойлового содержания скота.

С другой стороны, успешность земледелия целиком зависит от животноводства, так как дерново-подзолистые почвы губернии требуют значительного количества навозного удобрения. Отсюда д. б. понятно, что количество с.-х. животных, имеющихсся у земледельческого населения губернии, определяет собою не только тот или иной размер урожая с.-х. растений, но и его устойчивость.

Зная эту причинную зависимость урожая с.-х. растений от навозного удобрения, население губернии естественно всегда стремилось и стремится к развитию животноводства в количестве, обеспечивающем хозяйство навозным удобрением.

Это стремление населения к развитию животноводства в губернии определяется еще тем обстоятельством, что продукты животноводства в большинстве случаев являются единственными источниками белкового

и жирового питания самого земледельческого населения, что только шерсть, опоек и овчина спасают жителя Севера от холода и что только лошадь служит наиболее распространенным средством сообщения, транспортирования грузов по плохим дорогам губ. и, если не основным, то главным источником дополнительных заработков самого населения.

Если же к этому дополнить, что в С.-Двинской губернии имеется до 655111,1 дес. кустарника и выгона, вполне пригодных для летнего выпаса скота, то для нас станут вполне очевидными, как все значение животноводства в экономике нашей губернии, так и те перспективы, которые имеются в развитии животноводства в губернии.

Для развития животноводства в губернии имеется еще целый ряд условий, которые мы не должны забывать при постановке проблемы дальнейшего восстановления и развития нашего животноводства и при осуществлении мероприятий налоговой и экономической политики, которая вне всякого сомнения, влияет на качественное и количественное развитие местного животноводства.

Из этого ряда последних условий надо отметить, во-первых, характер почв визин или абсолютно-луговых земель, характеризующихся огромным запасом органического вещества—источника азота, столь необходимого для образования и развития стеблей и листьев травянистых (кормовых) растений, и, во-вторых, на благоприятную рыночную обстановку в недалеком будущем, когда сбыт продуктов животноводства будет обеспечен на заграничный рынок в несравненно большем масштабе, чем это было даже в довоенный период.

Наконец, развитию животноводства в губернии не мало способствует само Рабоче-Крестьянское правительство через стройную систему агрикультурных мероприятий, которые вызывают интенсификацию сельского хозяйства на основе животноводческо-зерновой и зерново-скотоводческой систем хозяйствования.

Будущее в развитии животноводства несомненно принадлежит крупному рогатому скоту и организации в связи с ним рационально поставленного молочного хозяйства. Наличие в губернии значительных площадей высокоурожайных сенокосных угодий, дающих весьма питательное сено, и огромные перспективы выгонов вполне определяют развитие в первую очередь крупного рогатого скота, местные породы коего таят в себе весьма полезные и ценные качества, как в смысле продуктивности, так в смысле приспособления к суровым климатическим условиям и к современным условиям кормления и содержания.

Количество крупного рогатого скота, находящегося в нашей губернии, разделение его по полу и по возрастным группам, а также изменения численности этих групп за целый ряд лет, представляются в следующей таблице:

ЗА КАКОЙ ГОД	Количество крупного рогатого скота							
	Волов и быков 3 л.	Быков старше 2 л.	Коров	Потелей старше 1 1/2 лет	Быков от 1 1/2 до 2 лет	Потел. и быков от 1 до 1 1/2 л.	Телят до года	Итого голов
1916	3530	3894	191040	8392	2296	21602	62821	293045
1917	200	2923	180482	11858	6596	29374	54038	285462
1920	3	1564	168413	9976	1495	8815	22034	212300
1922	—	587	137714	9386	1923	10283	17539	177482
1923	—	557	154320	8658	1621	17488	38516	221160
1924	—	2053	193113	15703	2642	28332	52927	293970

При сопоставлении численности отдельных групп крупного рогатого скота по годам легко обнаружить изменения, которые невольно обращают на себя внимание всякого сельского хозяина и сознательного гражданина и дают соответствующие выводы.

Так, сравнивая количество волов и быков старше 3 лет за целый ряд лет, по сравнению с 1916 годом, мы обнаруживаем, что группа волов сократилась в 1917 году на 3330 голов, или 93% и в 1920 году на 3517, или 99,9%.

Количество быков старше 2 лет сократилось по губернии в 1917 г. на 871 или 22,3%, в 1920 году на 2330 или 60%, в 1922 г. на 3307 или 83%, в 1923 г. на 337 или 84% и в 1924 г. на 1841 или 47,3%. Отсюда видно, что процесс сокращения быков старше 2 лет, наметившись в 1917 г., дошел до наивысшего и угрожающего развитию животноводства предела в 1923 году, когда сокращение этой группы крупного рогатого скота выражалось 84%. С 1924 года отмечается не только приостановка этого процесса сокращения, но и значительное возобновление прироста группы быков старше 2 лет. Только за один с.-х. год восстановительный процесс выразился 1496 головами или 38,4% к общему количеству быков, имевшихся в стаде 1916 года.

Группа быков от 1½ до 2 лет подверглась значительному сокращению с 1917 г., когда количество этих животных еще с огромной нагрузкой выполняло свои производственные функции. Изменения этой группы крупного рогатого скота характеризуются след. данными: по сравнению с 1917 годом количество быков в возрасте от 1½ до 2 лет сократилось в 1920 году на 5101 голову или 77,3%, в 1922 году на 4672 или 70,8%, в 1923 г. на 4975 или 75% и в 1924 г. на 3954 или 59,9%. По сравнению же численного состояния этой группы крупн. рогатого скота в 1924 году с данными за 1916 год мы должны констатировать увеличение этой группы на 346 голов или 10,7%.

Причинами сокращения столь важной возрастной и половой группы кр. рогатого скота являлись—хозяйственная разруха и продовольственные затруднения в прошлом, при которых трудовое крестьянство более безболезненно для самого хозяйства выполняло перед государством натуральные повинности. В результате такого отношения крестьянства к весьма ценной, с точки зрения воспроизводства стада крупного рогатого скота, группе животных, мы имели следующее погубернское *обеспечение коров и телок на одного быка* старше 1½ лет: в 1917 году 19 коров и телок, в 1920 г. 58, в 1922 г. 58, в 1923 г. в 1924 г. 45.

Если принять во внимание, что крестьянские быки в большинстве случаев истощены и что использование их в общем крестьянском стаде крайне не рационально, для нас будет вполне понятно, что при таких условиях крупный рогатый скот далеко не обеспечивается производителями и что качество и количество получаемого приплода оставляет желать много лучшего.

Обращаясь дальше к рассмотрению изменений в численности коров, по сравнению с данными за 1916 год, приходится установить сокращения этой группы кр. рогатого скота в 1917 г. на 10558 голов или 5,3%, в 1920 году на 22627 или 12%, в 1922 году на 53326 или 27,2%, и в 1923 году на 36720 или 19,4%.

Достигнув наибольшего сокращения численности коров в 1922 г., количество коров в 1924 году, по сравнению с данными за 1916 г. увеличилось на 2073 головы или 1,1%.

Группа нетелей старше 1½ лет, по сравнению с 1917 годом, сократилась в 1920 году на 22441 голову или 54,9%, в 1922 году на 21563 или 52,5%. в 1923 году на 11886 голов или 40%, а в 1924 году увеличилась на 3845 голов или 32,4%.

Группа телят в возрасте до года претерпела следующие изменения по сравнению с количеством этой группы за 1916 год, а именно: в 1917 г. эта группа сократилась на 8283 головы или 13%, в 1920 году—на 40287 голов или 65%, в 1922 году—на 44782 головы или 72,6%, в 1923 году на 23805 голов или 38,7% и в 1924 году на 9394 головы или 14,5%.

Из обзора численного изменения телят в стаде крупного рогатого скота видно, что период с 1920 года до 1923 года был крайне угрожающим в восстановлении стада и что только с 1923 года эта угроза начинает постепенно изживаться. Благоприятные же кормовые условия 1924/25 с.-х. года обеспечат не только полное восстановление этой группы скота до размеров 1916 года, но даже будут способствовать и дальнейшему росту.

Чтобы понять все значение отмеченного нами выше факта сокращения телят, не обеспечивающего нормальный ремонт дойных коров крестьянского стада, приведем след. статистические данные, характеризующие соотношение молодняка к дойным коровам, принятым за 100: в 1917 г. 36, в 1920 г. 18, в 1922 г. 17, в 1923 г. 34, и в 1924 г. 42,6.

Если нормальным соотношением молодняка к дойным коровам считать 25 : 100, то из приведенных выше данных видно, что в 1923 году количество молодняка превысило эту норму в 1,4 раза, а в 1924 г.—в 1,7 раза.

Изменения общего количества крупного рогатого скота выражаются в процентах, при условии принятия данных 1916 года за 100%: для 1917 года—97,3%, 1920 года—72,4%, 1922 года—60,5%, 1923 г.—75,5 и 1924 г. 100,32%.

Из анализа последних статистических данных видно, что серьезно угрожавший в свое время экономике губ. процесс сокращения стада крупного рогатого скота С.-Двинской губ. не только ликвидирован, но, как результат борьбы по восстановлению стада, мы имеем в 1924 году увеличение животных на 925 голов или на 0,32% к количеству всех возрастных групп крупного рогатого скота за 1916 год.

При чрезвычайном разнообразии кормовых условий в губернии вполне естественно, что в породистом отношении крупный рогатый скот в большей своей массе принадлежит к примитивному северному скоту, характеризующемуся малорослостью, грубым костяком, сравнительно толстой кожей, средним живым весом 17—18 пуд. (от 12 до 30 пудов) и средней молочной производительностью в 45 пудов (от 20 до 200 пудов).

По данным мясозаготовительной кампании за 1922/23 год, местный крупный рогатый скот в отношении выхода из него мяса, сала и сбоя м. быть охарактеризован следующими данными: 1) при среднем живом весе одной головы крупного рогатого скота в 17,18 пуда выход мяса определяется 5,85 пуда, а сала—0,24 пуда, 2) мяса 34,1, сала 1,4 и сбоя 8,1% к живому весу животного.

Но из пестрого разнообразия примитивного скота С.-Двинской г. необходимо выделить определенные с.-х. районы губернии, где скот имеет свои вполне устойчивые признаки и характеризуется повышенной продуктивностью.

Прежде всего сюда надо отнести Двинской скот, распространенный как по обоим берегам р. С.-Двины от границ Архангельской губернии до г. В.-Устюга, так и по берегам нижнего и среднего течения р. Вычегды до границ области КОМИ. Двинской скот имеет живой

вес 20—22 п. (при колебаниях от 14 до 25 пудов) и убойный вес от 6 пудов 34 ф. до 7 пудов 7 фунтов, при высоте в холке от 107 до 115 сантиметров, средний годовой удой от 98 до 111 пудов. По данным зоотехнических обследований за 1920—1922 годы, Двинской скот имеет след. масти: черную 29%, чернопеструю 19%, красную 21%, Краснопеструю 18%, белую 5% и разную 8%.

Дальше необходимо отметить скот В.-Устюгского-пригородного, Югско-Лузского, Сухонского, Клячменско-Югского, средне-Югского Опаринского и Никольского с.-х. районов.

В.-Устюгский скот по телосложению и продуктивности сходен с Двинским скотом, так как кормовые условия этого района почти одинаковы. Живой вес в среднем 18—18, 5 пуд.

Югско-Лузский скот, при живом весе в 14—16 пудов и при молочной производительности коровы в 30—40 вед. в год, отличается от Двинского и Устюгско-пригородного скота лишь меньшим ростом.

Сухонской скот живет в районе преобладания полевых и лесных сенокосов, почему он не достигает до развития Устюгского и Югско-Лузского скота. Этот скот имеет средний живой вес до 16 пудов и годовую молочную производительность не больше 40—50 пудов.

Так как Клячменско-Югский Средне-Югский с.-х. районы имеют значительное количество заливных сенокосов, вполне понятно, что скот этих районов, объединяемых в Городецко-Подосиновский район, значительно отличается от скота других районов губернии. Средний живой вес коров этого района достигает 17 пудов, а молочность коровы определяется в 78 пуд. в год.

Опаринский скот представляет из себя смесь пород западного края с местным скотом. Почему вполне понятно, что Опаринский скот от первых унаследовал молочную производительность и экстерьерные особенности, а от вторых — выносливость и приспособляемость к местным кормовым и климатическим условиям. Молочная производительность Опаринского скота от 40 и не редко до 120 пудов в год.

Никольский скот с преобладанием чернопестрых, краснопестрых и черных мастей имеет живой вес от 11 до 26 пудов, а молочную производительность в среднем 40—60 пудов в год при содержании в молоке от 3 до 7% жира.

Из краткого обзора отдельных групп местного скота в губернии видно, что наш крупный рогатый скот имеет в себе ряд ценных в животноводческом отношении признаков или особенностей, которые в целях улучшения крупного рогатого скота по так называемому методу „в себе“ будут в полной мере использованы, как самим населением, так и его агрономическими работниками.

Хотя значение лошади в крестьянском хозяйстве севера общеизвестно, но порою бывает весьма трудно определить ее удельный вес в экономике крестьянского хозяйства, т. к. нередко сельский хозяин предпочитает остаться без лошади, чем без коровы. Но все же надо признать, что крестьянин нашей губернии более озабочен поддерживать численность лошадей в размере, вполне обеспечивающем ему рабочую силу, столь необходимую в сельском хозяйстве и в лесных промыслах губернии. Что сельские хозяева губернии проявляют больше забот по отношению к поддержанию числа лошадей до уровня, вполне обеспечивающего их рабочей силой в сельском хозяйстве и в лесных промыслах, об этом свидетельствуют нижеприведенные изменения в количестве лошадей и в их возрастном составе за период времени с 1916 по 1924 г включительно.

ЗА КАКОЙ ГОД	Количество лошадей			
	Рабочих всех возра- стов	От года до рабоч го возраста	Жеребят до года	Всего голов
1916 г.	98 800	9.406	7.770	115.976
1917 г.	101.167	8.224	9 942	119.333
1920 г.	97 425	6.787	5 905	110.117
1922 г.	97 053	4 649	2.501	104.213
1923 г.	101.308	7.470	5.195	113.973
1924 г.	108.718	8.852	6.718	122.296

Из анализа приведенных статистических данных и из количественного сравнения отдельных групп лошадей за отдельные годы с данными 1917 года легко видеть, 1) группа взрослых лошадей по губернии в 1920 году уменьшилась на 3742 головы или 3,6%, в 1922 году уменьшилась на 4114 головы или 4,1%, а в 1923 году наоборот увеличилась на 141 голову или 1,2% и в 1924 году на 7551 голову или 7,5%;

2. Группа молодняка от года до рабочего возраста сократилась в 1920 году на 1437 голов или 17,4%, в 1922 году на 3575 голов или на 43 5% и в 1923 году на 754 головы или 9,1%, а в 1924 году, наоборот, эта группа возросла на 628 голов или на 7,6%;

3. Группа жеребят до года в 1920 году уменьшилась на 4037 голов или 40,6%, в 1922 году на 7441 голову или 74,8%, в 1923 году на 4747 голов или 47% и в 1924 году на 3224 головы или 32,4%.

4. Общее количество лошадей в 1920 году сократилось на 9216 голов или 7,6%, в 1922 году на 15,120 голов или 12,6% и в 1923 году на 5360 голов или 4,5%, а в 1924 году увеличилось на 2.963 или 2,5%.

Приведенные данные скрывают за собою ряд таких положений в развитии нашего коневодства в период 1917—1924 годов, которые в свое время обращали на себя внимание агрикультурных и экономических работников губ. Численное изменение группы лошадей всех возрастов, конечно, не могло не беспокоить и самого населения, так как эти изменения говорят далеко не о полном благополучии конского населения, которое обеспечивало бы сельское хозяйство и лесные промыслы губ. рабочей силой в полной мере. Особенно серьезное положение в деле поддержания конского населения хотя бы на одном и том же уровне в период с 1917 до настоящего времени было с двумя последними группами лошадей, которые служат материалом для ремонта взрослых рабочих лошадей.

Чтобы судить о серьезности изменений в последних двух группах лошадей, т. е. молодняка от года до рабочего возраста и жеребят до года, достаточно привести данные, характеризующие процентное соотношение молодняка ко всему количеству конского состава. Это соотношение следующее: в 1917 году было 15,1, в 1920 году—10,2 в 1922 году—6,8, в 1923 году—11,1 и в 1924 году—12,7. Для обеспечения же нормального ремонта лошадей молодняк всех возрастов должен составлять около 15% общего числа конского населения. Следовательно, только в 1917 году процент молодняка был вполне достаточный для того, чтобы поддержать число рабочих лошадей на определенном уровне и обеспечить вполне своевременный и достаточный ремонт их. В остальные же годы процент молодняка был крайне не достаточный.

В общем из анализа всех вышеприведенных данных в отношении конского населения губернии мы видим, что коневодство в губернии находится еще далеко не в таком хорошем положении, чтобы можно было быть спокойным за его благополучие в количественном, а тем более в качественном отношении.

Лошадь С.-Двинской губернии принадлежит к местному коренному отродью и характеризуется низким ростом (80% всех лошадей ниже 2 арш., 15%—2 аршина и 5% выше 2-х аршин), в преобладающем количестве рыжей вороной, и гнедой масти, сравнительно слабо развитой силой, неприхотливостью, но значительной выносливостью, каковое качество весьма ценно при лесных заготовках и при продолжительном передвижении по разрушенным дорогам губернии.

Наиболее интересными с.-х. районами в коневодческом отношении в губернии являются Кичменгско-Югский (б. волости Е. Бакшеевская, Езекиевская и Ш. Николаевская), Вохомский (б. Носковская волость) и Пинежский (Горковская, Выйско-Ильинская и Гавриловская волости). Лошади первого района отличаются крупным ростом и хорошим телосложением, с заметным прилитием крови „Вятки“. Такими же особенностями характеризуется лошадь Вохомского с.-х. района.

В Пинежском с.-х. районе лошади носят название „Вашских“ и отличаются резвостью и выносливостью. Масть этих лошадей темно-гнедая. Средний рост от одного аршина 15 вер. до 2 аршин.

Овцеводство губернии за период с 1916 г. до 1924 года включительно может быть охарактеризовано следующими данными:

ЗА КАКОЙ ГОД	Количество овец		
	Овец и баранов взрослых	Ягнят	Итого голов
1916 г.	117.853	86.797	204.650
1917 г.	138.038	81.250	219.288
1920 г.	102.334	29.362	131.696
1922 г.	92.185	29.934	122.179
1923 г.	116.003	93.105	209.138
1924 г.	171.805	131.605	303.407

Анализ этой таблицы показывает, что количество овец, по сравнению с данными за 1917 год, сократилось в 1920 году на 87.592 головы или на 40%, в 1922 году на 97.169 голов или 44%, в 1922 году на 10.150 голов или 4,5%, а в 1924 году наоборот увеличилось на 84.119 голов или 38,3%.

Следовательно, к началу 1924—25 с.-х. года овцеводство губернии вполне восстановилось и продолжает развиваться более быстрым темпом, чем процесс сокращения овец.

Такое быстрое восстановление овцеводства в губернии объясняется как наличием вполне благоприятных кормовых условий для овец, так равно все возрастающими потребностями самого населения в продуктах овцеводства.

В составе стада овец губернии наибольшим распространением пользуются северная короткохвостая серая овца, имеющая средний живой вес в возрасте 3—4 лет 1,7 пуд (от 1½ до 2½ пудов) и продуктивность—в виде шерсти от 2½ до 5 фунтов в год, мяса 0,64 пуда и

сала 0,4 пуда, что составляет мяса 36,2% и сала 2,4% к живому весу овцы среднего живого веса в 1,77 пуда.

Из других пород овец, распространенных только в некоторых районах губ., надо указать на Опаринскую овцу Переселенческого района и на помесь Романовской овцы с местной короткохвостой овцой Сольвычегодского Пригородного района.

Овца Опаринского Переселенческого района представляет смесь мериносов или английских мясных с местной серой, черной и белой короткохвостой овцой, от которой первые унаследовали приспособляемость к местным климатическим и кормовым условиям, и имеют на себе сравнительно тонкую шерсть с выходом от 5 до 10 ф. в год.

Помесь романовских овец с местной серой короткохвостой овцой сохранилась только вблизи г. Сольвычегодска. Ее появление и распространение объяснено б. Сольвычегодскому Земству, которое в период 1903—1907 года организовало раздачу населению нескольких гнезд чистокровных романовских овец.

Количество свиней в губернии с подразделением на возрастные группы, по данным Губстатбюро, характеризуется следующей таблицей.

ЗА КАКОЙ ГОД	КОЛИЧЕСТВО СВИНЕЙ			
	Свиней и боров старше года	Подсвинок от 4 мес. до года	Подовинок до 4-х месяцев	Итого голов
1916 г.	19,426	16,133	30,959	66,518
1917 "	24,379	15,378	43,968	83,725
1920 "	10,824	11,000	19,348	41,172
1922 "	4,282	5,034	53,947	63,263
1923 "	5,965	15,427	24,542	45,934
1924 "	14,093	25,012	32,031	71,136

Из этой таблицы можно усмотреть: 1) общее количество свиней, по сравнению с 1917 годом уменьшилось: в 1920 году на 42553 головы или 50%, в 1922 году на 20462 головы или 23%, в 1923 году на 37791 голову или на 45% и в 1924 году на 12589 голов или 15%. 2) свиноводство так значительно сократившееся в период 1917—1920 год начинает восстанавливаться сравнительно медленным темпом и 3) свиноводство вообще развито в губернии крайне слабо.

О последнем свидетельствуют показатели количества свиней в крестьянских хозяйствах губернии за целый ряд лет. Так приходилось свиней на одно хозяйство губернии: в 1917 г. 0,76 головы, в 1920 г. 0,34 головы, в 1922 г. 0,5 головы, в 1923 г. 0,36 головы и в 1924 году 0,6 головы.

К с.-х. районам с интенсивно развитым свиноводством необходимо отнести Опаринский, В.-Устюгский и Вохомский, где на каждые 100 коров крестьянского стада приходится от 78 до 84 свиней. Совершенно не развито свиноводство в Пинежском с.-х. районе.

В породистом отношении свинья нашей губернии оставляют желать много лучшего. Средний живой вес свињи в 6 мес. возрасте достигает не более 2 пудов, а в годовом возрасте доходит до 3½ пудов. Убойный вес свињи в возрасте 2 лет и в условиях среднего крестьянского кормления определяется от 4 до 5 пудов. Процентное отношение выхода к живому весу—для мяса 59,5, для сала 1,1 и для соя 6,2. С

одной свиньи в возрасте года получается до фунта сравнительно хорошей и крепкой щетины, которая находит себе неограниченный сбыт по высоким ценам на рынках губернии.

Козоводство имеет распространение только среди населения г.г. В.-Устюга, Никольска, Сольвычегодска и Котласа, но и здесь оно в количественном отношении развито чрезвычайно слабо, достигая в 1917 году до 366 коз, в 1920 году до 989, в 1923 г до 394 и в 1924 г до 514.

Из мелких отраслей животноводства в нашей губернии надо указать на куроводство, кролиководство и пчеловодство, количественное состояние коих характеризуется следующими данными:

З А К А К О Й Г О Д	К о л и ч е с т в о		
	К у р	Кроликов	П ч е л
1920	310578	1487	1649
1923	183770	Сведений	5000
1924	239374	нет	Св. нет

Куроводство имеет повсеместное распространение в губернии, выражается в размере 1,3 до 5,2 кур на одно крестьянское хозяйство и представлено выносливой и крайне нетребовательной местной породой, имеющей местное название „рябушки“.

Живой вес местных кур от 2,5 до 4 ф. Годовая яйценосность достигает 112 яиц.

Кролиководство не развито и носит любительский характер, ограничиваясь в своем распространении преимущественно в городах и изредка в сельских местностях.

Пчеловодство, не развитое в довоенное время, стало заметно развиваться с 1920 года, привлекая к себе внимание все большие и большие круги сельских хозяев. Наибольшее развитие пчеловодство имеет в южной и юго-западной части губернии—в Никольском и Вохомском районах, а равно в Котласском, Сольвычегодском, Черевковском и Сухонском районах, где, на ряду с любительскими пасаеками, встречаются и промысловые.

Средняя продуктивность одной семьи пчел 1½—2 пуда меда, наивысшая—до 5 пудов. При благоприятных климатических условиях и при обилии медоносных растений луговой и лесной флоры пчеловодство в губернии имеет для своего развития самые широкие перспективы.

Баланс сельского хозяйства.

Более разительное представление о восстановительном процессе земледелия и животноводства, подтверждающем большинство изложенных нами выше выводов или обобщений, может дать баланс сельского хозяйства по отдельным годам, начиная хотя бы с 1917 года. Но бедность материала по составлению этих балансов губ. за целый ряд лет и отсутствие сколько-нибудь объективных статистических данных затрудняют выполнение нашей очередной задачи—дать эти балансы на страницах данной печатной работы, произвести исследование этих балансов и сделать по ним те или иные выводы или обобщения.

Мы располагаем балансами сельского хозяйства нашей губернии только за 1923/24 и 1925 с.-х. годы. По всем отраслям сельского хозяйства в денежном выражении по довоенным ценам балансы за указанные два года выражаются в таких цифрах:

	1923—24 г. в тысячах руб.	1924—25 г. в тысячах руб.
П Р И Х О Д:		
Продукция	24986,2	29224,8
Ввоз зерна	2924,9	3501,3
Р А С Х О Д:		
Потребление	27105,2	30418,1
Вывоз	793,7	1252,4
Общий баланс	+12,2	+1055,6

Продукция составляется из следующих отраслей сельского хозяйства:

	1923—24 г. в тысячах руб.	1924—25 г. в тысячах руб.
I. Полеводство на общую сумму	11485,95	13557,74
в том числе:		
а) зерновая часть . . .	9041,3	10565,8
б) солома и волокно . .	2444,65	2991,92
II. Огородничество	370,1	444,46
III. Луговое хозяйство	7654,15	8628,81
IV. Скотоводство на сумму . . .	5343,86	6440,36
в том числе:		
а) мясо, шерсть, кожа и щетина	1967,08	2666,51
б) молочная часть . . .	3376,78	3773,85
V. Птицеводство на общую сумму	103,59	134,93
в том числе:		
1) мясная часть	10,6	13,81
2) яичная часть	92,99	121,12
VI. Пчеловодство	28,54	18,5

Из сравнения общей стоимости продукции за 1924/25 с.-х. г. с 1923/24 годом видно, что в 1924/25 с.-х. году общая продукция сельского хозяйства возросла на 4238,6 тыс. рублей или на 17%. Сравнение же продукции по отдельным отраслям сельского хозяйства приводит к выводу, что возрастание это выражается: для полеводства на 18%, огородничества на 20%, лугового хозяйства на 13%, скотоводства на 20,7% и птицеводства на 30%.

Увеличение стоимости общей продукции сельского хозяйства за 1924/25 год косвенно подтверждают и данные Губфо по исчислению чи-

стого валового дохода сельского хозяйства за 1922/23, 1923/24 и 1924/25 г.г. по методу, преподаванному Н. К. Ф.

Если из чистой валовой доходности сельского хозяйства за последние два года исключить чистый валовой доход от луговодства, продукция коего идет без остатка на корм животных и покрывается доходами от животноводства, то получим, что чистая валовая доходность сельского хозяйства определяется: для 1922/23 г. 15389829 р. 8 к., 1923/24 с.-х. годы 13242402 р. 50 к. и для 1924/25 с.-х. года 16009144 р. 47 к.

Следовательно, чистый валовой доход сельского хозяйства за 1924/25 с.-х. год выше дохода за 1922/23 с.-х. год на 619315 р. 39 коп. или на 3,9% и за 1923/24 с.-х. год на 2766741 р. 97 к. или на 16,1%. Отсюда видно, что 16,1%—показатель роста чистой валовой доходности, исчисленный Губфо для 1924/25 года весьма приближается к 17%—показателю возрастания стоимости всей продукции сельского хозяйства, установленному Губстатбюро для 1924/25 года.

Экономическая жизнь деревни.

В заключение своего обзора сельского хозяйства нашей губернии, по нашему мнению, будет не лишним привести хотя бы краткую характеристику экономической жизни деревни, которая отражает в себе все статистические и динамические процессы восстановления и развития сельского хозяйства губернии.

В экономической жизни деревни прежде всего необходимо отметить факт и значение перехода сельских хозяев губернии от трехпольного севооборота и от раззорительной мелкополосицы и многополосности к многопольным севооборотам с введением травосеяния и к уничтожению мелкополосицы и многополосности через широкополосицу. Этот процесс интенсивного освобождения от пут общины, в которой всякое земельное неустройство выгодно только крестьянину-булаку или более зажиточным группам населения деревни, начался с 1917 года и продолжает усиленно развиваться и до настоящего времени.

Общую картину землеустройства деревни и рационализации сельского хозяйства дают следующие статистические данные, которые не требуют каких либо пояснений:

	1908 г.	1913 г.	1917 г.	1923 г.	1924 г.
Перешло к широкополосице хозяйств	—	—	—	1538	2517
Перешло от трехполя к многополю селений	2	13	68	40	80

Следующим явлением в экономической жизни деревни надо считать увеличение числа крестьянских хозяйств и в связи с этим общее понижение размера землепользования на одно хозяйство. Указанное явление особенно отмечается до 1922 года, т. е. до момента введения законодательства об едином сел.-хоз. налоге, которое не стимулировало семейных разделов, столь выгодных для крестьянина в периоды подразверстки и отчуждения излишков в пользу государства.

Размер землепользования на одно хозяйство, состоящее в 1917 году из 5,7, в 1920 году из 5,2 и в 1922 году из 5,1 душ населения обоего пола, определяется следующими данными:

	Пашни дес.	Сенокосов дес.	Удобной дес.
В 1916 году	3.48	3.11	17.43
” 1917 ”	3.3	2.98	16.71
” 1920 ”	2.08	2.75	15.46
” 1922 ”	2.53	2.66	14.89

Как видно из таблицы, резкое изменение в размерах землепользования в сторону понижения произошло в 1920 году, после кампании уравнительного распределения пахотных и сенокосных земель в губернии. На изменение размеров землепользования на одно хозяйство не могла не отразиться и социальная нивелировка деревни, при которой получили пашню, сенокос и удобную землю те группы населения деревни, которые этих угодий до 1917 года почему-либо не имели.

Эта же таблица свидетельствует и об обратном экономическом явлении деревни, заключающемся в росте землепользования на одно хозяйство после 1921 года, особенно в 1922 году, когда налоговая политика советской власти широко стимулировала восстановление и укрепление сельского хозяйства.

В экономической жизни деревни после социальной нивелировки, начавшейся с 1917 года и продолжавшейся в условиях С.-Двинской губернии до 1922 года, т. е. до новой экономической политики, происходят процессы увеличения мощности отдельных групп хозяйств с одной стороны, и наростания все большего и большего количества упадочных хозяйств, с другой. Исторической датой начала развития последних двух процессов расслоения крестьянства надо считать 1922 год.

Процесс расслоения деревни, выразившийся в изменении численности упадочных хозяйств характеризуется следующими данными:

ГОДЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ	На 100 хозяйств приходится:			
	Без посева	Без всякого скота	Без рабочего скота	Без коров
1916 год	5.59	8.92	23.89	11.04
1920 ”	4.2	5.3	19.9	7.0
1922 ”	3.4	4.54	20.4	8.32
1923 ”	—	3.7	21.8	8.9
1924 ”	—	3.34	22.85	6.45

Из этой таблицы видно, что наибольшее количество упадочных хозяйств всех групп было до революции, во время империалистической войны и при крайне неблагоприятных земельных отношениях в деревне для бедняцких и пролетарских элементов деревни. Революция 1917 года разрушила все основы неблагоприятных земельных отношений в деревне, произвела социальную и до некоторой степени экономическую нивелировку, вследствие чего группы безземельных, полупролетарских и про-

летарских элементов деревни имели возможность получить земельные наделы, обзавестись живым инвентарем и произвести посевы.

В движении роста или развития упадочных хозяйств за период 1916--1924 годов характерно отметить, что группы хозяйств без посева и без всякого скота имеют тенденцию уменьшаться в своей численности и до настоящего времени. Совершенно обратное получается с группой хозяйств без рабочего скота. Эта группа, дав снижение в росте до 19,9% на 100 крестьянских хозяйств, продолжает с каждым годом увеличиваться. Объяснение этому явлению мы находим в экономических расчетах малопосевных групп крестьянского населения, для которых содержание рабочей лошади, при неразвитых пока что в губернии лесных промыслах и лесной промышленности, является крайне убыточным и не рациональным.

Несколько иную картину роста дают безкоровные хозяйства. Здесь процесс их развития может быть изображен следующей кривой: с 11,04% в 1916 году число упадочных хозяйств уменьшилось к 1920 году до 7, после же 1920 года мы отмечаем снова рост безкоровных хозяйств, которых было в 1922 году 8,32 и в 1923 году—8,9%. Нет никакого сомнения, что крайне неблагоприятные продовольственные условия 1921—1923 года повлияли на увеличение группы безкоровных. В настоящий же момент эта группа вновь окрепла и по данным 1924 года имеет только 6,45% упадочных безкоровных хозяйств.

Еще более ярко процесс расслоения деревни выражен в следующей характеристике мощности крестьянских дворов или хозяйств по количеству сел.-хоз. животных, имеющихся в хозяйствах:

ЗА КАКОЙ ГОД	На 100 крестьянских дворов приходится хозяйств							
	Без рабочего скота	С одной головами рабочей скота	С 2-мя и более головами раб. скота	Без коров	С 1-й коровой	С 2-мя коровами	С 3-мя коровами	С 4-мя и более
1916 год . . .	23.9	60.1	16.0	11.0	35.6	29.3	14.4	9.7
1920 " . . .	19.9	77.4	2.7	7.0	59.9	29.1	4.0	0.4
1922 " . . .	20.4	77.1	2.5	8.3	62.9	25.7	2.9	0.2
1923 " . . .	21.8	71.2	7.0	8.9	61.3	24.8	4.3	0.7
1924 " . . .	22.9	68.0	9.1	6.5	49.1	33.5	8.5	2.4

Анализ этой сводки дает весьма интересные познания деревни в процессе расслоения крестьянских хозяйств. Прежде всего анализ этой сводки убеждает нас, во-первых, в увеличении с 1917 года групп хозяйствующих дворов с одной рабочей лошадью и с одной коровой и, во-вторых, в уменьшении групп хозяйств с двумя и более рабочими лошадьми, безкоровных, с двумя, тремя, четырьмя и более коровами. Увеличение групп хозяйств с одной рабочей лошадью и с одной коровой идет до 1922 года, после которого наступает их изменение, что свидетельствует о начавшемся процессе упадка этих групп хозяйств.

Начавшееся с 1917 года уменьшение групп хозяйств с двумя и более рабочими лошадьми, с двумя, четырьмя и более коровами, продолжалось до 1922 года, после которого идет быстрый рост этих групп, продолжающийся и до настоящего времени. Особенно сильное хозяйственное укрепление отмечается в группах хозяйств с двумя рабочими лошадьми и с двумя коровами. Абсолютный рост групп хозяйств с

3,4 и более коровами также велик, и в этом случае он почти совпадает с аналогичным же ростом многопосевных групп.

Последнее можно подтвердить как характеристикой крестьянских хозяйств различных посевных групп в 1923 и 1924 году (по материалам Губстатбюро), так равно и статистическими данными по изменению численности крестьянских хозяйств с различной площадью посевов.

Упомянутые характеристику и статистические данные приводим в следующих двух таблицах:

На одно хозяйство приходится	Группы хозяйств с посевами					
	До 1 дес.	От 1,1 до 2 дес.	От 2,1 до 3 дес.	От 3,1 до 4 дес.	Свыше 4 дес.	
Коров	1923 г.	0.79	1.32	1.54	2.75	2.0
	1924 г.	1.04	1.52	1.96	2.33	2.95
Рабочих лошадей	1923 г.	0.21	1.01	1.12	1.69	1.33
	1924 г.	0.49	0.96	1.15	1.27	1.61

Годы переписи	На 100 крестьянских хозяйств приходится:					
	Без посева	До 1 дес.	До 2 дес.	До 3 дес.	До 4 дес.	Свыше 4 дес.
1916 г.	5.6	—	—	—	—	—
1920 г.	4.2	45.1	37.3	10.4	2.5	0.5
1922 г.	3.4	34.5	43.6	13.7	3.9	0.9
1924 г.	—	34.7	38.1	19.0	6.2	2.0

Приведенные две таблицы утверждают, что высшие посевные группы крестьянских хозяйств, в условиях новой экономической политики, с каждым годом материально крепнут и что развитие этих групп идет гораздо более быстрым темпом, чем развитие низших посевных групп, которые к тому же в значительной степени подвержены хозяйственной потере рабочего и пользовательного скота.

Социальная и экономическая характеристика крестьянских хозяйств различных посевных групп, в общих чертах дающих представление о природе отдельных групп крестьянских хозяйств вообще, а маломощных и хозяйственно-мощных групп в частности, по С.-Двинской губернии освещается исследованием крестьянских бюджетов в 1922—23 году и отчасти материалами весеннего опроса текущей сел.-хоз. статистики в 1924 году.

По материалам исследования крестьянских бюджетов в 1922—23 г. крестьянские хозяйства различных типов характеризуются следующими данными:

Группы хозяйств по посевной площади	Душ населения	Работников в %/о	Посева в десятинах	Сенокоса в десятинах	Рабочего скота	К о р о в	Доходность			На одно хозяйство			
							Валовая выручка	Всего расходов	Весь условно чист. доход	Налоги натуральные и денежные рубл.	Фонд употреблен. и сбережен.		
											Всего рублей	На 1 рабочую силу семьи	На 1 члена семьи
До 1 дес. . .	3.4	30.2	0.7	1.61	0.21	0.79	126.54	68.49	119.31	6.42	112.89	52.33	32.93
От 1.1 до 2.0 дес. . .	5.8	69.6	1.5	2.8	1.01	1.33	241.29	133.24	195.80	5% 14.80	181.0	54.61	31.41
От 2.1 до 3.0 дес. . .	5.9	88.0	2.42	4.59	1.12	1.54	276.74	134.36	194.56	7.6% 26.99	167.57	49.51	28.29
От 3.1 до 4.0 дес. . .	8.5	35.6	3.7	5.62	1.69	2.25	397.38	194.28	255.31	13.9% 40.31	215.0	48.31	25.30
От 4.1 до 5.0 дес. . .	8.5	26.4	4.58	7.92	1.33	2.0	355.90	178.26	235.99	15.8% 42.79	193.20	43.91	21.94
Среднее по губернии. . .	5.9	3.4	2.14	3.91	1.0	1.45	257.98	131.65	190.66	18.1% 22.43 11.8% 11.8% 11.8%	168.23	50.51	28.55

Из этой таблицы видно, что многопосевные группы крестьянских хозяйств, в сравнении с первыми тремя группами, имеют на одно хозяйство большую площадь сенокосов, большее количество рабочего скота и коров, больший валовой и условно чистый доход, а равно и больший общий фонд потребления и сбережения. Но если сравнить группы хозяйств по количеству лошадей и коров на 100 дес. посева, по условно чистому доходу и по фонду потребления и сбережения на одного едока, то получим обратное соотношение, которое говорит о большей обеспеченности отдельных членов крестьянской семьи в мало-посевных группах. Последнее явление, вне всякого сомнения, обязано благотворному регулированию налогового законодательства и налоговой политике Советской власти, которая в большей мере озабочена восстановлением и развитием маломощных, бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств. Отражение налоговой политики на построение фонда потребления и сбережения крестьянских хозяйств отдельных групп особенно доказательно в приводимых материалах по исследованию крестьянских бюджетов в 1922/23 году.

По этим материалам устанавливается, что все натуральные и денежные налоги в 1922/23 с.-х. году составляли: в группе хозяйств с посевом до 1 дес. 6 р. 42 коп. или 5 проц. от всего условно чистого дохода, в группе от 1,1 до 2 дес. 14 р. 80 к. или 7,6 проц. в группе от 2,1 до 3 дес. 13,9 проц. или 26 р. 99 к., в группе от 3,1 до 4 дес. 40 р. 31 к. или 15,8 проц. и в группе от 4,1 до 5 дес. 42 р. 79 коп. или 18,1 проц.

Вторым подтверждением некоторой части своих выводов о мощности крестьянских хозяйств мы находим и в материалах весеннего опроса текущей с.-х. статистики в 1924 году. Эти материалы устанавли-

дávají следующую характеристику крестьянских хозяйств различных посевных групп.

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВ ПО ПОСЕВНОЙ ПЛО- ЩАДИ.	Душ на- селения на одно хозяй- ство	Десятин посева на одну душу	Рабочего скота		К о р о в	
			На 1 хо- зяйство	На 100 дес. по- сева	На 1 хо- зяйство	На 100 душ на- селения
С посевом до од- ной десятины	3.5	0.20	0.49	67.92	1.04	29.49
С посевом от 1,1 до 2 дес.	5.3	0.31	0.96	60.61	1.52	28.88
С посевом от 2,1 до 3	6.4	0.40	1.15	45.15	1.96	30.64
С посевом от 3,1 до 4	7.7	0.46	1.27	35.71	2.33	30.07
С посевом от 4,1 до 8	9.1	0.53	1.61	33.13	2.95	32.43

Как и в первом случае, в 1923/24 году многопосевные группы характеризуются большим количеством посева и коров на одного едока и большей обеспеченностью на одно хозяйство рабочими лошадьми и коровами, но относительно меньшим количеством тех же лошадей и коров на 100 дес. посева.

Если со стороны организации крестьянского хозяйства в многопосевных группах наличие меньшего количества лошадей является вполне рациональным и экономически здоровым явлением, свидетельствующим об организационных преимуществах многопосевных групп хозяйств, то обеспеченность тех же групп сравнительно с малопосевными группами большим количеством коров мы находим все же далеко недостаточной для полного восстановления плодородия почвы. Вполне понятно, что недостаточно коров и в малопосевных группах.

Почему увеличение количества голов крупного рогатого скота, рационализация техники сельского хозяйства и восприятие населением более совершенных форм землепользования, с точки зрения защиты интересов грядущих поколений и укрепления народного хозяйства, должны составлять основные задачи рабоче-крестьянского правительства на территории нашей губернии.

В перспективе восстановления и развития экономической жизни деревни, мы видим хозяйственное укрепление деревни, которое ведет к большему количественному и качественному развитию середняцких хозяйств, к созданию на одном полюсе деревни пролетарских и полупролетарских хозяйств и, наконец, к на коплению из года в год все больших и больших возможностей для появления крестьян-хозяев скупацкой закваской, на другом. Но развитие последних ограничено земельным, налоговым и другим советским законодательством, почему в условиях нашей губернии процесс размножения кулацких хозяйств выразится в крайне малом размере, а число их, по сравнению с другими группами крестьянских хозяйств, будет ничтожно мало.

Агроном А. Н. Бачурихин.

К микологической флоре С.-Двинской губернии.

I.

Обзор болезней культурных растений за 1925 и 1926 года.

Настоящий обзор составлен на основании результатов обследований, произведенных мною в губернии летом 1925 и 1926 года, а также согласно сведений доставленных с мест, через посредство специально рассылаемых анкет.

1. Болезни хлебных злаков.

Самой распространенной болезнью, приносящей к тому же и наибольший экономический ущерб сельскому хозяйству губернии, является „головня“ яровых хлебов. Согласно анкетных данных, полученных от сельсоветов губернии, распространение „головни“ на полях представляется в следующем виде:

За 1925 год.

№№ по порядку	Наименование районов губернии	Всего занято под посевами в десятинах ¹⁾			Общая площадь заражения „Головней“ в десятинах			Средний % зараж. „Головней“ на десятинах пораженной площади		
		Овес	Ячмень	Пшеница	Овес	Ячмень	Пшеница	Овес	Ячмень	Пшеница
1	В.-Тосемский . . .	591	3158	—	—	400	—	—	6	—
2	Красноборский .	548	2632	21	—	408	—	—	1	—
3	Ленский	100	1510	—	—	162	—	—	1	—
4	Черевковский . .	2272	2484	36	47	320	—	10	2	—
5	Вилегодский . . .	698	1709	215	60	657	23	1/2	2	1
6	Сольвычегодский .	143	2091	—	35	686	—	1	5	—
7	В.-Устюжский. . .	6251	6857	979	90	340	42	15	16	29
8	Котласский . . . }	С в е д е н и я н е и л о у ч е н ы								
9	Лальский . . . }									
10	Устьалексеевский.	5172	1687	296	154	763	154	1	3	2
11	Нюксенский . . .	3674	2120	1722	237	287	524	5	19	27
12	К.-Городецкий . .	5990	2723	1150	662	527	225	5	5	6
13	Енангский	3437	950	637	—	61	127	—	5	19
14	Рослятинский . .	2625	468	577	1563	468	577	2	5	30
15	Никольский . . .	11718	520	448	253	162	134	9	19	24
16	Подосиновский .	8763	1871	859	479	167	86	17	16	12
17	Опаринский . . .	4001	532	509	183	184	130	18	16	22
18	Вохомский	15731	4853	1767	684	107	50	2	8	8
Итого		71714	36165	9216	4447	5699	2072	5	6	21

¹⁾ Сведения по данным Губстатбюро.

За 1927 год.

№ по порядку	Наименование районов губернии	Всего занято под посевами в десятинах			Общая площадь заражения „головней“ в десятинах			Средний % зараж. „головней“ на дес. пораженной площади		
		Овес	Ячмень	Пшеница	Овес	Ячмень	Пшеница	Овес	Ячмень	Пшеница
1	В. Тоемский . . .	324	3555	1	—	711	—	—	1	—
2	Красноборский . .	1139	2194	16	181	702	—	2	7	—
3	Ленский	100	1577	17	—	54	—	—	5	—
4	Черевковский . . .	1746	2593	35	—	1080	20	—	7	3
5	Вилегодский . . .	707	1771	393	—	859	143	—	3	7
6	Сольвычегодский .	71	1945	1	71	1605	1	5	7	2
7	В. Устюжский . . .	5513	7958	235	363	882	235	3	3	3
3	Котласский	984	4406	4	223	1297	—	1	2	—
9	Лальский	1032	4181	118	114	805	31	5	5	7
10	Устьалексеевский .	4557	2090	309	1413	1096	107	1	2	4
11	Нюксенский	4001	2943	2639	99	599	650	15	7	14
12	К. Городецкий . . .	5451	2536	962	1956	1562	708	3	8	6
13	Енангский	4173	1011	715	398	278	206	6	6	5
14	Рослятинский . . .	С в о д е н н ы й н е п о л у ч е н о .								
15	Никольский	12009	468	243	123	2	2	3	2	2
16	Подосиновский . . .	8603	2003	685	59	506	121	14	2	5
17	Озарицкий	4830	626	418	79	350	231	26	15	15
18	Вохомский	19557	3792	1328	12688	633	358	7	12	12
	Итого	74797	45649	8119	17767	13021	2813	6	6	9

Из приведенных таблиц видно, что на первом месте следует поставить „Мокрую головню“ (*Tilletia tritici* Wint) на пшенице, которая в 1925 году наблюдалась на $\frac{1}{4}$, а в 1926 году $\frac{1}{3}$ всей площади, занимаемой под культуру яровой пшеницы в губернии.

На следующем месте стоит „Твердая головня“ (*Ustilago Jensenii* Bref) на ячмене, которая в 1925 году наблюдалась на $\frac{1}{6}$ (приблизительно), а в 1926 году на $\frac{1}{4}$ всей площади, занятой под культуру ячменя в губернии.

На пшенице и ячмене, кроме того встречается и „Пыльная головня“—*Ustilago tritici* Jens (на пшенице) и *Ustilago hordei* Bref (на ячмене), имеющие значительно меньшее распространение, но, тем не менее, представляющие серьезную угрозу в будущем, так как борьба с ними значительно труднее и особенно потому, что они обычно встречаются совместно с выше указанными видами „головни“.

На овсе встречаются два вида „головни“—*Ustilago avenae* Jens и *Ustilago laewis* Magn приблизительно в одинаковых размерах.

Считаю необходимым сделать оговорку, что приведенный средний % заражения „головней“, дает лишь приблизительную картину, причиняемого ею ущерба. Вообще же говоря, распределение головни является далеко не равномерным даже по сельсоветам одного и того же района; поэтому при проведении мероприятий по борьбе с головней приходится пользоваться не средними выводами, а действительными величинами, полученными при подсчетах по более мелким единицам площадей. Это последнее, более или менее, и достигается при помощи ежегодно рассылаемых соответствующих анкет по сельсоветам районов губернии. Возвращаемые по заполнении сельсоветами, анкеты дают возможность иметь представление о том, в какой именно, степени страдают от „головни“ не только сельсовет, являющийся уже сам по

себе довольно мелкой единицей, но и каждая данная деревня послед- него.

Что же касается до самостоятельности населения в деле применения формалина против головни, то она представляется в таком виде: до 1923 года населению совершенно было незнакомо применение формалина против головни и оно боролось с головней своими домашними способами: перетирая зерно с золой, промывая водой или, наконец, применяя овинную сушку осиновыми дровами; в 1923—24 году, благодаря проведенной пропаганде Станцией защиты растений и агроперсо- налом на местах, некоторые из крестьян протравили небольшие коли- чества семян формалином; получившиеся положительные результаты и дальнейшее углубление работы по пропаганде, сдвинули это дело с мертвой точки и дали такие результаты: протравлено формалином:

В 1924 году	100 пуд.
» 1925 »	13148 »
» 1926 »	33633 »

На первом месте по количеству протравливаемого зерна идет пше- ница, затем ячмень и последним овес. О том, как проявлялась эта само- деятельность населения по районам губернии, видно из следующей сводной таблицы:

№ по по- рядку	НА ИМЕНОВАНИЕ РАЙОНА	Было протравлено фор- малином	
		в 1925 году пуд.	в 1926 году пуд.
1	В.-Тоемский	1100*	136
2	Красноборский	1100	1050
3	Ленский	1042*	800
4	Черевковский	640	1400
5	Вилегодский	1277	3500
6	Сольвычегодский	—	700
7	В.-Устюжский	—	2350*
8	Котласский	—	1354*
9	Лальский	72	190
10	Усть-Алексеевский	60	500
11	Нюксенский	5500*	6820
12	К.-Городецкий	500	1100
13	Енангский	—	4470
14	Рослятинский	250	2700*
15	Никольский	9	2050*
16	Подосиновский	50	900
17	Опаринский	48	1500*
18	Вохомский	1500	2183
Итого		13148	33633

Примечание: Отмечено знаком*) показывает, что в означенном районе в указанном году, помимо агроперсонала района, проведена была еще предпосевная кампания и сотрудниками Станции Защиты Растений.

Переходя теперь к головне на озимых хлебах, каковым в нашей губернии является пока одна рожь (озимая пшеница лишь в стадии

опытных посевов), то здесь наблюдается одна только—„стеблевая головня“ (*Urocystis occulta* Rabh), распределенная очень неравномерно и притом в размерах, значительно уступающих вышеуказанным видам головни на яровых хлебах. Зато гораздо чаще на ржи встречается—спорынья (*Claviceps purpurea* Tul); на ячмене же и пшенице спорынья наблюдалась лишь на единичных экземплярах, как редкость, за исключением разве Ленского района, где согласно анкетных данных за 1926 год, отмечена спорынья на ячмене в Суходольском сельсовете на площади 1,25 дес. в размере 4%. Распространение спорыньи на ржи за отчетные два года стояло в тесной зависимости от метеорологических условий лета; действительно, сухая, ясная погода, стоявшая в течении июля и первой половины августа в 1925 году, обусловившая быстрое и дружное цветение ржи и налив зерна, явилась причиной слабого развития спорыньи, для которой средний % поражения по всей площади составил для губернии не более 1%. В 1926 году наблюдалась совершенно обратная картина; стоявшая в июле холодная, дождливая погода обусловила продолжительное цветение ржи, отсюда средний % заражения спорыньей на десятину пораженной площади оказался для губернии в 4%, притом и развитие спорыньи оказалось очень неравномерным, так, средний % по районам, колебался от 1% до 14% на десятину пораженной площади, а по отдельным сельсоветам был еще выше, напр. в Беляевском сельсов., Сольвычегодского района он был равен 20—.

Те же неблагоприятные метеорологические условия 1926 г. вызвали явление „пьяного хлеба“, вследствие развития на ржи — фузариума (*Fusarium roseum* Link), появление коего в губернии всегда совпадает с дождливой, затяжной погодой, препятствующей уборке, благодаря чему уже совершенно спелая рожь остается в поле или на корню, или в суслонах, более или менее, продолжительный срок. В 1926 г.—фузариум имел место в Вилегодском и, соседнем с ним, Сольвычегодском районах; по данным обследования оказалось, что в Вилегодском районе им была захвачена площадь в 800 десятин, из 2960 дес. занятых под рожью и наблюдался он в 45-ти деревнях в 5-ти (из 9-ти) сельсоветах, при среднем % поражения—51, а для отдельных селений при 25%—75%; в Сольвычегодском районе на площади—636 десятин, в селениях 3-х (из 14-ти) сельсоветов, причем % поражения при проверке проб зерна оказался равным 20%. Таковая же проверка проб зерна от Вилегодского района дала по трем пробам % поражения в 79,81 и 83%, это повышение против данных обследования, обусловлено тем, что—фузариум продолжал свое развитие и на ржи, сложенной в скирды. Необходимо отметить тот факт, что—фузариум наблюдался в обоих районах исключительно на полях, расположенных на возвышенных местах, но отнюдь не на полях—в низменных местах.

Подобного же рода явление сказалось в 1924 году в Подосиновском районе, где получил сильное развитие на ржи грибок—*Colletotrichum cereale* Manns, отмеченный впервые не только в губернии, но и на территории Союза; последнее еще лишний раз подтверждает важность ежегодных фитопаталогических обследований, потому что предусмотреть раз навсегда все вредные грибки для культурных растений губернии довольно трудно и они могут проявиться на них, или будучи занесенными извне, или не будучи своевременно отмеченными в своем слабом развитии, проявиться на следующий год с неожиданной силой, или наконец перейти с дикорастущих растений, на которых их первоначальное развитие не было во время зарегистрировано. Согласно извещения районного агронома—*Colletotrichum cereale* в Подосиновском районе, как я уже отметил, развился на полях селений, расположенных на местах возвышенных, а не низменных; причиненный им ущерб был настолько

значителен, что в некоторых деревнях урожай с десятины достигал лишь 16—17 пудов. Проверка всхожести семян дала 16—20 проц. В 1925 и 1926 годах развитие *Colletotrichum*-а на полях не было отмечено в донесениях с мест, но тем не менее надо полагать, что он имел место но в слабой степени, так как метеорологические условия обоих годов в период вегетации растений не были благоприятны. Доказательством высказанного предположения служит то, что споры (семена) этого грибка были мною обнаружены при проверке проб семян семсуды, присылаемых ежегодно с ссыпунктов губернии на предмет определения засоренности зерна годовней. Эта проверка показала, что *Colletotrichum* вполне акклиматизировался в нашей губернии, так как он был обнаружен в пробах большинства районов.

Из других паразитных грибков, встречающихся на злаках, необходимо отметить—„ржавчинные“ и прежде всего—линейную ржавчину (*Puccinia graminis* Pers), как зарегистрированную на всех хлебных злаках губернии, которые, по степени поражения их этим грибком, можно расположить в таком нисходящем порядке: овес, пшеница, ячмень и рожь. Затем на ржи часто встречалась „бурая ржавчина“ (*Puccinia dispersa* Eriks. et Henn) и несколько реже „корончатая ржавчина“ (*Puccinia boronifera* Kieb)—на овсе. Что касается других ржавчинных грибков, то имели место в небольших размерах: *Puccinia simplex* Eriks et Henn—на ячмене и *Puccinia triticina* Eriks—на пшенице. Все означенные ржавчинные грибки наблюдались исключительно в летней стадии—уредоспор, обходясь совершенно без зимнего плодоношения (теплетоспор)

На колосьях ржи наблюдалось сильное развитие „черной плесени“ (*Cladosporium herbarum* Link), при чем, среди пораженных колосьев, нередко встечались колосья или бесплодные, или со щуплым зерном.

На листьях ячменя значительно была развита „полосатость“ (*Helminthosporium gramineum* Rabh).

2, Болезни огородных растений,

Говоря о болезнях огородных растений, следует отметить, что огородничество сравнительно мало развито в губернии, и за исключением картофеля, посевы других огородных культур носят скорее характер случайный и в огромном большинстве случаев производятся на очень небольших участках земли и для личных потребностей. Обычной болезнью картофеля будет „картофельная болезнь“ (*Phytophthora infestans* DB) развитие которой на ботве картофеля за отчетные два года, поскольку метеорологические условия не были благоприятны для жизнедеятельности грибка, наблюдалось незначительно и если были места, где болезнь появлялась довольно сильно, то появление ее было настолько поздно, что она не могла оказать какого-либо значения на урожай клубней в количественном отношении. Зато пагубная деятельность грибка в картофелехранилищах сказалась, более или менее, в значительных размерах, причиной чему, конечно, явились условия хранения клубней. Обычно крестьянин, отделив часть картофеля для своих потребностей, излишек его ссыпает в ямы, вырытые для этой цели в земле и, завалив картофель сверху землей, даже нередко без предварительной настилки из соломы, оставляет его так на всю зиму. Нужно ли говорить, что такие хранилища, лишённые всякого доступа извне и подчас пропускающие воду, являются мало пригодными для этой цели и потому нет ничего удивительного в том, что весной, при открытии такого хранилища, весь картофель в нем оказывался сгнившим.

Вторым огородным растением после картофеля, как наиболее чаще культивируемым, будет капуста, на корнях которой имели место—„Кила“ (*Plasmodiopora brassicac* Wor), наблюдавшаяся в небольших размерах.

Из других болезней огородных растений можно отметить: „Антракноз“ (*Ascochyta pisi* Lib)—гороха; „ложную мучнистую росу“ (*Peronospora parasitica* Tul)—брюквы; болезнь того же названия (*Peronospora arborescens* DB)—мака и пятнистость“ (*Ramularia Tulasnei* Sacc)—листьев клубники.

3. Болезни технических и садовых растений.

Из разводимых технических растений первое место принадлежит льну, играющему значительную роль в экономике не только крестьянского хозяйства, но и губернии. За отчетные два года специального обследования льняных посевов произведено не было, тем не менее наличие паразитных грибов на нем с уверенностью можно предположить, но по видимому степень развития таковых настолько незначительна, что населением оставляется без внимания и жалоб с мест, за исключением Рослятинского района, не поступало. На образцах большого льна, полученного в 1926 г. из Рослятинского района обнаружены: *Colletotrichum lini* (West) Toch и *Ascochyta linicola* Naumov et Wass; кроме того, найдены новые и описанные мною: *Ascochyta usitatissima* Rothers sp n. и *Mycosphaerella linicola* Naumov var. *latispora* Rothers,

На посевах конопли встречался изредка—*Phyllosticta cannabis* Speg, вызывавший „пятнистость“ листьев этого растения.

Хмельники сильно повреждались „мучнистой росой“ (*Sphaerotheca humuli* Burg), от которой в 1925 году погибла большая часть урожая. Необходимо указать, что разведение хмеля часто встречается у сельского населения, но занимаемая площадь в каждом отдельном хозяйстве очень незначительна и выражается обычно в несколько квадратных сажен, отведенных на усадебном участке.

Переходя теперь к болезням садовых растений, необходимо отметить, что действительных садов, занимающих более или менее значительную площадь и дающих хозяину значительный доход, играющий доминирующую роль в его хозяйстве, в нашей губернии, можно сказать, пока нет. Имеются лишь небольшие участки земли, занятые под культуру яблонь, главным образом, в крестьянских хозяйствах Вохомского и Никольского районов; в таких хозяйствах можно встретить яблони в количествах—от нескольких штук, до нескольких десятков, разводимых как для собственного употребления урожая, так и для продажи последнего на местных рынках и дающих в среднем, доход от 20 до 70 руб. в год на хозяйство. По данным обследования, произведенного сотрудником Тимирязевской с.-х. академи тов. Поповым А. С., таких садов в Вохомском районе, где им было осмотрено до 400 хозяйств, мы имеем следующую картину:

Деревьев старше 30 лет	74 шт.
„ от 16—30 „	969 „
„ „ 11—15 „	216 „
„ „ 6—10 „	285 „
„ „ 4—5 „	1500 „
„ до 3 лет	1500 „

Иными словами, видно, что интерес к насаждению яблони, сильно понизившийся за время мировой и гражданской войн, вновь получил резкое повышение с наступлением мирной обстановки.

Конечно, нет никаких особых оснований сомневаться в возможности плодводства в нашей губернии, не только в означенных двух южных районах, но и в расположенных к северу от них, до В.-Устюгского района включительно. И потому, чем скорее будут выведены сорта, устойчивые в наших климатических условиях, тем быстрее пойдет и развитие плодводства.

Уже и сейчас имеются определенные достижения в смысле выведения устойчивых сортов; тов. Поповым А. С., при его докладе в Губзу, представлено семь сортов яблок, отличающиеся своей устойчивостью и хорошими вкусовыми качествами; из них два сорта выведены в Никольском районе и пять сортов—в Вохомском районе. Коллекции этих сортов находятся в музее „Дома Крестьянина“ в Устюге.

Из ягодных кустарников, разводимых преимущественно городскими любителями садоводства, имеются смородина, малина и крыжовник, из коих первые два встречаются также и в дикорастущем состоянии.

Самой распространенной болезнью яблони является „Парша“ (*Fusicladium dendriticum* Fuck); значительно реже встречалась „пятнистость“ листьев (*Phyllosticta mali* Prill.Del) и редко „ржавчина“ листьев (*Gymnosporangium tremeloides* R.Hart).

Культуре крыжовника сильно вредит „американская мучнистая роса“ (*Sphaerotheca mors uvae* Berk.et Curt), явившаяся главной причиной падения этой культуры в губернии, по сравнению с предшествовавшими годами. Далее отмечу—„ржавчину“ (*Puccinia Pringsheimiana* Kleb), встречающуюся как на листьях, так и на молодых плодах.

На листьях черной смородины сильно развита „пятнистость“ (*Septoria ribis* Desm), в незначительном количестве встречалась „ржавчина“ (*Puccinia ribesii caricis* Kleb).

Повсеместно на малине за отчетные два года встречалась „ржавчина“ (*Phragmidium rubi idaei* Karst).

В саду Спирина (гор. Никольск) на плодах боярышника отмечен мною в 1925 году ржавинный грибок—*Gymnosporangium clavariaeforme* Wint.

На листьях сирени в небольших размерах наблюдалась „пятнистость“ (*Phyllosticta syringae* Westf).

Листья касатика (*Iris germanica*) сильно повреждались грибом—*Heterosporium gracile* Sacc.

На тополе (*Populus suaveolens*) сильно была развита „пятнистость“ листьев (*Septoria populi* Desm), несколько реже встречался—*Marsonia Castagnei* Sacc преимущественно на околоплодниках и плодоножках.

Листья кизильника (*Cotoneaster nigra*) были сплошь покрыты плодотворениями грибка—*Entomosporium mespili* Sacc.

Из болезней черемухи, прежде всего, следует отметить „пятнистость“ листьев (*Cylindrosporium padi* Karst), распространенную повсеместно.

Несколько реже встречались: „дуптые плоды“ (*Echioascus pruni* Fuck) и „ожог“ листьев (*Polystigma ochraceum* Sacc). „Мучнистая роса“ (*Podosphaera tridactyla* DB) встречалась редко.

Наконец, рябина повсеместно была поражена эцидиальной стадией ржавчинного грибка—(*Gymnosporangium juniperinum* Wint).

4. Болезни луговых трав.

На естественных лугах, где встречается громадное разнообразие растений—хозяев и соответственно паразитирующих на них грибков, не представляется никакой возможности принять какие-либо меры борьбы с этими паразитами, а потому и перечисление найденных грибков—паразитов не представляет особого интереса. Здесь приходится лишь констатировать тот факт, что развитие какого-либо вредителя отражается, прежде всего, на качестве получаемого сена, а затем, такой вредитель, обусловив гибель цветов и плодов у пораженных им растений, влияет тем самым и на изменение растительного состава луга.

Совершенно иначе обстоит дело при искусственных посевах кормовых трав и, именно в том смысле, что приходится иметь дело с небольшим количеством видов высеваемых растений, а потому вполне

является возможным принять те или иные меры борьбы, или соответствующим способом обеззаразить посевной материал.

Так как из кормовых трав у нас высевается преимущественно клевер и при том в размерах, увеличивающихся с каждым годом, то мною и было обращено внимание при фитопатологических обследованиях на это растение.

Из болезней клевера (*Trifolium pratense*) наиболее распространенной является—„ржавчина“ (*Uromyces trifolii* Lév); затем идут: „черная пятнистость“ (*Phyllachora trifolii* Fuck); „мучнистая роса“ (*Erysiphe pisi* DC) и очень редко встречается грибок—*Phyllosticta trifoliorum* Barbarine.

На тимофеевке за отчетные два года грибных вредителей мною не встречено.

Пырей (*Triticum repens*) сильно повреждается грибом—*Phyllachora graminis* Fuck, вызывавшим „черную пятнистость“ листьев.

В настоящем обзоре мною совершенно не затронуты болезни леса и не затронуты потому, что для получения, более или менее, исчерпывающего материала по болезням леса, имеющего такое огромное значение в экономике нашей губернии, требуется более продолжительное обследование. В помещаемом ниже списке имеются и паразиты леса, какие мне удалось собрать (попутно).

II

Систематический список грибов, найденных в Северо-Двинской губернии в 1925 и 1926 годах.

Означенный список представляет обследование Северо-Двинской губернии в микологическом отношении; оно произведено впервые не только за время существования Северо-Двинской губернии, но и за время, когда ее территория входила в состав Вологодской губернии.

В этом списке, сначала приводится латинское название грибка, затем под ним латинское название растения—хозяина, на котором был найден грибок и в той же строке—название района: где произведен сбор и время этого сбора. Для краткости районы отмечены начальными буквами, так обр. мы имеем:

1) В.-Устюгский район В.-У.; 2) Кичменгско-Городецкий К.-Г.; 3) Лальский Лал.; 4) Никольский Н.; 5) Вохомский В.-В.; 6) Рослятинский Р.

В остальных 12-ти районах микологических сборов еще не производилось.

Мухомyceteae.

1. *Lycogala epidendrum* Fries.
на торце старых сосновых пней.
В.-У. 25/VI—25 г.
2. *Reticularia lycoperdon* Bull.
на пне сосны. К.-Г. 2/VIII—25 г.
3. *Plasmodiophora brassicae* Wor.
Brassica oleracea. В.-У. 20/VII—
25 г.
Brassica rapa. Лал. 20/IX—26 г.

Phycomyceteae.

- Мухочyтриdинеae.**
4. *Synchytrium aureum* Schr.
Populus tremula. В.-У. 15/VI—
26 г.
- Peronosporales.**
5. *Cystopus candidus* Pers.
Brassica napus. К.-Г. 27/VII—
25 г.

- Erysimum cheiranthoides*. B.-Y. 7/VII—26 r.
6. *Phytophthora infestans* DB.
Solanum lycopersicum. B.-Y. 27/VIII—26 r.
Solanum tuberosum. B.-Y. 20/VIII—26 r.
7. *Bremia lactucae* Regel.
Sonchus arvensis. B.-Y. 23/VIII—26 r.
8. *Peronospora arborescens* DB.
Papaver somniferum. B.-Y. 13/VIII—26 r.
9. *Per. conglomerata* Fuck.
Geranium pratense. K.-Г. 27/VII—25 r.
10. *Per. effusa* Grev.
Chenopodium album. B.-Y. 14/VII—25 r.
11. *Per. parasitica* Tul.
Brassica napus. K.-Г. 27/VII—25 r.
Erysimum cheiranthoides. B.-Y. 12/VII—26 r.
12. *Per. polygoni* Thüm.
Polygonum aviculare. B.-Y. 12/VII—26 r.
19. *Podosphaera tridactyla* DB.
Prunus padus. B.-Y. 10/VIII—25 r.
20. *Erysiphe cichoracearum* DC.
Artemisia vulgaris. B. B. 16/VIII—25 r.
Caltha palustris. B.-Y. 10/VIII—26 r.
Lappa tomentosa. K.-Г. 31/VII—25 r.
Plantago media. B.-Y. 3/IX—25 r.
21. *Er. galeopsidis* DC.
Galeopsis versicolor. B.-Y. 1/IX—25 r.
22. *Er. graminis* DC.
Dactylis glomerata. B.-Y. 26/VII—26 r.
23. *Er. pisi* DC.
Trifolium pratense. B.-Y. 3/IX—25 r.
24. *Er. polygoni* DC.
Ranunculus acer. B.-Y. 3/IX—25 r.
Talictum simplex. B.-Y. 3/IX—25 r.
25. *Uncinula salicis* (DC) Wint.
Salix sp. K.-Г. 25/IX—25 r.
26. *Asterina juniperi* Desm.
Juniperus communis. B.-Y. 1/VI—26 r.

Ascomyceteae.

- Exoascineae.**
13. *Exoascus pruni* Fuck. var. *padi* Jaczewski.
Prunus padus. B.-Y. 15/VI—26 r.

Carpoascineae.

Perisporiales.

14. *Sphaerotheca humuli* Burr.
Humulus lupulus. H. 6/VIII—25 r.
Filipendula ulmaria. K.-Г. 8/IX—25 r.
15. *Sph. humuli* Burr. var. *alchemillae* Stein.
Alchemilla vulgaris. B.-Y. 14/VIII—25 r.
16. *Sph. var. fulginea* Salmon.
Plantago lanceolata. B.-Y. 10/VIII—26 r.
17. *Sph. mors uvae* Berk. et Curt.
Ribes grossularia. II. 4/VIII—25 r.
18. *Sph. pannosa* Lév.
Rosa cinnamomea. K.-Г. 21/VII—25 r.

Pyrenomyceteae.

27. *Lophodermium pinastri* Cher.
Pinussilvestris. B.-Y. 12/VI—25 r.
28. *Mycosphaerella carinthiaca* Jaap.
Trifolium pratense. B.-Y. 27/VIII—26 r.
29. *Myc. linicola* Naumov. var. *latispora*. Rothers.
Linum usitatissimum. P. 28/IX—26 r.
По описанию Наумова размеры спор 16,6×3,4 микр. в моих сборах 19—23×6—7 микр. почему выделена мною в разновидность.
30. *Myc. vaccinii* Cooke.
Vaccinium myrtillus. B.-Y. 10/X—26 r.
31. *Sphaerulina intermixta*. Sacc.
Rubus idaeus. B.-Y. 2/VII—25 r.
32. *Gnomoniella tubaeformis* Sacc.
Alnus incana. K.-Г. 20/IX—25 r.
33. *Nectria cinnabarina* Fries.
Crataegus oxyacantha. B.-Y. 26/VI—25 r.

34. *Cucurbitaria Caraganae* Karst.
Caragana arborescens. B.-Y. 21/VI—25 г.
35. *Daldinia concentrica* Ces. et de Not.
Betula pubescens Ehrh. B.-Y. 15/VI—25 г.
36. *Hypoxyylon fuscum* Fries.
Alnus incana. B.-Y. 2/VII—25 г.
37. *Epichloë typhina* Tul.
Dactylis glomerata. Лам. 7/VII—26 г.
38. *Claviceps microcephala* Wallr.
Alopecurus pratensis. К.-Г. 27/VII—25 г.
39. *Claviceps purpurea* Tul.
Hordeum vulgare. B.-B. 15/VIII—25 г.
Festuca elatior. B.-Y. 21/VII—25 г.
Secale cereale. К.-Г. 21/VIII—25 г.
Triticum vulgare. B.-B. 15/VIII—25 г.
40. *Polystigma ochraceum* Sacc.
Prunus padus. К.-Г. 10/IX—25 г.
41. *Phyllachora graminis* Fuck.
Dactylis glomerata. B.-B. 12/VIII—25 г.
Triticum repens. B.-Y. 3/IX—25 г.
42. *Phyllachora trifolii* Fuck.
Trifolium pratense. К.-Г. 9/IX—25 г.

Discomyceteae.

43. *Rhytisma Andromedae* Pers.
Andromeda polyfolia. B.-Y. 12/VI—25 г.
44. *Cryptomyces maximus* Rehm.
Salix sp. B.-Y. 15/VI—25 г.
45. *Phacidium vaccinii* Fries.
Vaccinium vitis idaea. К.-Г. 26/VII—25 г.
46. *Cenangium abietis* Rehm.
Pinus silvestris. B.-Y. 12/VI—25 г.
47. *Ustilago hordei* Bref.
Hordeum vulgare. B.-Y. 15/VII—25 г.
48. *Ustilago Jensenii* Bref.
Hordeum vulgare. B.-Y. 10/VIII—26 г.
49. *Ustilago avenae* Jens.
Avena sativa. B.-Y. 10/VIII—26 г.
50. *Ustilago laevis* Magn.
Avena sativa. B.-Y. 10/VIII—26 г.
51. *Ustilago tritici* Jens.
Triticum vulgare. К.-Г. 31/VII—25 г.
52. *Tilletia tritici* Wint.
Triticum vulgare. H. 3/VIII—25 г.
53. *Urocystis occulta* Rabenh.
Secale cereale. B.-Y. 3/VII—25 г.

Uredinales.

54. *Peridermium pini* forma *acicola*.
Pinus silvestris. B.-Y. 12/VI—25 г.
55. *Uromyces alchemillae* Lév. II.
Alchemilla vulgaris. B.-Y. 15/VI—26 г.
56. *Uromyces fabae* DC. III.
Vicia tetrasperma. B.-Y. 16/X—26 г.
57. *Uromyces polygoni* Fuck II и III.
Polygonum aviculare. B.-Y. 3/VIII и 27/VIII—26 г.
58. *Uromyces trifolii* Lév II и III.
Trifolium pratense. B.-Y. 27/VIII—26 г.
59. *Uromyces trifolii repentis* Liro. II и III.
Trifolium repens. B.-Y. 17/IX—26 г.
60. *Phragmidium potentillae* Wint. I и II.
Potentilla argentea. B.-Y. 15/VI—26 г.
61. *Phragmidium rubi-idaei* Karst. I, II и III.
Rubus idaeus. B.-Y. 30/VI и 31/VIII—25 г.
62. *Phragmidium subcorticium* Wint. I, II и III.
Rosa cinnamomea. B.-Y. 12/VI, 7/VII и 26/VII—26 г.
63. *Puccinia asarina* Kze et Schüm. III.
Asarum europaeum. B.-Y. 10/VIII—26 г.
64. *Puccinia bardanae* Corda. II и III.
Lappa tomentosa. B.-Y. 10/VIII—26 г.
65. *Puccinia campanulae* Carm. III.
Campanula glomerata. B.-Y. 11/VIII—26 г.

Basidiomyceteae.

Protobasidiineae.

Ustilaginales.

47. *Ustilago hordei* Bref.
Hordeum vulgare. B.-Y. 15/VII—25 г.

66. *Pucc. carduorum* Iacky. II и III.
Carduus crispus. B.-Y. 7/VII и
28/VII—26 г.
67. *Pucc. caricis* Reber.
Urtica dioica. I. B.-Y. 9/VII—
25 г.
Carex acuta. III. B.-Y. 15/VI
—26 г.
Carex Goudenoughii. II и III.
B.-Y. 20/VIII—26 г.
68. *Pucc. centaureae* Mart. III.
Centaurea scabiosa. B.-Y. 17/IX
—26 г.
69. *Pucc. cirsii* Lasch. II и III.
Cirsium lanceolatum. B.-Y.
20/VIII—26 г.
70. *Pucc. coronata* Corda. I.
Rhamnus Frangula. B.-Y. 25/VI
—25 г.
71. *Pucc. coronifera* Kleb. II.
Avena sativa. K.-Г. 31/VII—25 г.
72. *Pucc. dispersa* Erikss. et Henn. II.
Secale cereale. K.-Г. 27/VII—
25 г.
73. *Pucc. festucae* Plowr. I.
Lonicera xylostemum. K.-Г. 26/VII
—25 г.
74. *Pucc. geranii-sylvatici* Karst. III.
Geranium silvaticum. K.-Г.
26/VII—25 г.
75. *Pucc. glumarum* Erikss. et
Nenn. II.
Hordeum vulgare. B.-Y. 13/VIII
—26 г.
76. *Pucc. graminis* Pers. f. *avenae*. II.
Avena sativa. B.-B. 15/VIII—
25 г.
77. — „ — f. *tritici*. II.
Hordeum vulgare. B.-B. 18/VIII
—25 г.
Triticum vulgare. B.-B. 18/VIII
—25 г.
78. — „ — f. *secalis*.
Secale cereale. B.-B. 18/VIII—
25 г.
79. *Pucc. obtegens* Tul.
Cirsium arvense. B.-Y. 13/VIII
—26 г.
80. *Pucc. persistens* Plowr. I.
Thalictrum simplex. Лад. 10/VII
—26 г.
81. *Pucc. poarum* Niesl. I.
Petasites officinalis. K.-Г. 25/VIII
—25 г.
Tussilago farfara. K.-Г. 25/VII
—25 г.
82. *Pucc. pimpinellae* Mart. I, II и III.
Pimpinella saxifraga. B.-Y.
15/VI и 10^а/VIII—25 г.
83. *Pucc. Pringsheimiana* Kleb. I.
Ribes grossularia. B.-Y. 3/VII
—25 г.
84. *Pucc. punctata* Link. II и III.
Galium mollugo. B.-Y. 17/VII
—26 г.
85. *Pucc. punctiformis* D. H. III.
Rumex aquaticus K.-Г. 26/VII
—25 г.
86. *Pucc. ribesii-caricis* Kleb. I.
Ribes nigrum. B.-Y. 20/VI—25 г.
87. *Pucc. septentrionalis* Juel. II и III.
Polygonum viviparum. B.-Y.
25/VIII—26 г.
88. *Pucc. silvatica* Schröt. I.
Lappa officinalis. B.-Y. 24/VI
—26 г.
Taraxacum officinale. B.-Y.
13/VII—26 г.
89. *Pucc. simplex* Eriks. et Henn. II.
Hordeum vulgare. B.-B. 12/VIII
—25 г.
90. *Pucc. sonchinea* Sydow. II и III.
Sonchus arvensis. B.-B. 14/VIII
—25 г.
91. *Pucc. taraxaci* Plowr. II и III.
Taraxacum officinale. B.-Y.
13/VIII—26 г.
92. *Pucc. triticina* Eriks. II.
Triticum vulgare. K.-Г. 27/VII
—25 г.
93. *Pucc. verruca* Thüm. III.
Centaurea scabiosa. B.-Y. 17/VII
—26 г.
94. *Pucc. violae* DC. III.
Viola canina. B.-Y. 3/IX—26 г.
95. *Gymnosporangium clavariaeforme*
Wint. I.
Crataegus oxyacantha. H. 4/VIII
—25 г.
96. *Gym. juniperinum* Wint. I и III.
Sorbus aucupariae. B.-Y. 10/VIII
—26 г.
Sorbus aria-aucuparia. H. 4/VIII
—25 г.
Juniperus communis. B.-Y. 25/V
—26 г.
97. *Gym. tremeloïdes* R. Hart. I.
Pirus malus. B.-B. 12/VIII—25 г.
98. *Coleosporium campanulae* Pers.
II и III.
Campanula glomerata. B.-Y.
17/VII—26 г.

99. *Col. euphrasiae* Wint. II и III.
Rhinanthus major. B.-Y. 20/VIII
 —26 г.
100. *Col. melampyri* Kleb. II и III.
Melampyrum cristatum. К.-Г.
 25/VII—25 г.
101. *Col. petasitidis* DC. II и III.
Petasites officinalis. К.-Г. 8/IX
 —25 г.
102. *Col. sonchi* Lév. II и III.
Sonchus arvensis. B.-Y. 25/VIII
 —26 г.
103. *Col. tussilaginis* Kleb. II и III.
Tussilago farfara. B.-Y. 25/VIII
 —26 г.
104. *Schryomyxa ledi* DB. I.
Abies sibirica. B.-Y. 17/VII—
 26 г.
105. *Pucciniastrum vaccini* Diet.
 II *Vaccinium uliginosum*. B.-Y.
 10/VIII—26 г.
106. *Melampsora amygdalina* Kleb. I.
Salix triandra. B.-Y. 12/VI—
 25 г.
107. *Mel. epilobii* Wint. III.
Epilobium palustre. К.-Г. 8/IX
 25 г.
108. *Mel. larici—epitea*. Kleb.
Salix cinerea. II. К.-Г. 26/VII
 —25 г.
Salix pentandra. II и III. К.-Г.
 8/IX—25 г.
109. *Mel. larici—populina* Kleb. II
 и III.
Populus suaveolens. B.-Y. 16/X
 —26 г.
110. *Mel. larici—tremulae* Kleb. I.
Larix sibirica. B.-Y. 22/VI
 —25 г.
111. *Mel. pinitorqua* Rostrup. II и III.
Populus tremula. К.-Г. 10/IX—
 25 г.
112. *Melampsordium betulinum* Kleb.
 II *Betula pubescens*. К.-Г.
 26/VII—25 г.

Auriculariales.

113. *Exidia glandulosa* Fries.
Sorbus auruparia. B.-Y. 12/VI
 —25 г.

Autobasidineaе.

Exobasidineaе.

114. *Exobasidium vaccinii* Wor.
Vaccinium vitis idaea. К.-Г.
 26/VII—25 г.

Carpobasidineaе.

115. *Dacryomyces multiseptatus* Beck.
Picea excelsa. H. 9/VIII—25 г.
116. *Daedalea unicolor* Fries.
Betula pubescens. К.-Г. 31/VII
 —25 г.
117. *Trametes cinnabarina* Fries.
Betula pubescens. H. 10/VIII
 —25 г.
118. *Polyporus betulinus* Fries.
Betula pubescens. B.-Y. 15/VI
 —25 г.
119. *Pol. squamosus* Huds.
Populus tremula. B.-B. 11/VIII
 —25 г.
120. *Fomes fomentarius* Fries.
Betula pubescens. B.-Y. 25/VI
 —25 г.
121. *F. ignarius* Fries.
Populus tremula. B.-B. 11/VIII
 —25 г.
Salix daphnoides. B.-Y. 15/VI
 —25 г.
122. *F. pinicola* Fries.
Picea excelsa. B.-Y. 26/VI—25 г.
Pinus silvestris. К.-Г. 31/VII
 —25 г.
123. *Lensites abietina* Fries.
Picea excelsa. К.-Г. 29/VII—25 г.
124. *Pleurotus ostreatus* Eries.
Populus tremula. К. Г. 31/VII
 —25 г.

Fungi imperfecti.

Pycnidiales.

125. *Asteromella stemmatea* (Fr)
 Petrak.
Vaccinium vitis idaea. К.-Г.
 26/VII—25 г.
126. *Phyllosticta cannabis*. Speg.
Cannabis sativa. К.-Г. 27/VII
 —25 г.
127. *Ph. geicola* Fr.
Geum urbanum. B.-Y. 10/VIII
 —26 г.
128. *Ph. grandimaculans* Bubak et
 Kiuig.
Fragaria vesca. К.-Г. 29/VII
 —25 г.
129. *Ph. lappae* Sacc.
Lappa tomentosa. К.-Г. 27/VII
 —25 г.
130. *Ph. mali* Prill. et Del.
Pirus malus. H. 4/VIII—25 г.

131. *Ph. petasitidis* Ell. Ev.
Petasitis officinalis. К.-Г. 29/VII—25 г.
132. *Ph. plantaginis* Sacc.
Plantago sp. К.-Г. 27/VII—25 г.
133. *Ph. rosae* Desm.
Rosa cinnamomea. К.-Г. 10/IX—25 г.
134. *Ph. syringae* West.
Syringa vulgaris. Н. 4/VIII—25 г.
135. *Ph. trifoliorum* Barbarine.
Trifolium pratense. К. Г. 29/VII—25 г.
136. *Phoma longissima* West.
Chenopodium album. В.-У. 26/IX—26 г.
137. *Ph. urticae* Sacc.
Urtica sp. В.-У. 27/V—25 г.
138. *Dothiorella pithia* Sacc.
Picea excelsa. В.-У. 22/VI—25 г.
139. *Placosphaeria urticae* Sacc.
Urtica sp. В.-У. 27/V—25 г.
140. *Myxofusicoccum effusum* Petrak.
Prunus padus. В.-У. 31/V—25 г.
141. *Cytospora Massariana* Sacc.
Sorbus aucuparia. В.-У. 5/VII—25 г.
142. *Myxofusicoccum salicis* Died.
Salix daphnoides. В.-У. 12/VI—25 г.
143. *Coniothyrium olivaceum* Bon. var. *loniceræ—xylostei* Sacc.
Lonicera xylosteum. В.-У. 10/VIII—26 г.
144. *Con. pircolum* Potebnia.
Pirus malus. В.-У. 22/VII—25 г.
145. *Con. ribis*. Brun.
Ribes grossularia. В.-У. 13/VIII—26 г.
146. *Ascochyta Chenopodii* Died.
Chenopodium album. В.-У. 20/IX—26 г.
147. *As. linicola* Naumow. et Wassiliewski.
Linum usitatissimum. P. 10/X—26 г.
148. *As. pisi* Libert.
Pisum sativum. В.-У. 14/VII—25 г.
149. *As. plantaginis* Sacc. et Speg.
Plantago major. В.-У. 19/VII—26 г.
Plantago media. В.-У. 17/VII—26 г.
150. *As. viburni* Sacc.
Viburnum opulus. В.-У. 8/VIII—26 г.
151. *As. usitatissima* Rothers sp. n.
Linum usitatissimum. P. 28/IX—26 г.
- Примечание.* Пикниды густо рассеяны на побуревших участках в 1—2 сан. в верхней части стебля; размер пикнид 100—150 микр.; отверстие круглое разм. 19—28 микр. Споры двухклетные, бесцветные, с перетяжкой; размер их 15—23×6—8 микр. М. б. конидиальная стадия *Mycosphaerella linicola* Naumov. var. *latispora* Rothers см. № 29.
152. *Diplodina Oudemansii* All.
Ribes grossularia. В.-У. 8/V—25 г.
152. *Dip. sonchi* Henn.
Sonchus arvensis. В.-У. 13/VIII—26 г.
153. *Staganospora thalictri* Siemaszko.
Thalictrum simplex. К.-Г. 25/VII—25 г.
154. *Pycnocalyx abietis* Naumov.
Abies sibirica. В.-У. 15/VI—25 г.
155. *Septoria callae* Sacc.
Calla palustris. К.-Г. 31/VII—25 г.
156. *S. Fuckelii* Sacc.
Tussilago farfara. К.-Г. 25/VII—25 г.
157. *S. galeopsidis* West.
Galeopsis versicolor. В.-У. 9/VII—25 г.
158. *S. graminum* Desm.
Triticum repens. В.-У. 3/VII—25 г.
159. *S. heraclei* Desm.
Heracleum sibiricum. В.-У. 13/VIII—26 г.
160. *S. lamiicola* Sacc.
Lamium purpureum. В.-У. 20/VII—26 г.
161. *S. menthicola* Sacc. et Lat.
Mentha arvensis. К.-Г. 31/VII—25 г.
162. *S. polygonicola* Sacc.
Polygonum persicaria. К.-Г. 20/VII—25 г.
Polygonum hydropiper. В.-У. 10/VIII—26 г.

163. *S. polygonorum* Desm.
Polygonum convolvulus. B.-Y. 3/IX—25 r.
164. *S. populi* Desm.
Populus suaveolens. B.-B. 12/VIII—25 r.
165. *S. ribis* Desm.
Ribes nigrum. B.-Y. 13/VIII—26 r.
166. *S. salicicola* Sacc.
Salix livida. K.-Г. 10/IX—25 r.
167. *S. scabiosicola* Desm.
Knautia arvensis. B.-Y. 13/VII—26 r.
168. *S. semiannulata* Jacz.
Prunus padus. K.-Г. 10/IX—25 r.
169. *S. trientalis* Sacc.
Trientalis europea. B.-Y. 10/VIII—26 r.
170. *S. trollii* Sacc. Wint.
Trollius europeus. B.-Y. 6/VI—26 r.
171. *S. urticae* Desm.
Urtica dioica. B.-Y. 14/VII—26 r.
172. *Zythia cucurbitula* Fries.
Abies sibirica. K.-Г. 10/IX—25 r.
- Pseudopicnidiales.**
173. *Melasmia salicinum* (Pers.) Fr.
Salix sp. K.-Г. 26/VII—25 r.
174. *Pseudogloeosporium periclymeni* Jacz.
Lonicera coerulea. K.-Г. 10/IX—25 r.
175. *Leptothyrium alneum* Sacc.
Alnus incana. K.-Г. 19/IX—25 r.
176. *Lep. betulae* Fuck.
Betula pubescens. B.-Y. 17/IX—26 r.
177. *Entomosporium mespili* Sacc.
Amelanchier canadensis. H. —25 r.
178. *Ent. mespili* Sacc.
Cotoneaster nigra. K.-Г. 25/VII 4/VIII—25 r.
179. *Rhizothyrium abietis* Naumov.
Abies sibirica. K.-Г. 10/IX—25 r.
- Acervulales.**
180. *Melanconium apiocarpon* Link.
Alnus glutinosa. B.-Y. 12/VI—25 r.
181. *M. Desmzieri* Sacc.
Tilia parvifolia. B.-Y. 18/VI—25 r.
182. *Colletotrichum lini* (West.) Toch.
Linum usitatissimum. P. 10/X—26 r.
183. *Gloeosporium betulae* Fuck.
Betula pubescens. B.-Y. 17/IX—26 r.
184. *Gl. cylindrospermum* Sacc.
Alnus glutinosa. K.-Г. 10/IX—25 r.
185. *Gl. tiliae* Oud.
Tilia parvifolia. B.-Y. 2/VII—25 r.
186. —var. *maculicolum* All.
Tilia parvifolia. B.-Y. 5/VII—25 r.
187. *Gl. tremulae* Pass.
Populus tremula. K.-Г. 25/VII—25 r.
188. *Cylindrosporium padi* Karsten.
Prunus padus. K.-Г. 29/VII—25 r.
189. *Marsonia Castagnei* Sacc.
Populus suaveolens. B.-Y. 4/VII—25 r.
190. *M. potentillae* Fisch. var. *fragariae* Sacc.
Fragaria elatior. B.-Y. 26/VI—25 r.
Fragaria vesca. B.-Y. 26/VI—25 r.
191. *M. secalis* Oud.
Secale cereale. B.-Y. 15/VI—25 r.
192. *Sphacelia segetum* Lév.
Secale cereale. Лал. 15/VIII—25 r.
193. *Tubercularia confluens* Pers.
Viburnum opulus. B.-Y. 18/VI—25 r.
194. *T. vulgaris* Tode.
Prunus padus. B.-Y. 30/V—25 r.
Ribes grossularia. B.-Y. 15/V—25 r.
195. *Vermicularia culnigena* Desm.
Dactylis glomerata. Лал. 7/VII—26 r.
196. *Fusarium Palczewskii* Jacz.
Hordeum vulgare. B.-B. 15/VIII—25 r.
197. *Fus. roseum* Link.
Hordeum vulgare. B.-B. 15/VIII—25 r.
Sacale cereale. B.-Y. 10/IX—26 r.

198. *Fus. rostratum* Appel et Woll.
Triticum vulgare. В.-В. 13/VIII
—25 г.
Hyphomycetese.
199. *Oidium erysiphoides* Fries.
Glechoma hederacea. В.-У. 19/VII—26 г.
Taliqtrum simplex. К.-Г. 25/VII
—25 г.
200. *O. monilioïdes* Link.
Triticum repens. В.-У. 17/VII
—2 г.
Lolium temulentum. Лал. 10/VII
—26 г.
Secale cereale В.-У. 21/V—26 г.
201. *Ovularia haplospora* Magn.
Alchemilla vulgaris. В.-У. 13/VII
—26 г.
202. *Aspergillus flavus* Link.
На засыхающих растениях в
гербарии. 30/X—25 г.
203. *Penicillium crustaceum* Fries.
На оболочке зерна. Hordeum
vulgare. В.-У. 13/VI—25 г.
204. *Verticillum candelabrum* Bon.
Solanum lycopersicum. В.-У.
27/VIII—26 г.
205. *Trichothecium rozeum* Link.
На листьях хмеля в гербарии,
при сушке. 21/X—25 г.
206. *Polythrincium trifolii* Kunze.
Trifolium repens. В.-У. 17/IX
—26 г.
207. *Cladosporium aecidiicola* Th.
На эцидиях Pucc. Pringsheimia-
na Kleb.
Ribes grossularia. В.-У. 13/VIII
—26 г.
На телеитоспоровых подушеч-
ках Coleosporium sonchi Lév.
Sonchus arvensis. В.-У. 27/VIII
—26 г.
На уредоспоровых подушечках
Melampsora larici — populina
Kleb.
Populus suaveolens. В.-У. 17/IX
—26 г.
208. *Cl. epiphyllum* Mart.
Populus tremula К.-Г. 26/VII
—25 г.
209. *Cl. exobasidii* Jaap.
На пятнах Exobasidium.
Vaccinium uliginosum. В.-У.
10/VIII—26 г.
210. *Cl. fulvum* Cooke.
Solanum lycopersicum. В.-У.
20/VIII—26 г.
Solanum tuberosum. В.-У. 20/VIII
—26 г.
211. *Cl. herbarum* Link.
Allium cepa. В.-У. 17/IX—26 г.
Hordeum vulgare. Н. 4/VIII
—25 г.
Secale cereale. К.-Г. 25/VIII
—25 г.
Triticum vulgare. В.-В. 16/VIII
—25 г.
Urtica sp. В.-У. 27/V—25 г.,
Viburnum opulus. В.-У. 17/IX
—26 г.
Vicia faba. В.-У. 17/IX—26 г.
212. *Cl. Martianoffianum* Th.
Populus tremula. К.-Г. 31/VII
—25 г.
213. *Fusicladium betulae* Aderh.
Betula pubescens. К.-Г. 10/IX
—25 г.
214. *F. radiosum* Lind.
Populus tremula. В.-У. 25/VI
—25 г.
215. *Cercospora Magnusiana* All.
Geranium palustre. В.-У. 17/VII
—26 г.
216. *C. Tributiana* Sacc. Let.
Centaurea scabiosa. В.-У. 11/VIII
—26 г.
217. *Ramularia decipiens* Ell. Ev.
Rumex domesticus. В.-У. 26/VII
—26 г.
218. *R. Knautiae*. Bub.
Knautia arvensis. В.-У. 19/VII
—26 г.
219. *R. lactea* Sacc.
Viola canina. В.-У. 11/VIII
—26 г.
220. *R. macrospora* Fr.
Campanula glomerata. В.-У.
19/VII—26 г.
221. *R. montana* Speg.
Epilobium angustifolium. Лал.
4/VII—26 г.
222. *R. plantaginis* Ell. Mart.
Plantago major. В.-У. 13/VII
—26 г.
223. *R. pratensis* Sacc.
Rumex acetosa В.-У. 17/VII
—26 г.
224. *R. taraxaci* Karst.
Taraxacum officinale. В.-У.
14/VII—25 г.

225. *R. Tulasnei* Sacc.
Fragaria elatior Н. 4/VIII—25 г.
Fragaria vesca Н. 4/VIII—25 г.
226. *R. urticae* Ces.
Urtica dioica. В.-У. 3/VIII—26 г.
227. *Heterosporium gracile* Sacc.
Iris germanica Н. 4/VIII—25 г.
228. *Helminthosporium gramineum* Rabh.
Hordeum vulgare. К.-Г. 27/VII—25 г.
229. *Cercospora concors* Sacc.
Solanum tuberosum. В.-У. 20/VIII—26 г.
230. *C. microsora* Sacc.
Tilia parvifolia. Н. 4/VIII—25 г.
231. *Cercospora* sp.
Talictrum simplex. В.-У. 17/VII—26 г.
Примечание. Пятна неправильные, темнобурые, позднее становящиеся светлыми; плодоншения на нижней стороне; конидии оливковые, обратно-булавовидные, с 5—7 поперечн. перегородками; размер 75—120×12—17 микр.; конидиеносцы короткие 25—40×8 микр.
232. *Alternaria tenuis* Nees.
На невсхожих зернах ячменя и клевера, в лаборатории. 24/VI—25 г.
233. *Sporodesmium mucosum* var. *pluriseptatum* Karst. Har.
Cucumis sativus. В.-У. 13/VIII—26 г.
234. *Macrosporium caudatum* Cooke et Ellis.
Pirus malus. Н. 4/VIII—25 г.
235. *M. solani* Ell. et Mart.
Solanum tuberosum. В.-У. 20/VIII—26 г.
236. *Macrosporium* sp.
Plantago major. В.-У. 19/VII—26 г.
Примечание. Светлые пятна на листьях; споры обратно-булавовидные, светлооливковые, 1—7 попер. и 1—2 продол. перегородок, размер 25—50×9—15 микр. Конидиеносцы пучками более темные, разм. 45—60×5—6 микр.
- Mycelia sterilia.***
237. *Ectostroma rumicum* Dietr.
Rumex domesticus. В.-У. 20/VIII—26 г.

В. Потерс.

О финифтяной фабрике, существовавшей в г. В.-Устюге в XVIII веке и о черневой на серебре работе.

Финифтяная фабрика в г. Устюге заведена была братьями купцами Афанасием и Степаном Поповыми. Указ о разрешении завести эту фабрику получен был из государственной мануфактур коллегии Устюжским провинциальным магистратом 9 марта 1761 года. Вот содержание этого указа. „По определению мануфактур коллегии, а по челобитью города Устюга великого, купцов Афанасья да Степана Поповых, велено, по силе сной коллегии регламента и указов, оным Поповым в том городе, в домах их, финифтяную фабрику завести и производить позволить. И на оной финифтены на меди с наводкою серебром и золотом травами, да черневой на серебре обронной всяки курьезныи вещи, каки и из заморя вывозятся, делать самым искусным мастерством, чтоб от умножения того дела мастеровые люди совершенному в том искусству обучится могли, а объявленная в челобитье их государственная и народная польза последовать могла. И на сделанных вещах, в силу правительствующаго сената 744 года марта 20 дня указу, власть клейма с литерами имянь своих, и в котором городе деланы. И для того, сделав клеймо, объявить ко опробации в коллегию.

А понеже таковой фабрики до ныне никем заведено еще не было, а означенны Поповы к заведению оной явились первыи, а по Регламенту манифактур коллегии повелено, которыи манифактуры и фабрики производить похотят, надлежащими привилегиями снабдить. Да и по указу 731 года повелено ж кто вновь знатную и государству полезную фабрику, или завод заведет, такому от служеб давать увольнение, первому фабрикану и заотчику, а другим, кои после такую ж фабрику заведут, увольнения в службах не чинить.

Того ради, в силу оногo Регламента и указов, их Поповых с детьми, кои с ними в одном доме живут, от всех купецских служеб, тако ж и двор его, где та фабрика производиться будет, в силу 728 года, от постою и от полицейских служеб, по силе 736 года января 7 дня указу, кроме караулов и беганьи на пожары, уволить и судом и росправою, кроме государственных и криминальных дел, с прикащиками и с мастеровыми, и работными людьми, ведать их в манифактур коллегии. А дабы та фабрика удобнее заведена быть могла... к той фабрике на первой случай людей без земли мужеска полу двадцать душ, а женска сколько при них обретатца будет, купить позволить, которых им Поповым, по покупке, употребить в работу ко обучению в той фабрике надлежащему мастерству. На ту фабрику, ежели пожелают а мастеровыи и работныи люди принимать свободных, то принимать с настоящими пашпортами, со уговором достойной платы, объявляя об них в Великоустюжской провинциальной канцелярии, а беглых отнюдь не принимать, о чем и вам Поповым дать с прочетом указ и куда надлежит сообщить“.

История фабрики была такова. Получив разрешение, Поповы и выстроили фабрику при своих домах, на собственной их земле. Так как в случившееся в 1762 году наводнение, земля Поповых оказалась снесенной, то можно предположить, что фабрика первоначально устроена была в местности нынешней второй части города Устюга. Лалее, имеется сведение, что в том же 1762 году, по согласию бывших в Устюге провинциальной и межевой канцелерии и именно вместо сносных в бывшее в том году наводнение земель отведено было Поповым под дворы и заводы „из дачь Архангельского монастыря деревни села Леонтьевского и из смеж

ной ко оному деревни Деревеньки пашенной земли одна десятина 825 квадратных сажень, на каком месте Поповы и построили дом и фабрику. Про это место Устюгская Городская Дума, в январе 1805 года, на имя Вологодского губернатора, писала, что отведено оно было „в способном к здешнему городу месте“, т. е. на таком месте, которые к городу не принадлежало, а было очень удобно для расширения города“.

На плане земли деревни Деревеньки, сочиненным в 1762 году, об этом отведенном участке говорится, что по указу Великоустюгской межевой канцелярии, в силу присланного из правительствующего сената указа, отведено устюжанам купцам, а финифтяным фабрикантам Афанасию и Степану Поповым, да железному заводчику Андрею Плотникову, под дворовые места, под улицу и фабрику земли, после формального окружного и специального размежевания, а именно Поповым 625 сажень, Плотникову 901 сажень, всего Поповым и Плотникову 1526 сажень. Это из земли деревни Деревеньки, значит из земли села Леонтьевского отведено было Поповым и Плотникову, остальные 1699 квадратных сажень.

На отведенном месте Поповыми построены были дом и фабрика, которые и существовали до 1776 года, а в этом последнем году, в случившийся 29 числа сентября пожар,—сгорели. В скором времени после пожара Поповы стали несостоятельными, и пришли в крайнюю бедность. С пожаром финифтяная фабрика прекратила свое существование и более в Устюге уже не возобновлялась. Земля, бывшая под фабрикой, застроена разными обывательскими домами и строениями по новому, на город Устюг плану, утвержденному в 1804 году, по которому она и составила часть 21 и 22 кварталов, около нынешней Красной улицы, вблизи общественного сада.

Про пожар, в который сгорела фабрика, в Устюгской Летописи имеется такое сообщение. „1776 г. октя ря на 1-е число, ночью, загорелось у иконописца Алексея Колмогорова в доме, жившаго на северной стороне Успенского собора, на берегу реки Сухоны, в коем пожаре сгорело 36 дворов; тогда и на соборной церкви кровли погорели“. Дата пожара не совпадает на один день. По летописи он случился 30 сентября, а по докладу Думы 29 сентября. Можно думать, что в официальном Думском сообщении время пожара показано точнее летописного.

Фабрика прекратила свое существование в 1776 году, сведения же о ней, по требованию Вологодского губернатора, Устюгской Городской Думой собирались в 1804 году и потому, за давностию лет существования фабрики, оказались самыми недостаточными. Владельцы фабрики померли в недолгом времени после ее пожара. Так как в 1804 году, из лиц, могущих знать что либо о фабрике, был только сын Афанасия Попова, Устюгский мещанин, а деревенский владелец Иван Афанасьев Попов, проживавший в своей деревне „Петровщине“ Устюгского округа, в Воскресенском стану, то и предписано было от Думы доставить в Устюг этого Попова, со всеми документами, какие только у него могли найтись о финифтяной фабрике. Но Попов оказался болен и потому в Устюг явиться не мог, кроме того он заявил, что никаких документов о фабрике у него не имеется.

Таким образом из этого источника сведений не было почерпнуто.

Губернатора интересовал вопрос—были ли куплены для фабрики разрешенные к такому приобретению 20 душ мужеского пола. На это Дума сообщает, что, по несуществованию фабрики, сведений о душах не имеется, а известно только, что вольнонаемных и об чающихся

людей при той фабрике было в работах черневых до 20 человек и финифтяных до 10 человек.

По сведениям губернатора, в 1773 году был приписной к фабрике один человек. Дума сообщила, что по ревизиям как прежним, так и нынешней последней приписных за Поповыми к фабрике их душ в обществе никого не записано и ныне (1804 г.) не состоит.

Образцы финифтяных изделий фабрики Поповых, в настоящее время, можно встретить в Москве, в Историческом Музее. В Устюгском музее есть металлические чайник и блюдо, покрытые финифтью, поступившие в музей из Устюгской градской Петро-Павловской церкви. Вещи эти несомненно местного производства, XVIII века и сработаны по иностранным образцам, согласно заданию указа делать „всяки курьезныи вещи, какия из заморя вывозятся“. Если нельзя категорически утверждать, что эти две вещи непременно вышли из фабрики Поповых, так как на них нет ни клейма, ни определенного указания, тем не менее возможность такого происхождения не исключается, напротив, она весьма вероятна, и во всяком случае по этим вещам можно составить представление о финифтяных изделиях, вырабатывавшихся в здешнем крае в XVIII в. Кроме указанных двух вещей, в Музее находится еще финифтяная ручка от кропила, также местного происхождения, и также весьма любопытная.

О фабрике Поповых есть скудные сведения в Вологодских Губернских Ведомостях, в заметках об Устюгской черневой на серебре работе. В № 17 за 1839 г. говорится, что Устюгская черневая на серебре работа обращает на себя внимание крепостью чернеды и довольно правильной отделкою фигур. Она требует в особенности навыка в рисовании, к чему приучаются с малолетства, и твердости руки. Резчик на серебре должен иметь достоинство гравера на меди. Черневою работою Устюг славится с древних времен.

О фабрике Поповых здесь сказано только, что „главный мастер Моисеев славился хорошею отделкою серебряных вещей“. Затем говорится, что в последнее время эта работа начала упасть сколько по затруднительности сбыта, столько и по тому, что она относительно рисунка нисколько не подвигалась вперед, оставаясь в прежней грубой форме, к тому же начали делать под чернедью вещи в Москве и Туле, которые, уступая Устюгским достоинством, выигрывают свою дешевизною. В конце заметки отмечается, что для Вологодской Губернской выставки произведений, мастера воспользовались улучшенными рисунками и приготовленные для ее изделия представили собою улучшение, сообразно потребностям нынешнего вкуса.

О начале появления черневой работы в Устюге, а также откуда эта работа занесена в Устюг вообще, говорится, что точных сведений нет. Известно только, что идет она исстари. Высказывается предположение, что появилась она во времена Ивана Грозного, значит в XVI в., при чем делается ссылка на местное предание (Вол. Губ. Вед. 1848 г. № 42). Во второй половине XVI в., во времена известных зверств правительства Грозного, многие новгородцы принуждены были бежать из Новгорода в глухие и отдаленные места Руси. Так, в это время партия выходцов из Новгорода, (по преданию человек 60), „оставивше жительство свое Новград, странствовали по лесам, пустыням и непроходимым местам до толе, донедеше достигли, богом наставляемы, реки Лалы, в пустом месте течение свое продолжающей, от Устюга на Сибирь в расстоянии 80 верст и ту поселилися“ (Летоп. Велико-Уст. под 1570 г.). Само собой разумеется, выходцы эти были более энергичные, предприимчивые, сильные и вообще лучшие люди. С собой они принесли в пустынное место новгородскую культуру. Такие же

предприимчивые люди и около этого времени могли, конечно, переселиться из Новгорода и в Устюг и принести с собой искусство черневой работы. Самими же новгородцами черневая работа могла быть заимствована из за границы. Такое именно предположение и высказывает Шипулин на страницах Вол. Губ. Вед. (1848 г. № 42). Он говорит: „Новгородцы, бывшие в ближайшем сношении с Ганзейскими городами, могли там усвоить себе черневую работу и потом, вследствие независящих от них случайных обстоятельств, перенести ее в Устюг, как город входивший некогда в состав знаменитой Новгородской республики. Но откуда бы не перешла в Устюг черневая работа, только она получила здесь лучшую чистоту и большую прочность, чем отличается от Московской черни, которая не так чиста в отделке и очень скоро стирается. Состав Устюгской черни держится мастерами в секрете. Сколько известно, он состоит из выжого (серебра 92 пробы), свинца, красной меди, серы и шапатыря, но остается тайною количество входящих в состав этих материалов“.

Относительно состояния черневой работы по цитируемой литературе составляется такое представление, что достигнув своего высшего развития в Устюге, она постепенно приходила здесь в упадочное состояние, во всяком случае не совершенствовалась, в чем виноваты сами мастера. Многие говорят, свидетельствует Н. Шипулин, что устюгские мастера, известные своим искусством в целой России, не имеют вкуса и хороших рисунков, от чего приготовленные ими вещи черневой работы не могут иметь надлежащей цены. Шипулин это мнение находит поверхностным и не справедливым. Виноваты в данном случае, говорит он, не мастера, а деньги. Кто платит за работу дешевле, тот само собой, получает и вещи проще, напротив, кто ценит труд и вознаграждает его достойным образом, тот может быть уверен, что и работа будет лучшим образом выполнена и самые рисунки будут избраны со вкусом и отличны по чистоте отделки. Как на главную причину, тормозящую развитие черневой работы в Устюге, Шипулин указывает на недостаточность, т. е. бедность мастеров. Не имея хорошего обеспеченного состояния, они не могут иметь в запасе надлежащего количества серебра и при заказах всегда нужно давать им вперед или серебро, или деньги на серебро, без этого трудно получить скоро работу, особенно, если количество материала будет требовать значительных издержек. Шипулин выдвигает такой проект. Черневая работа, говорит он, много выиграла бы, если бы ктонибудь из известных капиталистов принял в этом деле непосредственное участие. За искусство устюгских мастеров и блестящий вследствие этого успех можно ручаться смело. При таких обстоятельствах каждый мастер мог бы иметь специальное направление, потому что один из них чудесно делает цветы, другой виды городов, ландшафты и пр. Как о примере прекрасной работы, Шипулин говорит, что он недавно видел две маленькие чарки работы устюгского мастера мещанина Меньяева. Чистота работы необыкновенная, медные части сделаны превосходно и надобно удивляться верности глаза и рук. На одной чарке сделан вид гор Архангельска, а на другой разные божества из римской мифологии. Цены на черневые работы в 1848 году были такие: самая лучшая черневая работа, если из серебра мастера, то 71 коп. серебром за золотник, а если из серебра заказчика то от 50 до 53 коп. серебром за золотник; посредственная работа из серебра мастера от 50 до 60 коп. за золотник, а из серебра заказчика от 30 до 40 коп. за золотник.

Проект Шипулина о поддержке черневой работы со стороны капиталиста мог иметь значение в его время, когда в Устюге было несколько мастеров этой работы. Жизненность этого проекта оправды-

вадась опытом заведения фабрики в XVIII веке, которая действовала целых 14 лет и только несчастный случай прекратил ее существование. К настоящему времени, когда во всем городе имеется один только мастер, проект этот, конечно, не приложим.

В Вол. Губ. Вед. 1885 №№ 36 и 37 говорится о фабрично-заводской производительности в Устюге и уезде, при чем относительно серебряных с чернью изделий приводятся следующие сведения. Во времена имп. Екатерины II в Устюге существовала целая фабрика черневых и финифтяных изделий—купца Афанасия Попова, при которой работали по разным местам, частью в Вологду, частью в Петербург и в 1817 году всех мастеров черневой работы было в Устюге 29 человек. Затем работа эта начинает быстро падать и с 1852 года единственным мастером и представителем великоустюгской серебряной черневой работы остался мастер Кошков, в настоящее время (т. е. в 1885 году) имеющий уже около 70 лет от роду. Этот мастер теперь изредка принимает небольшие заказы на поделочные изделия в роде напр. запонок, чайных ложек и т. п. но заказов на большие работы, за старостью и плохим зрением, не принимает. Так прекратила свое существование эта старинная и некогда славная местная работа, отличающаяся в своих изделиях как замечательную прочностью черни, так и своеобразным изяществом рисунка (№ 37).

В данном случае мы встречаемся со сведениями, взятыми автором можно сказать, из собственной фантазии. Членам устюгской городской думы в 1804 году, конечно, ближе было знать о размере поповской фабрики и они определяют ее всего в 30 рабочих, а не в 70. Последняя цифра автором статейки, конечно, очень преувеличена. Затем если бы после пожара фабрики мастера ее разбрелись по России, то они разнесли бы с собой и секрет состава устюгской черни, а этого мы на самом деле не видим, следовательно, и сообщение о разброде мастеров по России приходится откинуть. Естественнее так представлять дело, что фабрика Поповых работала не выписными какими либо мастеровыми, а объединила у себя устюжских мастеров, которые после закрытия фабрики и остались в Устюге, как местные жители и продолжали здесь ту же работу каждый самостоятельно, частным образом. И для определения числа рабочих по черни в 1817 году в 29 человек нельзя указать никакого другого источника, как только фантазию автора. Если обратиться к официальным данным устюгской ремесленной управы, то мы здесь можем получить сведения о записанных в цехи мастерах по городу Устюгу. В конце XVIII и в XIX в. в мастера в Устюге были следующих восьми цехов: 1) медного и оловянного цеха, 2) кузнечного цеха, 3) серебряного цеха, 4) в чарошном цеху¹⁾, 5) шитья сапогов и башмаков, 6) иконописного цеха, 7) портного цеха и 8) красильного и печатального цеха²⁾ Работавшие по черни принадлежали к серебряному цеху.

Каждый цех имел свою управу. 17 февраля 1786 года было открытие Серебряной управы, произведенное ремесленным головой Иваном Жилиным. Церемония открытия состояла в том, что он, Жилин, снабдил вновь открываемую управу „ремесленным положением, значком, печатью и прочим потребным к должности их и февраля 17 числа заседание в приуготовленной горнице открыл и журнал (об открытии) старшиною Алексеем Гуциным и старшинскими товарищами Александром Климициным и Степаном Молоковым в первый день открытия подписан“.

¹⁾ Чарошный цех свое название получил от кожаной обуви „чарки“, которую шили мастера этого цеха.

²⁾ т. е. окраски холста и печатания на холсте рисунков.

Серебряная управа вела учет своих мастеров, давала отпуска в другие города записанным в цех лицам, собирала подати и налоги и разбирала неправильные действия цеховых мастеров. Так в 1787 г. обратился в управу города Слободского третьей гильдии купец Д. Н. Пластунов с жалобой на цехового мастера Прокопия Молокова, который по заказу Пластунова сделал ему десять крестов и двадцать запанок серебряных черневых, самой низкой работы, тогда как Пластунов заказывал хорошие и заплатил 8 р. 25 к. Жалобщик сработанные вещи представил в управу и просил взыскать с Молокова заплаченные им деньги и отдать ему обратно. Управа рассмотрела работу, признала ее весьма низкой и сработанной из непробоного серебра, деньги с Молокова взыскала и возвратила их Пластунову, а на Молокова наложила штраф в 5 р. и кроме того „о неделании впредь таковых и прочих непробных из серебра и о непродаже в народ вещей“ обязала его подпиской.

Для сбора налогов с цеховых мастеров велись окладные реестры и ведомости. Принадлежащих к серебряному цеху по гор. В.-Устюгу внесено было в окладные ведомости и таким образом считалось всего мастеров этого цеха в 1792 году 39, в 1793, 1794, 1801 и 1804 году по 40 мастеров за каждый год в 1807 году 31, 1811 году 36, 1821 г. 43, 1828 г. 43, 1830 г. 27, 1833 г. 26, 1840 г. 23, 1857 году 24, 1860 году 20, и в 1880 году 20 мастеров. Само собой понятно, что не все указанные мастера производили черневую работу. Некоторые из них занимались только починкой старых вещей, иные специализировались на чеканке риз, окладов и венцов на образа и т. п. Чтобы иметь представление о производившейся работе мастерами серебряного цеха, приводим полностью сведения, собранные в ремесленной управе от 12 мастеров за 1810 год. В ведомости о них делается общее замечание, что этот цех, против других цехов, никакого преимущества не имеет и ремесленные в нем люди только своим по ремеслу выработыванием имеют средства к содержанию себя и своих семейств и на оплачивание государственных податей, городских и управских повинностей, а другие из них, не имеющие по бедности своих производств, находятся у мастеров в работниках, по договорным платам, и тем самым снискивают себе продовольствие без всякого преимущества. Большинство мастеров работало единолично, „сам собой“ и все они работали, удовлетворяя потребности устюжан, „здесь в городе, по заказам разных людей“ В частности о каждом из указанных 12 мастеров приведены такие сведения. Годы мастеров указаны нами по другому источнику.

1. Семен Федоров Торокановский (49 лет) производит только приносные от разных людей старые поделочные починки, выработал на 100 р. недостаток свои дополняет от производимых детьми его у Устьсысольских купцов заслуг.

2. Иван Петров Жилин, серебра в поделке употреблено им 5 ф. выработаны 12 табакерок, 10 перовников, черневые под золотом, золота употреблено 10 червонцев, работает сам собою, с двумя работниками, которым плата: первому с черневою работою по 10 к. а второму за ковку по 5 к. с золотника. Серебро в покупке по 70 руб. фунт, золото по 14 червонцев. В продаже в поделках по 1 р. 50 к. золотник, всего на 720 руб. Работал здесь в городе по заказам от разных людей. Недостатки пополняет от приносимых здешними жителями в починку и от позолоты разных вещей, от случаемой за работу платы.

3. Федор Климов Бушковской (32 лет) работал табакерки, панагии, перовники, сам собою, серебра употребил 2 ф. в покупке по 70 р. фунт, золота 2 червонца. В продаже, в поделке по 1. 60 к. и по 1 р. 65 коп. золотник. Недостатков не имеет.

4. Василий Иванов Романов (38 лет) сработал чеканных риз 1, венцов 3, окладов двой, разной величины, белое (т. е. изделие не золоченое и не под чернью). Серебра употреблено 1 ф. 50 з. ценою на 105 р. в продаже на 175 р. да от меди от чеканной выработки 125 ф. на 300 р. недостатка не имеет.

5. Петр Алексеев Студенцов (48 лет) разные мелочные поделки: кресты, гойтаны, цепочки, перстни и запонки. Работал с братом. Серебра и золота в покупке 1 ф. на 72 р. в продаже в поделках по 1 р. белое, золоченое по 1 р. 50 к. на 125 р. недостатки к содержанию дополняет от разных приносимых городскими жителями починок.

6. Иван Александров Островской (51 года) серебра в поделке употреблено им 32 зол. выработано 6 ложек чаевых, черневых, под золотом; серебра и золота на 40 р. в продаже по 1 р. 50 к. золотник на 48 р. Недостаток к содержанию дополняет от приносимых разными людьми для вырезывания печаток.

7. Роман Васильев Сидоров (55 лет) из собственного серебра в сделании вещей не имеет, в выработке на 5 р. Содержание имеет от производства ремесла сделанием разных мелочных вещей из приносимого хозяевами серебра и разных починок.

8. Василий Прокопьев Белков (58 лет) выработал из собственного серебра 1 табакерку 2 панагии, 1 крест, серебра и золота в покупке было на 72 руб., в продаже, в поделках на 114 руб. Недостатки дополняет от приносимых разными людьми из их серебра разных мелочных поделок и починок.

9. Алексей Петров Торокановской (58 лет) в производстве из нового серебра нисколько не имелось. К содержанию семейства своего продовольствие имеет от получаемой заслуженной детьми его у купцов платы и от приносимых разными людьми для починок поделок.

10. Яков Герасимов Мосеев (37 лет), серебра в поделку употреблено 2 ф. 94 зол., выработано 2 табакерки, 4-чаевых ситца, 4 чаевые ложки, черневые под золотом. Работает сам собою, с одним работником, которому плата по 10 руб. в месяц. Серебра и золота в покупке на 250 руб., в поделках и в продаже по 1 р. 50 коп. и по 1 р. 70 коп. золотник, на 440 руб. к дополнению недостатка продовольствия имеет вырабатываемые деньги от разной работы на вещах, приносимых разными людьми, и от резьбы печатей.

11. Иван Федоров Пестовский (64 лет.) содержание имеет от приносимых от хозяев для сделания из готового серебра мелочных поделок и старых починок.

12. Вдова Маремьяна Ивановна Селенина сработала 6 крестов и сережек с камешками и подвесками 40 пар, серебра употребила 21 золотник на 13 руб., в продаже, в поделках, белое по 90 коп. золотник.

Недостаток в содержании себя дополняет от приносимых разными лицами починок и других производимых по своему сословию рукоделий.

Итак, видим, что из 12 мастеров только 4 (№№ 2, 3, 6 и 10) несомненно занимались производством черневой работы, шестеро такой работы не производили (№№ 1, 4, 7, 9, 11 и 12) и о двоих (№№ 5 и 8) нельзя точно сказать, производили ли они черневую работу, или нет. По предметам производства (табакерка, панагии у № 8) и ценности вырабатываемых продуктов (1 р. 50 к. золотник у № 5, точно также, как и у № 2) можно думать, что и эти мастера чернь работали. Если же вытекающий отсюда процент работавших по черни приложить к точно указываемым в реестрах цифрам цеховых мастеров, по годам то цифру 29 человек мастеров черневой работы для 1817 года придется признать крайне преувеличенной. Тем более окажется ни с чем несообразною цифра в Волог. Губ. Вед. 1838 г. № 3 в статье „Статистика.

Описание Великого Устюга". Здесь даются такие сведения за 1836 г. „о знаменитой издревле черневой работе, известной под именем устюжской. Ею занимаются еще до 68 художников, но оставаясь при прежней грубости рисунка и высоте цены она потеряла ход и славу. Впрочем вещи представленные устюжскими художниками на выставку, приготовленную в 1837 году к высокому посещению государя наследника, делают честь продолжателям древних занятий своих предков“.

До 68 человек не достигает цифра ни одного окладного реестра серебряного цеха. Самая крупная цифра здесь 43, кроме того, приходится сокращать и цифры самих окладных реестров, так как нельзя сказать, что бы все включенные в эти реестры, как мастера серебряного цеха, действительно в данном году что либо работали. Напр., по окладному реестру на 1821 год в серебряный цех внесено 43 человека, но в том числе против 8 человек в этом же самом реестре сделаны отметки „помер“, или „за умертвием в оклад не положен“, против 4 „за старостью не положен“, против двоих „за малолетством“ не положен, один отдан в рекруты и один по бедности не положен. Само собой понятно, что мертвые, сданные в рекруты и малолетние не только черневой, но и никакой работы производить не могли. Таким образом, по итожным цифрам окладных реестров нельзя определять наличного количества мастеров серебряного цеха, а тем более относить всех их к разряду работников по черни. Но была и еще одна постоянно действующая причина, которая заставляет еще более сокращать итожную цифру реестров. Дело в том, что записанные в окладные реестры, как цеховые мастера серебряного цеха, далеко не все жили и работали в Устюге, а многие были увольняемы по паспортам для работ в разные российские города.

Для таких в ремесленной управе, для каждого цеха и в каждом году, велись отдельные тетради, в которые и записывались, за увольняемых ремесляников, поручительные подписки поручителей.

Эти последние обязывались за уволенных, „какие государственные с положенных по окладу душ подати, так и на общие градские и управные расходные деньги в управу платить бездомочно, равно и очередное по управе служение отправлять“. В 1821 году под такие поручительские подписки и уволено было для работ в разные города 10 цеховых мастеров серебряного цеха и каждый сроком на год, значащиеся в окладном реестре 1821 года, следовательно и, на их нужно цифру реестра уменьшить, так как в этот год их в Устюге не было и они в Устюге не работали.

Поэтому, в собираемых ремесленною управою сведениях о работе цеховых мастеров, именно тех которые работают здесь в городе, и окazyвается сравнительно с окладными реестрами небольшое количество мастеров. Так напр. в том же 1821 году отобраны были сведения только от 10 таких мастеров, работавших „здесь в городе“. Из этого числа несомненно работали черневую работу Федор Климов Бушковский, Александр Иванов Жилин и Иван Александров Островских, т. е. прежние мастера, только Жилин сын заменил своего отца.

Из остальных мастеров 3 занимались чеканной работой, 3 мелочными поделками и у одного не названы вырабатываемые им вещи. У всех десяти показано в покупке серебра 2 пуда 3 ф. 94 зол. на 6758 р. 50 коп., а в продаже 1 пуд 33 ф. 95 зол. на сумму 13443 р. 10 коп. иностранных червонцев 86 на 1140 руб.

Таким образом, после постепенного выключения из числа 43 цеховых 1821 года мастеров умерших, уехавших из города, не работавших по разным причинам, приходится ограничить точную цифру мастеров черневого дела числом 3—4 человека. Точно также и в 1817 году, по

сведениям Ремесленной Управы, отобранным от самих мастеров об их производстве, оказывается в Устюге было 10 работавших мастеров, из них 3 работали черневую работу (Ф. К. Бушковский, Александр И. Жилин и И. А. Островских), 2 чеканную (В. Л. Кладовиков и П. С. Беляев) и 5 разные мелочные поделки.

Отправлявшиеся из Устюга в разные города мастера серебряного цеха, очевидно, не находили достаточной для себя работы в своем городе и потому вынуждены были прибегать к отхожим промыслам. Но решаться на этот отход могли, конечно, только более предприимчивые и искусные, так сказать, мастера своего дела. Какой процент из них занимался черневой работой и какой чеканной или мелкой поделочной; за отсутствием сведений, сказать невозможно, но что среди них были специалисты всех родов этого ремесла—предположить приходится. Возможно, что большая доля участия в распространении славы по России об устюжской черни и приходится на этих устюжских мастеров, работавших в разных городах России. Хотя и выбирали они годовые пап-порта, но связь их с Устюгом не прекращалась, все они были устюжане по происхождению и ремесленной выучке. Поэтому, если по годовым окладным реестрам нельзя определять число цеховых мастеров работавших в городе Устюге в известный определенный год, то по совокупности этих реестров можно составить общий список мастеров серебряного цеха за известный продолжительный период времени принадлежавших гор. Устюгу, именно как устюжских мастеров.

Пользуясь окладными реестрами за 1786, 87, 1792, 1804, 1805, 1807, 1811, 1821, 1823, 1828, 1834, 1838, 1840, 1854, 1857, 1862, 68 и 1880 годы мы и составили такой список и в нем оказалось цеховых 146 человек. Про этих можно сказать, что они серебряную работу на своем веку в гор. Устюге производили, причем в очень многих случаях работали целые роды: прадед, дед, отец, сын, внук, т. е. каждый отец этого рода приучал к своему ремеслу и своего сына, значит считал свое ремесло выгодным для жизни занятием. Были мастера Бельковы, Гуцины, Жилины, Клестовы, Молоковы, Нагибины, Ордины, Пестеревы, Торловы, Торокановские и т. д. Возьмем для примера род Жилиных. В 1792 году были Жилины Иван Петров, Михаил Петров и Петр Петров. Очевидное дело, это были родные братья, а также со всею вероятностью можно предположить, что потому они и принадлежали все к серебряному цеху, что отец их Петр Жилин занимался серебряным производством, какому искусству научил и детей своих. Эти дети своих детей также обучали серебряному делу. Про Петра Петрова Жилина в реестре за 1821 г. значится, что он состоял в цехе со своим сыном и оба в этом году отмечены умершими. Иван Жилин в 1786 году был в Устюге ремесленным головой, следовательно человеком более или менее заметным среди своих сотоварищей по ремеслу. Сын его Александр Иванов Жилин в 1821 г. был старшинским товарищем в серебряном цехе и в это время было ему 21 г. от роду. В окладном 1840 г. он значится в цехе. Скончался вскоре после 1840 года, так как в сведениях бывшей в Устюге пробирной палатки в 1842 году значится серебряных и золотых дел мастер Андрей Жилин, в гор. Устюге в 1 части в 1 квартале, живущий „в доме, доставшемся по наследству от родителя вместе с прочими“.

По окладному реестру 1857 года значится Андрей Александров, с братом и сыном. Этот последний, Иван Андреев Жилин, значится в податной на 1880 год. Таким образом, в этом роде занятия серебряным производством идут от прадеда до правнука включительно. О самом прадеде у нас нет сведений, откуда он заимствовал искусство серебряного мастерства, так как деятельность его относится к первой половине

XVIII века, до каких времен наши сведения не простираются. О Жилиных известно вообще, как именно о мастерах черного дела.

И. Евдокимов, в книге „Север в истории Русского искусства“, стр. 160—161 о производстве черни по серебру в Устюге говорит. Основоположителем и изобретателем способа Устюжского чернения по серебру был устюжанин Жилин, живший в конце царствования Елизаветы, около половины XVIII столетия. В течении нескольких десятилетий секрет чернения по серебру тщательно хранился и оберегался в роду Жилиных. В первой четверти XIX века секрет был передан одному из родственников Жилиных Кошкову, от Кошкова перешел к роду Чирковых. Только на смертном одре секрет передавался от одного мастера к другому. Лучшая работа Жилинская, работа Кошкова значительно грубее. Чирков должно быть не получил от Кошкова всех технических приемов черни по серебру, почему работы Чиркова даже аляповаты. Выдающиеся работы Жилина табакерки, густо золоченые, с мифологическими сценами, амурами, гирляндами. У Кошкова—виды Устюга.

Вот как представляет дело И. Евдокимов. По его изложению выходит, как будто, устюжская черневая работа была только в роду Жилина, затем у Кошкова и Чиркова. На самом деле мастеров этой работы, как это ясно из вышеизложенного, всегда одновременно было несколько человек, и все они производили именно Устюжскую черневую работу, со всеми ее достоинствами. Затем, в первой четверти XIX века Кошков не мог заимствовать секрета от Жилиных, так как Кошков родился около 1816 года и был следовательно в указанное время очень мал. По отношению к Жилиным Кошков ни в каком родстве не состоял, а был просто учеником одного из Жилиных, — именно Александра Ивановича. От отца своего, тоже серебряных дел мастера, Кошков не мог заимствовать ремесла, так как остался после него малолетним сиротой. Что секрет состава устюжской черни строго хранился среди устюжских мастеров—это несомненно, так как секрет этот не стал общеизвестным и до настоящего времени, но чтобы только на смертном одре передавался от одного мастера другому — это ни более не менее, как красивая легенда. Естественнее представлять дело так, что в процессе всей работы усвоились мастерами и все детали ее, также и состав черни. Особенно это необходимо принять по отношению к тем мастерам, которые не были одиночками, работали не только „сам собою“, но с сыном, или братом. Пред сыновьями не приходится секретничать и скрывать от них способ приготовления черни, нужно было в самом процессе работы посвятить их во все ее тонкости, а следовательно сообщить и секреты ее.

По приведенным выше сведениям за 1810 год нельзя заключать, чтобы жилинская черневая работа в то время была самая лучшая. Оценка продуктов работы стоит в связи с качеством ее. За плохую работу никто не будет платить больше, чем за хорошую. Напротив, если работа лучше, то и платится за нее больше. Исходя из этого положения, можем сравнить качество черневой работы разных мастеров того времени. В продаже, в поделках, серебро у Ивана Жилина ценилось по 1 р. 50 коп. золотник, у Федора Климova Бушковского по 1 р. 60 к. и по 1 р. 65 коп. золотник и у Якова Герасимова Мосеева по 1 р. 50 коп. и по 1 р. 70 коп. золотник. Ясно из этого сопоставления, что Мосеев (иногда называемый в окладных реестрах Моисеев) мог производить самые лучшие вещи, следующие по качеству вещи выходили у Бушковского и уже следующие у Жилина. Кто был Мосеев, или Моисеев—это одно и то же, откуда приобрел он искусство черневой работы и не имел ли какого либо отношения, по своему прохождению, к тому Моисееву, который, по сообщению в № 17 за 1839 Вологодских Губ. Вед., был главным мастером на фабрике Поповых — об этом сведений не имеем.

Известно только, что в 1811 году Яков Герасимович Мосеев (он же Моисеев) был 38 лет, значит родился он в 1773 году, а фабрика Поповых сгорела в 1778 году, следовательно по времени рождения он мог быть сыном главного мастера фабрики Поповых. Если бы это было так и на самом деле, то в данном факте было бы новое опровержение того утверждения, что после пожара фабрики мастера ее разбрелись по России. В Моисееве мы имели бы пример мастера, оставшегося в Устюге и на последующую его жизнь.

Интересно сопоставить со сведениями за 1810 год сведения, обратные серебряного цеха от мастеров за 1840 год. За этот последний год из 23 значащихся в книге для сбора податей приведены следующие сведения всего о шести мастерах.

1) Михаил Федоров Бушковский, занимался производством серебряной разной черневой работы табакерок, панагий, ложек и прочаго. Работал сам собою; (переработал) серебра 7 фун., по 75 коп. золотник, на 504 р.; 5 червонцев по 12 р. 50 коп. на 62 р. 50 коп., всего на 566 р. 50 к.; в продаже 6 ф. 72 зол. по 1 р. 80 коп. зол. на 1166 р. 40 к. Здесь в городе. Недостатка не имеет.

2) Николай Григорьев Мотохов, серебряной разной белой и черной работы табакерок, панагий, ложек и прочаго. Работал сам собою с работником; работнику платы в год 250 руб. Серебра 10 фун. по 90 коп. на 864 руб., червонцы по 12 р. 50 коп. на 125 руб., всего 989 руб.; в продаже 9 фун. 70 зол., по 1 р. 80 коп., на 1681 р. 20 к. (работает) здесь в городе; недостатка (в собственном содержании) не имеет.

3) Прокопий Петров Студенцов, разной серебряной мелочной работы, сам собою. Серебра 1 ф. 80 зол., по 80 коп. золотник, на 140 руб. 80 коп., и 2 черв. по 12 р. 50 к. на 25 р., всего на 165 руб. 80 к. В продаже 1 ф. 72 зол. по 1 р. 80 коп., на 302 р. 40 коп. Здесь в городе. Недостаток дополняет от починки старых вещей.

4) Петр Сидоров Беляев чеканной разной работы риз, венцов и окладов; Сам собою. Серебра 16 ф. 30 зол. по 75 коп. золотник, на 1173 р. 50 к. и червонца 4 по 12 р. 50 к. на 50 р. итого 1224 руб. В продаже 16 ф. по 1 р. 5 коп. на 1612 р. 80 коп. Здесь в городе. Недостатка не имеет.

5) Алексей Семенов Ядрихинский, чеканной разной работы риз, венцов и окладов. Сам собою, с учеником. Серебра 15 ф. по 90 коп. золотник, на 1296 р., 10 червонцев по 12 р. 50 коп., на 125 руб. итого на 1421 р. В продаже 14 фун. 60 зол. по 1 р. 30 к., на 1825 р. 20 коп. Здесь в городе; недостатка не имеет.

6) Илья Степанов Минеев, серебряной разной работы черневой табакерок, панагий, ложек и прочаго. Сам собою, с одним работником; работнику платы в год 200 руб. Серебра 10 ф., по 90 коп. золотник на 864 руб.; 10 червонцев по 12 р. 50 коп., на 125 руб. всего на 989 р. В продаже 9 фун. 70 зол. по 1 р. 80 коп. на 1681 р. 20 коп. Здесь в городе; недостатка не имеет.

Таким образом, из шести приведенных мастеров 1840 года четверо производили черневую работу и два только чеканную работу риз, венцов, окладов. На смену работавших в 1810 году явилось новое поколение. Вместо Федора Климова Бушковского (1810) работает Михаил Федоров Бушковский тоже табакерки, панагии, еще ложки и прочее, вместо прежних перовников. Цена работы повысилась, вместо 1 р. 65 к.— 1 р. 80 коп. золотник. Далее, вместо Петра Алексея Студенцова (1810) работает Прокопий Петров Студенцов, но как первый, работал разные мелочные поделки, перерабатывал серебра 1 ф. и недостатки в содержанию покрывал от разных приносимых городскими жителями

починок, так и второй, производил разную серебряную мелочную работу, переработал 1 ф. 80 зол. серебра и недостатки в содержании дополнял от починок старых вещей, т.-е. установившиеся при отце темп и характер работы повторяются и при сыне. Мотохов и Минеев—вновь появившиеся мастера, равным образом и Ядрихинский. Что касается до Петра Сидорова Беляева, то он был мастером и в 1810 году. Счет покупки серебра и продажи изделий показан на ассигнации. Таким образом, у всех шестерых в продаже было на 8269 р. 20 коп. на ассигнации или на 2362 р. 62 коп. на серебро.

За тот же 1840 год имеем сведения Устюгской пробирной палатки об устюгских мастерах, представивших в нее вещи, сработанные ими из сплавленного в палатке серебра. Приводим и эти сведения, как дополняющие предыдущие и точно характеризующие то разнообразие производства, какое было у устюгских мастеров. В 1840 году в пробирную палатку представили следующие мастера и следующие свои изделия.

1) Петр Беляев 1 панагию¹⁾, 1 столовую ложку, 8 чайных, 1 молочник, 1 лжицу, 10 риз, 2 оклада, 44 венца, 2 привеска к иконам, 1 оплечник, 1 сосуд и 1 лжицу в дароносицу, 1 звезду, 5 тарелок церковных, на евангелие оклад, середину, 4 наугольника и 2 застешки, прибор в дароносицу.

2) Илья Минеев 5 табакерок, 3 чарки, 18 панагий, ложек 15 десертных, 6 столовых, 73 чайных, 24 пуншевых, 6 ложечек для соли, 2 суповые ковша, оправка для ковша, 2 пары схватов с цепочками, 53 креста, 5 колец, 3 наперстка.

3) Николай Мотохов 1 панагия, ложек: 33 десертных, 66 чайных, 78 пуншевых, 1 вилка, 2 столовых ножица, 34 креста, 4 подвески к иконам, 37 колец, 11 перстней, 4 супира, 6 колец столовых, 8 пар серег, 2 булавки; 1 наперсток, 1 детский рожок, 1 детская столовая ложка.

4) Роман Сидоров 9 крестов, 7 колец, 5 перстней, 34 пары серег, с приборами к оным.

5) Анна Шипицына 68 крестов, 14 привесок к иконам, 79 колец, 79 перстней, 2 супира, 165 пар серег с приборами к оным, 9 оправ для ставок, 4 гойтана, 1 булавка.

6) Алексей Ядрихинский 6 риз, 26 венцов, 5 привесок к иконам, 2 оплечника, 3 накладки на венец с винтами и гайками, 8 накладок с гайками для ризы, пасхальный подсвечник с принадлежностями, 2 застешки к евангелию, 1 кольцо, 1 бляжка, 1 оправка на графин.

7) Прокопий Студенцов 8 крестов, 15 привесок к иконам, 10 гайтанов, 37 колец, 45 перстней, 14 пар серег с приборами к оным.

8) Михаил Кошков 12 табакерок, 2 чарки, 1 панагия, ложек 44 десертных, 6 столовых, 47 чайных, 62 пуншевых, 1 лжица, 1 ситечко чайное, 14 вилок десертных, 2 черешка к ножам, 4 пары схватов с цепочками, 77 крестов, 1 привес к иконе, 30 колец, 11 перстней, 7 наперстков, 1 замок к ридикюлю.

9) Михаил Бушковский 1 прибор в дароносицу и 1 церковный ковш.

Все означенные вещи, представленные устюгскими мастерами в пробирную палатку, весили вместе 1 пуд 38 фунтов 29 золотников.

Как общее правило, работу производили мастера серебряного цеха сами самостоятельно, или как они отмечали о себе „сам собою“, затем „с сыном“, с отцом, с братом, с племянником, т. е. каждый кустарь работал в своем семействе. У редких были работники, и при том один, два, а также ученики из сторонней семьи. Пример такого мастера, образовавшегося из ученика, чуждой для мастера-учителя семьи видим в

¹⁾ Так называлась икона, размером приблизительно в дно чайного стакана, носившаяся на груди, под одеждой.

Ильяе Степановиче Миниеве. Вот договор, по которому Миниев поступил в ученичество. „16 декабря 1820 года записной крестьянин устюжского 2 гильдии купца П. М. Булдакова, Стефан Сергеев Миниев учинил договор с великоустюжским гражданином и ремесленником серебряного черневого мастерства Федором Климентовым Бушковским в том, что отдал своего родного сына Илью Миниева Бушковскому для совершенного обучения серебряному черневому мастерству на шесть годов с тем, чтобы Илье Миниеву находиться у Бушковского в учениках и работать его всякую серебряную и черневую работу в его хозяйском доме, на его содержании, исключая работу в воскресные, двенадцатые праздники и высокаторжественные дни, всякий день без изъятия. И во все то время ему Илье Миниеву, как к нему Федору Бушковскому, так и домашним ево быть верну, послушну, почтителну, и тому серебряному черневому и белому ремеслу обучаться прилежно и до показанного срока и от него Бушковского прочь не отходить, а особливо и не пьянствовать и тем ремесла его не останавливать, и без дозволения из дому ево никуда не отлучаться. А ежели ему, Миниеву за каковою законною нуждою сколотки рабочих дней работать не будет, то должен столькож дней отработать после означенного срока, не требуя никакой платы, без всяких отговоров. И ему Бушковскому онаго Миниева обучать ремеслу добропорядочно, не скрывая онаго ни мало, сколько сам умеет. А при том, куда следовать будут подушные деньги за его за Миниева, за одну душу, платить Бушковский должен повсягодно и бездоимочно. А при том обувать и платьем одевать, шапку, рукавицы, а летом шляпа и рубашка и подбубки Миниеву иметь свой и тем быть довольну. А есть-ли в воскресные, двенадцатые и высокаторжественные дни я Миниев буду работать и на моего хозяина, то за работу положить мне плату. А буде он Бушковский со своею работою отлучится и возьмет меня Миниева с собою, то я должен с ним вместе ехать на прогонах хозяина моего Бушковского и его содержании. И после означенного срока мне Миниеву работать оное ремесло и на Бушковского три года по такой плате, какую или мастера будет мне давать или цеховая управа мне назначит и что на ево же содержании. А дабы сей договор с обеих сторон был ненарушим и для того и мне Бушковскому сына твоего Илью Миниева в Велико-Устюжской серебряного цеха ремесленной управе в ученичьей книге записать при себе в учениках, в чем ему Бушковскому я Миниев при ниже подписавшихся свидетелях сие договорное письмо дал. Сие договорное письмо великоустюжской серебряного ремесла в цеховой управе явлено и в ученичью книгу под № 2 записан декабря 17 дня 1820 года.“

Илья Миниев шесть лет ученичества у Бушковского отбыл и после того в число договоренных трех лет прожил у него мастером год и 2 месяца, за плату по 35 коп. с золотника, на собственном его Миниева содержании пропитанием и одеждою. Плата эта оказалась для Миниева обидно—низка, кроме того Бушковский, пользуясь договором, эксплуатировал Миниева и в других отношениях, налагая на него работы, не принадлежащие к ремеслу, как то чистку двора хозяйского, уборку его лошади. Миниев не вытерпел такого положения и, как жалуется Бушковский, „вздумал самовластно от меня отходить“. И действительно отошел к другому мастеру, Александру Жилину, у которого и стал работать по штучно, с мелкой поделки по 60 коп. за золотник, а с крупной по 50 коп. за золотник. Разница в оплате труда оказалась очень большая. Бушковский обратился было в Ремесленную Управу с жалобой на Миниева и на Жилина, но управа встала на сторону Миниева и Бушковскому отказала, увидавши в искательстве последнего одно своекорыстие.

Из Миниева вышел великодушный работник, как это ясно из приведенного выше отзыва Шипулина о двух его чарках. Так как из рук Миниева выходили вещи устюгской черневой работы, а он научился этой работе у Бушковского, то ясное дело, что секрет Устюгской черни не был только в роду Жилиных, а вообще у Устюгских мастеров. Ведь в прежние—старые времена известна была вообще устюгская черневая работа, а не какая либо одна, напр. Жилинская, кроме того и под фирмой Жилина конечно, выходили в свет результаты работ и его наемных мастеров, каковые у него всегда были, так как эти наемные мастера не клали свой штемпель на свою работу. Поскольку они не были самостоятельны в работе, они своего штемпеда и иметь не могли. Поэтому весьма возможно, что несколько вещей с клеймом Жилина, вышло и работы Ильи Миниева, пока последний был мастером у Жилина. Впрочем он мог работать у последнего очень недолгое время.

Дело о мещанине Бушковском и ученике его Миниеве было в Ремесленной Управе в 1828 году. Со следующего, с 1829 года в серебряный цех, по указу Казенной Палаты, был вновь причислен из крестьян Степан Сергеев Миниев, т. е. отец Ильи Миниева. Был он в этом цехе и в 1830 году по 1834 включительно. Ясное дело, что Илья Миниев сразу же и стал работать с отцом своим, а в последствии времени и сам самостоятельно стал состоять в серебряном цехе. С 1835 года он уже, как мастер, вписался в Устюгскую Пробирную Палатку; в окладной 1836 года значится в цеховых не Степан а Илья Миниев. Работа им настолько была развита, что в 1838 году были у него уже два работника, с которыми он и выработывал черневые табакерки, папаги, ложки и проч. В книге Пробирной Палатки на 1842 год говорится, что золотых и серебряных дел мастер Илья Миниев живет во 2 части г. Устюга 101 квартале в доме родителя своего и имеет свою мастерскую в той же части 96 квартале в доме такового ж мастера Михайла Кошкова. Клеймо его И. М. В 1857 году И. Миниев состоял в цехе со своим сыном, за все это время он и производит черневую работу, так что сообщение в Вол. Губ. Вед. 1895 г. № 37 о единственном с 1852 года мастере черневой работы в Устюге Кошкове совершенно не верно.

Ошибочность утверждения Губ. Вед. еще яснее выступит пред нами, если сделаем справку в окладном листе серебряного цеха за 1857 год. Здесь значится 24 хозяина и кроме И. С. Миниева записаны здесь цеховые мастера Андрей Александров Жилин, с братом и сыном, Михаил Федоров Бушковский с отцом и сыном, Прокопий Петров Студенцов с сыном, Михаил Иванов Кошков. Все они несомненно производили черневые изделия.

Договор Миниева с Бушковским опровергает и рассказы о передаче секрета черневой работы мастерами только на смертном одре. Напротив, в ученические годы Бушковский должен был обучать Миниева ремеслу „добропорядочно, не скрывая оного ни мало, сколько сам умеет“ Из всей дальнейшей жизни Миниева и видим, что это условие Бушковским выполнено было вполне. Сразу же после ученических годов Миниев становится для Жилина завидным работником и принимается им за повышенную плату, впоследствии же при самостоятельной работе, Миниев *) производил великодушные черневые поделки, следовательно, производство черневой работы было им усвоено в совершенстве. Конечно,

*) Миниев, конечно, не единственный был ученик у устюгского мастера, сторонний для последнего. В окладной за 1787 год значится, напр., серебряный цеховой мастер Яков Алексеев Бушцев и с ним ученик Михайло Звездочетов. В 1792 году Михаил Федоров Звездочетов был уже самостоятельным цеховым мастером. И за другие годы встречаем изредка учеников разных фамилий с мастерами.

мало знать составные части черни, нужно знать и пропорцию в какой должна входить каждая из составных частей. Но и этого мало. Можно знать состав и пропорцию, входящих в чернь элементов и не быть в состоянии приготовить надлежащим образом эту самую чернь. Большое значение имеет в данном случае самый процесс приготовления черни, который воспринять можно только уже практическим путем, во время его производства. А этого на смертном одре не передашь. Со слов старика Кошкова сообщают об особенном отношении старых мастеров к процессу приготовления черни. Они настолько сознавали важность каждой детали процесса и трудность самого производства, что прежде чем приступить к приготовлению черни предварительно несколько времени постились. Само собой понятно, что дело тут не в посте и сам по себе пост не мог помочь ни в какую сторону, но дело именно в отношении и взгляде на самый процесс приготовления, от качества которого зависит и качество черни. Изготавливалось зараз в одном куске несколько фунтов черни, на более или менее продолжительное время работы. Если напр. изготовить полфунта, то чернь скоро выйдет и нужно будет снова готовить, а это труд хлопотливый и ответственный. Нужно быть точным и внимательным ко всем мелким подробностям, какими сопровождалась выплавка черни. При приготовлении черни происходит химическое соединение входящих в состав черни элементов. Но старые мастера химии не знали и ни о каких химических процессах, происходящих в данном случае представления не имели. Поэтому они не могли на словах рассказать точно и ясно своим ученикам, тоже в химии совершенно не сведущим, как нужно готовить чернь и что при этом происходит, т. е. какие химические процессы, а могли только научить приготовлению практически, на самом деле, показать, как все это нужно делать. Понятым становится отсюда и то, почему многие бывшие мастера черного дела унесли, как говорится, с собою секрет приготовления черни. При жизни они работали одиночками, „сам собою“, не было у них помощников, которых бы они могли научить своему искусству, на смертном одре, конечно, не до того было, чтобы учить когонибудь, да ментально, как выяснено нами выше и передать ничего не возможно.

Для наложения черни на металл она размельчается в порошок, каким накладывается на рисунок и затем сплавляется с металлом.

Устюгская чернь отличается особенной прочностью. М. И. Кошков демонстрировал эту прочность пред в. к. Владимиром Александровичем, когда последний приезжал в г. Устюг. Принес он пробу—серебряную пластинку в вершок длины и полвершка ширины. На пластинке был рисунок покрытый чернью. В присутствии князя Кошков стал молотом ударять по этой пластинке и половину ее расплющил так, что она удвоилась, т. е. стала вдвое длиннее и вдвое шире прежней, при чем равномерно же стал вдвое больше и рисунок, покрытый чернью и чернь не попортилась нисколько, а вместе с пластинкой раздалась во все стороны равномерно и от пластинки ни малейшая частица черни не отпала. С такими свойствами вырабатывается чернь и преемником Кошкова—М. П. Чирковым, что им также доказано на пробах.

В настоящее время в Устюге обладателем секрета устюгской черни и вырабатывающим предметы с этой чернью является внучек М. И. Кошкова—М. П. Чирков. Работает он со своими сыновьями. Есть еще работник черни В. Г. Батин, но он секрета устюгской черни не знает и работает кавказскую чернь.

В приведенных выше выдержках из Вол. Губ. Вед., наряду с сетованиями об упадке черневой промышленности, сразу же помещались сведения, что для выставки, для показа наследнику, мастера приготовили

прекрасные изделия. Значит и тогда дело было в сумме заказа. За надлежащую плату они всегда могли сработать ценную вещь.

Что действительно в прежнее время все дело было за надлежащими заказами на черневые изделия—это ясно из переписки Устюгского городничего с Вологодским губернатором, в начале пятидесятых годов XIX столетия, о состоянии черневого дела в г. Устюге. На запрос губернатора, городничий писал 31 мая 1853 года, что занимающихся ныне и прежде занимавшихся черневою работою в Устюге состоят на лицо Устюгские мешане Михаил Кошков, Михаил Бушковский, Николай Мотохов и Илья Миниев, но из них только Кошков, по заказам Никольского купца Илья Яковлева Грибанова и Архангельского Люрса, производит черневую серебряную работу ложек всякого разбора, то есть столовых, десертных и чайных, вилок и черенков к ножам, табакерок, сигарочников, папиросников и браслет, всего на 1200 рублей в год. Грибанов и Люрс, как люди по торговле зажиточные и богатые, делают Кошкову ежегодно заказы, потому что работа Кошкова гораздо лучше и прочнее таковой же работы мастеров Московских и других городов. За свою работу Кошков берет дороже против Московских и других городов мастеров примерно копеек на двадцать от каждого золотника. Бушковский, Мотохов и Миниев такую же берут цену за работу, как и Кошков, но они не имеют постоянных заказчиков, а устюжане, имеющие нужду в черневых изделиях, стараются купить такие или в Нижегородской ярмарке, или в Москве, или даже у мелочных торговцев, вообще там, где дешевле, не разбираясь в чистоте и прочности работы. Прежде Бушковский производил черневые работы ежегодно на 300 руб., Мотохов на 175 руб. и Миниев на 100 руб. серебром, теперь же, за отсутствием заказов, производство вынуждены прекратить, тем более, что, будучи сами по себе бедны, они не имеют возможности запасать серебра и всего нужного к производству того мастерства материала. Чтобы поддержать мастерство, говорит городничий, необходимо нанимать этих мастеров, делать черневые работы поштучно, представляя им и весь необходимый материал для работы.

И в настоящее время чернь может быть выработана такой же прочности, какой выработывалась и мастером Кошковым; есть и рисунки из прежних работ всевозможные, а из новых могут быть сработаны по желанию заказчика какие угодно. Значит и сейчас налицо все возможности к получению лучших черневых работ—дело только за соответствующими заказами. Надеяться на любительскую работу самих мастеров не приходится, по материальному положению последних.

Что касается до материального благополучия мастеров серебряного цеха вообще и мастеров черневого дела в частности, то прежде всего приходится отметить, что в памяти народной сохранилось представление об искусных мастерах этого дела и нет ни одного воспоминания о ставших богачах из числа этих мастеров. И в ведомостях Ремесленной Управы о мастерах самостоятельно ведущих свое дело отмечается только, что недостатка они не имеют, или же недостатки свои покрывают другими источниками, или мелкими заработками. Конечно, случались среди них и такие бедняки, которые по бедности даже от оклада освобождались, но таких сравнительно было незначительное число. Встречались и несамостоятельные мастера, не имевшие своих мастерских, а потому поступавшие в работники к цеховым мастерам, но и таких было также сравнительно немного, так как мастеров, державших работников было вообще мало и у одного хозяина было от 1—2 работников, т. е. очень немного. Некоторое представление о материальном положении мастеров серебряного цеха можно получить из книги на записку фабрикантов, мастеров ювелирного золотого и серебряного дела и купцов, производя-

щих торг золотом и серебром по Велико-Устюжской Пробирной Палатке на 1842 год. Оказывается, что из 11 мастеров, записанных в эту книгу, 7 имели собственные дома, двое жили в домах родителей и только двое в чужих домах, т. е. были на квартирах. У всех 11 мастеров были собственные мастерские, в которых они и производили работу, следовательно мастера эти обладали некоторым достатком.

По социальному положению почти все мастера серебряного цеха принадлежали к устюжским мещанам; очень редкие были из крестьян, так например в конце окладного реестра 1805 года особо отмечены из крестьян Петр Алексеев Студенцов, с братом, Григорий Перфирьев Долгодворов и Матвей Григорьев Токмаков, или в 1829 г. поступил из крестьян Степан Сергеев Минеев. Впоследствии и они переходили в разряд мещан города Устюга.

Изделий старых мастеров Устюжской черневой работы встретить ныне до невозможности трудно. В Музее в Устюге имеются изделия только двух последних мастеров: Кошкова и Чиркова. Кошковской работы здесь: три пары больших запанок, столовые ложки, вилка и ножик, черешок от ножика, браслет и детский рожок. Кроме растительного орнамента на вещах есть изображения птиц (лебедь, утка, чайка, петух, курица) животные (собака, белка), но нет ни одного вида города Устюга. На розжке в двух медальонах изображены: а) ангел с крестом и б) под деревом женщина с младенцем. Надпись на розжке „Бог милует и питает младенцы своя“. Вещи работы Чиркова: шесть чайных ложек с видами домов, церковей и орнаментом, пара больших запанок и браслет с подписью „приемник Кошкова“. Есть в Музее чудной черневой работы напрестольный крест, поступивший из Градской Семеновской ц. Так как Устюжские мастера такие кресты работали, то со всею вероятностью можно приписать и его кому либо из них. Крест по рисунку относится к первой четверти XVIII в.

Как выше отмечено, серебряного цеха мастера специализировались на разной работе. Одни производили чеканную работу риз на иконы, венцов и т. д. (напр. Василий Кладовиков, Петр Беляев, Проконий Нагибин, Семен Гуштин, Алексей Ядрихинский и др.), другие работали преимущественно мелкие вещи. Черневую работу, как более ценную, производили лучшие мастера. Составить полный список таких мастеров, за отсутствием данных, не имеем возможности. Можем представить небольшой список мастеров, о которых имеем точные указания, что они черневую работу производили. Вот эти мастера:

- 1) Иван Петров Жилин.
- 2) Сын его Александр Иванов Жилин.
- 3) Сын его Андрей Александров Жилин.
- 4) Федор Климов Бушковский.
- 5) Сын его Михаил Федоров Бушковский.
- 6) Иван Александров Островских.
- 7) Матвей Григорьев Токмаков.
- 8) Яков Герасимов Мосеев, он же Моисеев.
- 9) Илья Степанович Минеев.
- 10) Николай Григорьевич Мотохов.
- 11) Иван Матвеевич Игумнов.
- 12) Василий Федоров Залесов.
- 13) Михаил Иванович Кошков.
- 14) Михаил Павлович Чирков (производит ныне, с сыновьями).

Из этого числа Иван II. Жилин в 1786 году был уже ремесленным головой, следовательно его нужно отнести, как мастера, к XVIII

веку. Ф. К. Бушковский мастером стал с 1795 года, Я. Г. Мосеев возрастом был старше Бушбковского на 5 лет, а И. А. Островских старше Бушковского на 19 лет. Следовательно по началу работ и этих троих необходимо отнести, как работников к XVIII веку. От этого же века имеется указание на плохую черневую работу мастера Прокопия Молокова. Остальные 10 мастеров нашего списка по работе своей принадлежат всецело к XIX веку.

В печатаемом ниже общем списке мастеров серебряного цеха, помещаемые годы приблизительно указывают на время деятельности этих мастеров, так как в указываемые годы они уже состояли цеховыми мастерами.

Список мастеров серебряного цеха по г. В.-Устюгу, с указанием годов окладных ведомостей, в которых они показаны,

1. Белков Прокопий Тимофеев, с сыном, 1792, 1799.
2. Бельков Иван Прокопьев 1792, 1804 с детьми, 1807 с детьми, 1811, 1821 по бедности в оклад не положен.
3. Бельков Василий Прокопьев 1804 с отцом, 1807 с отцом, 1811, 1821 за старостью в оклад не положен, 1828 помер.
4. Бельков Лев Иванов 1828, 1834, 1840.
5. Бельков Яков Львов 1852, 1854, 1857 с братьями, 1862, 1868, 1880 с братом Михаилом.
6. Бушков Яков Алексеев 1786, 1792 с детьми.
7. Бушуев Алексей Яковлев 1804 с отцом, 1807 с отцом, 1811, 1821, 1828 помер.
8. Бушуев Яков Алексеев 1787 и с ним ученик Михайло Звездочетов, 1799.
9. Бушуев Александр Яковлев 1787.
10. Бушковских Федор Климов, мастер с 1795 г., 1799, 1804, 1807, 1811, 1821, 1828 с сыном 1834.
11. Бушковский Михаил Федоров, мастером с 1835 года, 1840, 1857 с отцом и сыном, 1862, 1868.
12. Буравкин Григорий Петров 1799, 1804 с отцом и братьями, 1807, 1811, 1821, 1828, 1834, 1852, 1857 с сыном и внуком.
13. Буравкин Прокопий Петров 1811.
14. Буравкин Илья Петров 1840.
15. Буравкин Алексей 1840, в рекрутах.
16. Буравкин Василий Петров 1804.
17. Буравкин Илья Григорьев 1854, 1862, 1868, 1880.
18. Беляев Петр Сидоров, мастером с 1810 г., 1811, 1821, 1828, 1840, 1857, 1862.
19. Бушманов Василий Савин 1799, 1804, 1808 отдан за рекрута.
20. Бушманов Иван Васильев 1821 по бедности и малолетству не положен, 1828, 1834, 1840.
21. Бушманов Александр Иванов 1854, 1857 умер.
22. Бушманов Иван Александров 1862.
23. Гущин Михаил Алексеев 1786.
24. Гущин Алексей Васильев 1786 старшина, 1792 с сыном, 1799.
25. Гущин Иван Андреев 1792, 1804, 1807, умер 1809 г.

26. Гушин Петр Алексеев 1787—цеховой подмастерье, 1792.
27. Гушин Семен Алексеев 1786, 1792 с сыном, 1804 с сыном, 1807 с сыном, 1811.
28. Гушин Михаил Андреев 1799.
29. Гушин Алексей Семенов 1828.
30. Гушин Александр Семенов 1821, 1834 уволен в Архангельское общество.
31. Гушин Василий Михайлов 1786, 1804, 1807, 1811, 1821, 1828 1834 помер.
32. Гушин Петр Михайлов 1804 с сыном, 1807, 1811.
33. Гушин Михаил Михайлов 1786, 1804 с отцом 1807.
34. Гушин Николай Михайлов 1821 за малолетством не положен, 1828, 1834, 1840.
35. Гушин Павел Михайлов 1804, 1821 за старостью не положен, 1828, 1840 помер.
36. Гушин Григорий Ларионов 1811, 1828 помер.
37. Гушин Якон Иванов 1821, 1828 отдан в рекруты за семейство Льва Бабикова.
38. Гушин Иван Яковлев 1840, 1857 с сыном 1862, 1868, 1880.
39. Гушин Алексей Николаев 1854, 1857, 1862, 1868, 1880.
40. Долгодворов Григорий Порфирьев 1799, 1804, 1807, 1811.
41. Долгодворов Василий Григорьев 1821, 1828, 1834, 1840, 1852, 1856 помер.
42. Жилин Иван Петров 1792, 1804, 1807, 1811.
43. Жилин Михаил Петров 1787, 1792, 1805 за умертвием в оклад не положен.
44. Жилин Петр Петров 1787, 1792, 1804, 1811, 1821 с сыном померли.
45. Жилин Александр Иванов 1821, 21 года и Старшинский товарищ, 1828, 1834, 1840.
46. Жилин Андрей Александров 1846, с братом и сыном 1857, 1862, 1868.
47. Жилин Иван Андреев 1880.
48. Заградский Петр Иванов 1792.
49. Звездочетов Михаил Федоров, с братом 1792.
50. Залесов Василий Федоров 1834, 1840.
51. Игумнов Иван Матвеев 1846, 1852, 1854, 1857, 1862, 1868, 1880.
52. Клестов Сергей Афанасьев 1787, 1792, 1804, 1807.
53. Клестов Иван Степанов с сыном 1792, 1804 с сыном, 1807, 1811, 1821 за умертвием не положен.
54. Клестов Николай Иванов (внук № 53) 1828, 1834, 1840 помер.
55. Клестов Алексей Николаев 1852, 1854, 1857, 1862, 1868, 1880.
56. Климшин Александр Семенов 1786 Старшинский товарищ, 1792, 1805 по бедности в оклад не положен, 1821 за старостью не положен, 1828.
57. Климшин Илья Михайлов 1792, 1805 за умертвием в оклад не положен.
58. Кудрявцев Ипат Федоров 1786, 1788, 1792 с сыном, 1804, 1807.
59. Кудрявцев Петр Ипатов 1786, 1811, в 1821 году был 54 лет.
60. Кудрявцев Степан Петров 1821 отдан в рекруты.
61. Кудрявцев Николай Петров 1821, 1828, 1834, 1840.
62. Кудрявцев Василий Петров 1821.
63. Кудрявцев Павел Николаев 1852, 1854, 1857, 1862, 1868.
64. Кладовиков Василий Львов 1810, 1821, 1828, 1834 помер.
65. Кладовиков Андрей Васильев 1840, 1857, 1862.

66. Кирпичев Николай Гаврилов 1811, 1821 помер.
67. Кошков Иван Алексеев 1821 помер.
68. Кошков Михаил Иванов мастером с 1838 г., 1840, 1880, помер в 1896 году.
69. Лобачев Александр 1851—1853.
70. Молоков Иван Алексеев 1792.
71. Молоков Осип Афанасьев 1792.
72. Молоков Прокопий Осипов 1787, 1792, 1805 за умертвием в оклад не положен.
73. Молоков Степан Степанов 1786 года старшинский товарищ, 1792 с детьми, 1804, 1807, 1821 за смертью не положен.
74. Молоков Иван Афанасьев 1804 с сыном.
75. Молоков Григорий Иванов 1805 с отцом 1807, 1811, 1821, 1828, 1834, 1840.
76. Молоков Иван Григорьев 1852, 1854, 1857, с братом и сыном, 1859 помер.
77. Молоков Василий Иванов 1868, с племянником 1880.
78. Моисеев Яков Герасимов 1799, 1804, 1807, 1811 (он же Моисеев).
79. Минеев Степан Сергеев 1829, 1830, 1834.
80. Минеев Илья Степанов, мастером с 1835 года, 1836, 1840, 1857 с сыном, 1862, 1868.
81. Мотохов Николай Григорьев мастером с 1835 года, 1840 1851—53.
82. Нагибин Прокопий Иванов 1799, 1804, 1807, 1811, 1821 за умертвием не положен.
83. Нагибин Иван Прокопьев 1828, 1834, 1840, 1852, 1854, 1857 с сыном, 1862, 1868.
84. Нагибин Василий Иванов 1880.
85. Олпуков Николай Иванов 1792, 1804.
86. Ордин Осип Иванов, с сыном 1787, 1792, 1804.
87. Ордин Дементей Осипов 1792, 1805 с отцом.
88. Ордин Козьма Осипов 1792, 1804 с сыном, 1807, 1811.
89. Ордин Прокопий Козмин 1821, 1828 помер.
90. Островских Иван Александров 1787, 1804, 1807, 1811, в 1821 г. 60 лет 1828 помер.
91. Островской Иван Михайлов 1792.
92. Пестерев Лев Афанасьев 1786, 1787.
93. Пестерев Демид Афанасьев 1792, 1804 с детьми, 1810 умер.
94. Пестерев Яким Иванов 1792, 1799, 1805 за умертвием в оклад не положен.
95. Пестерева Мария Екимова 1842, 1846, 1851, 1852, 1853.
96. Пестерева Анна 1810.
97. Пестерев Михайл Демидов 1821, 1828, 1834, 1840.
98. Пестовский Иван Федоров 1787, 1792, 1807, 1811, 1821 помер.
99. Пестовский Иван Фодосиев 1804.
100. Попов Иван Федоров 1792, 1799, 1805 за умертвием в оклад не положен.
101. Потапов Петр Силин 1786, 1787, 1792 с детьми.
102. Потапов Семен Петров 1786, 1804 с сыном.
103. Потапов Василий Петров, с братом 1804.
104. Потапов Василий Семенов 1821, 1828, 1834, 1840.
105. Потапов Петр Семенов 1857, 1862, 1868.
- 106 и 107 Потаповы Михайл и Василий Петровы 1880.
108. Романов Илья Иванов, с братом, 1792.
109. Романов Василий Иванов 1799, 1804, 1807, 1811, 1821, 1828.

110. Романов Прокопий Васильев 1846, 1853.
111. Русанов Петр Прокопиев мастером с 1798 года, 1799, 1807, 1811, в 1821 г. ему 44 года, 1824, 1834, в 1840 г. в Пробирную Палату не являлся.
112. Рудаков Григорий Ефимов 1799, 1804 с сыном.
113. Рудаков Андрей Григорьев 1811, 1821, 1828, 1834, 1840, 1854, 1862, 1868.
114. Рудаков Алексей Григорьев 1857.
115. Сидоров Роман Васильев в 1780 г. вписался в Пробирную Палатку мастером, 1787, 1792, 1804, 1807, 1811, 1821 за старостию в оклад не положен, 1834 помер.
116. Студенцов Петр Алексеев 1799, 1804, 1805 с братом, 1807 с братом, 1811, 1821, 1828.
117. Студенцов Прокопий Петров, мастером с 1831 г., 1834, 1840, 1852, 1854, 1856 умер.
118. Студенцов Иван Прокопьев 1862, 1868.
119. Селенина Маремьяна 1810.
120. Саблин Степан Васильев 1811, 1828, 1834, 1840, 1852, 1856 за старостию в оклад не положен, 1857.
121. Сорокин Василий Петров мастером с 1835 г., 1846.
122. Торлов Иван Осипов 1792.
123. Торлов Прокопий Иванов 1792, 1799, 1805 за умертвием в оклад не положен.
124. Торлов Василий Иванов 1786, 1804 с отцом и братом, 1807, 1811, 1821, 1828 помер.
125. Торлов Петр Алексеев 1789, 1792 с братьями, 1804 с братом и сыном.
126. Торлов Семен Петров 1807, 1811.
127. Торокановский Петр 1786.
128. Торокановский Семен Федоров 1786, 1787, 1792 с отцом, 1804 с детьми, 1811, 1821 был 60 лет, старшина в цехе.
129. Торокановский Алексей Семенов 1792.
130. Торокановский Алексей Петров 1786, 1804 с детьми, 1807 с детьми, 1811, 1821, в 1825 работы за старостью не производит.
131. Торокановский Василий Семенов 1821.
132. Торокановский Алексей Семенов 1828, 1834.
133. Торокановский Иван, Алексеев 1828, 1834, 1840.
134. Торокановский Николай Алексеев 1828, 1834.
135. Торокановский Василий Николаев 1852, 1854, 1857, с дядей, 1862, 1868, 1880 с сыном.
136. Тотмаков Матвей Григорьев 1805, 1807, 1811, 1821, 1828, 1834.
137. Тотмаков Михайло Матвеев 1852.
138. Тотмаков Яков Матвеев 1840.
- 139 и 140. Тотмаков Николай Яковлев, с братом Семеном и дядею 1857, 1862, 1868, 1880 с братом.
141. Усов Степан, с сыном 1792.
142. Усов Емельян („купецкий приемыш“ как о нем сказано в списке пробирной палатки) вписался в палатку мастером 1837 г., в 1840 году в палатку не являлся.
143. Шипицина Анна Семеновна, 1835 г. записавшаяся в пробирную палатку мастером, 1840, 1851—1853.
144. Ядрихинский Алексей Семенов мастером с 1835 г., 1840, 1846.
145. Ядрихинский Семен Алексеев 1852, 1854, 1857, 1862, 1868, 1880.
146. Ядрихинская Кристина 1851—1853.

Отчет правления Северо-Двинского общества изучения местного края за 1926 год.

На 1-е января 1926 года в составе общества числилось: один почетный член и 74 действительных. В течение 1926 года вновь принято 3 члена, и выбыло 3 члена так что численно состав общества остался прежний. По роду занятий 37 человек принадлежат к школьным работникам, остальные совслужащие. 38 членов имеют высшее образование; 11 человек члены ВКП(б); проживающих в г. В.-Устюге 46.

Всех общих собраний членов общества за отчетный год состоялось 6. На них рассмотрено 22 вопроса. Главным предметом внимания общих собраний было заслушивание и обсуждение докладов членов общества. На первом собрании 17 января, заслушаны были доклады правления о деятельности общества за 1925 год, доклад казначея и акт ревизионной комиссии, произведены выборы членов правления общества, контрольной и редакционной комиссий и кандидатов к членам. На втором собрании, 28 февраля, заслушан был доклад А. Г. Дербенева „Экономическое расслоение С.-Двинской деревни“; на третьем, 28 марта, доклад П. Н. Батина „Беспризорные, или несколько слов о детской смертности в сельских местностях С.-Двинской губернии за 1925 год; на четвертом, 25 апреля, доклад П. Н. Батина „Братчины“; на пятом, 23 мая, доклад П. Н. Батина „Братчины в местном крае“ и доклад В. П. Шляпина „Начало школьного образования в г. Устюге в XVIII столетии“; на шестом, 28 ноября окончание доклада В. П. Шляпина: школьное образование в В.-Устюге в XVIII веке.

На основании § 18 устава общества обязанности между членами правления, избранными на общем собрании 17 января 1926 года были распределены следующим образом: председатель правления В. П. Шляпин, заместитель председателя П. М. Суворов, казначей В. В. Комаров, секретарь П. П. Скворцов и член правления А. А. Кушеверский, Секретарь правления И. Н. Скворцов, за переездом на службу в Ижевск, освобожден от обязанностей секретаря и члена правления с 9 сентября 1926 года. Вместо его в отправлении обязанностей члена правления вступил кандидат В. В. Насоновский; этот последний в декабре 1926 г. выбыл из г. Устюга на службу на Дальний Восток и в отправлении обязанностей члена правления вступил второй кандидат Н. П. Базилевский.

Циркуляром главнауки, от 2 сентября 1926 года за № 10376, сообщено, что центральной штатной комиссией штат учреждения на 1926/27 г. для С.-Двинского общества изучения края утвержден в количестве одной штатной единицы именно „ученый секретарь“. Правление общества 12 сентября постановило: „ученым секретарем на срок наших полномочий признать члена правления В. П. Шляпина, с совмещением должности председателя правления. В виду фактического исполнения им обязанностей, назначить „ученым секретарем с 9 сентября с. г.“. С этого времени никакого другого секретаря в правлении не было.

Заседаний правления в отчетном году было 12, на них рассмотрено 61 вопрос, в том числе о плане работ общества на 1926 год, об оживлении работ секций, об установлении связи с комсомолом, с филиалами, о принятии новых членов общества, о командировании представителя на Областную Конференцию, состоявшуюся в гор. В.-Устюге в июне месяце, по финансовой части 9 вопросов и о времени, месте и повестке общих собраний—7.

Членами ревизионной комиссии были А. А. Шулькин, Н. Л. Тюкавин и Н. Г. Бекрашев. За переездом на службу в гор. Архангельск,

Н. Л. Тюкавин сложил с себя обязанности члена ревизионной комиссии и вместо его вступил в отправление обязанностей такового кандидат А. Пр. Тряпицын.

Редакционная комиссия, состоявшая из М. И. Помяловского, А. А. Манакова и В. П. Шляпина, имела одно заседание по изданию II выпуска записок общества. Означенный выпуск напечатан в количестве 700 экз. Содержание его составляют следующие статьи.

В. П. Шляпин. Из истории города Великого-Устюга.

III. Великий-Устюг в XVII и начале XVIII века. стр. 1—17.

IV. О сочинении и утверждении существующего ныне плана города Великого-Устюга стр. 17—35.

Э. Ф. Глезер. Частушки окрестных деревень города В.-Устюга стр. 35—47.

А. Г. Дербенев. К характеристике экономического расслоения Северо-Двинской деревни стр. 47—58.

З. И. Азов. Исторический очерк появления вредителей в Северо-Двинской губернии и меры борьбы с ними стр. 58—69.

А. А. Кушевский. Промышленность Северо-Двинской губернии стр. 69—113.

И. С. Из жизни Северо-Двинского общества изучения местного края стр. 113—114.

Цена выпуска 90 коп. экземпляр.

Издание этого выпуска обошлось в 554 руб. 54 к. Средствами на издание были 360 р., полученные за проданные экземпляры I вып. записок общества, 155 р. 96 к. поступивших пожертвований и 66 р. остатка издательского фонда, после издания I вып. записок.

В отчетном же году издан обществом III вып. записок, заключающий в себе статьи:

С. Т. Глебов. Революционная хроника за 1905—1906 годы на территории Северо-Двинской губ. стр. 1—8.

С. Т. Глебов Административно-политическая ссылка в Северо-Двинской губ. за время с 1905 по 1912 г. стр. 8—25.

В. П. Шляпин. Политические ссылки г. Яренска стр. 25—45.

Приложения стр. 45—61.

В принадлежащей обществу библиотеке к 1926 году было 84 названия, в количестве 160 томов. В течение 1926 года вновь поступило 77 названий, в 100 томах; поэтому, на 1 января 1927 года имеется всего 161 название в 260 томах. Пополнялась библиотека почти исключительно путем бесплатной присылки в обмен на издания общества. На средства общества выписывались журналы: Известия Центрального Бюро Краеведения, Краеведение и Природа.

Работа секций общества и в текущем году не могла наладиться, несмотря на принимаемые к налаживанию ее шаги.

Филиальные отделения Общества существуют в Никольске, Сольвычегодске и Лальске. Самым деятельным является Никольское отделение. Им выработан был очень обширный план деятельности на 1926 г., но работа по выполнению этого плана протекала, по заявлению самого отделения „крайне вяло“. Для оживления работы отделения, предположено подготовить издание небольшого сборника из имеющихся в отделении научных материалов. Всех членов отделения Общества 39.

Сольвычегодское отделение начало свою работу с 10 января 1926 г. До 4 ноября в нем проведено три общих собрания Общества и два заседания совета. На общих собраниях, кроме решения текущих вопросов, были заслушаны следующие доклады: Ешкилева В. А. „Сольвычегодск и его прошлое“, Плешкова П. Г. „О дюнах“. В Обществе

22 члена. Средства Общества составляют исключительно из членских взносов, каких на 1 октября было получено всего 3 рубля.

Членов Лальского филиального отделения числится 9, из них 1 служащий и 8 лиц интеллигентного труда. Избраны Председатель Правления, Секретарь и Казначей Общества. О деятельности этого отделения сведений не получено.

Денежный отчет Правления Общества.

П Р И Х О Д.

Оставалось к 1926 году сумм от:

Членских взносов	9 руб. 82 коп.
Издательского фонда	139 руб. 14 коп.

Всего в остатке . . . 148 руб. 96 коп.

В 1926 году поступило:

а) Членских взносов за 1925 год 3 руб. 75 коп. за 1926 год 28 руб. 90 коп., всего	32 руб. 65 коп.
б) По смете Наркомпроса из кредита по § 7 (зарплата)	539 руб. 94 коп.
в) По смете Н. К. П. по § 13 на расходы по ученой части	241 руб. — коп.

Итого по смете Н. К. П. . . 780 руб. 94 коп.

Издательского фонда:

г) Пожертвований	281 руб. 96 коп.
д) За проданные издания Общества	360 руб. 65 коп.
е) На издание III вып. записок	350 руб. — коп.
ж) Начислено процентов по текущему счету	11 руб. 94 коп.

Итого издательского фонда . 1004 руб. 55 коп.

Всего на приходе . . . . . 1967 руб. 10 коп.

Р А С Х О Д.

а) На выписку литературы	12 руб. 15 коп.
б) Почтовые, канцелярские и мелочные расходы	17 руб. 59 коп.
в) По § 7 кредита Н. К. П. на зарплату	539 руб. 94 коп.
г) По § 13 на расходы по ученой части	241 руб. — коп.
д) На издание II вып. записок Общества	554 руб. 54 коп.
е) На издание III вып. записок Общества	350 руб. — коп.

Итого в расходе . . 1715 руб. 22 коп.

В остатке к 1 января 1927 года:

а) Членских взносов	12 руб. 73 коп.
б) Издательского фонда	239 руб. 15 коп.

Итого в остатке . . 251 руб. 88 коп.

Общая сумма . . . . . 1967 руб. 10 коп.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
1. В. П. Шляпин. Из истории города Великого-Устюга. Школа в г. Устюге в XVIII веке	1
2. В. А. Суханов. Коряжемская кедровая роща	29
3. А. Н. Бачурихин. Бюджет рабочих Северо-Двинской губернии .	35
4. А. Н. Бачурихин. Сельское хозяйство С.-Двинской губернии на рубеже 1926 года	38
5. А. Н. Бачурихин. Наемный труд в крестьянских хозяйствах Северо-Двинской губернии	40
6. А. Н. Бачурихин. Обзор состояния сельского хозяйства Северо-Двинской губернии	42
7. Б. В. Ротерс. К микологической флоре С.-Двинской губернии .	68
8. В. П. Шляпин. О финифтяной фабрике, существовавшей в городе В.-Устюге в XVIII веке и о черневой на серебре работе	84
9. Отчет правления Северо-Двинского общества изучения местного края за 1926 год	105

